

США & Канада

ЭКОНОМИКА • ПОЛИТИКА • КУЛЬТУРА

USA & Canada: Economics • Politics • Culture

- ВОСПРИЯТИЕ КИТАЙСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ
В СТРАНАХ ЗАПАДА
- РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЕ ПАРТНЁРСТВО И США:
СТРАТЕГИИ И ИХ ВОПЛОЩЕНИЕ
- ИНДО-ТИХООКЕАНСКАЯ ПОЛИТИКА ВАШИНГТОНА
И ПОДХОД К КИТАЮ
- РОССИЯ, КИТАЙ И США НА ФОНЕ КРИЗИСА НА УКРАИНЕ
- РЕАКЦИЯ КНР НА ТАЙВАНЬСКИЙ ВИЗИТ Н. ПЕЛОСИ
- КИТАЙСКИЙ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫЙ ШАР НАД ТЕРРИТОРИЕЙ США:
ЧТО ЭТО БЫЛО?



7 • 2023

*Российская академия наук
Институт Соединённых Штатов Америки и Канады
имени академика Г.А. Арбатова*



США & Канада

ЭКОНОМИКА – ПОЛИТИКА – КУЛЬТУРА

Научный и общественно-политический журнал

2023

№ 7 (643)

Июль

Основан в январе 1970 года

Выходит 12 раз в год

ISSN 2686-6730

*Журнал издаётся под руководством
Отделения глобальных проблем и международных
отношений РАН*



Главный редактор

А.Н. ПАНОВ

Редакционная коллегия:

В.Н. Гарбузов (ИСКРАН, Москва, Россия); П.С. Золотарёв (ИСКРАН, Москва, Россия); Е.Г. Комкова (ИСКРАН, Москва, Россия); К.И. Косачёв (Совет Федерации Федерального Собрания РФ, Москва, Россия); С.В. Лавров (МИД РФ, Москва, Россия); Л.Ф. Лебедева (ИСКРАН, Москва, Россия); В.П. Лукин (Совет Федерации Федерального Собрания РФ, Москва, Россия); М.Г. Носов (Институт Европы РАН, Москва, Россия); О.Г. Овчинников (ИСКРАН, Москва, Россия); А.Н. Панов (МГИМО, Москва, Россия); А.А. Пороховский (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия); С.М. Рогов (ИСКРАН, Москва, Россия); С.А. Рябков (МИД РФ, Москва, Россия); В.Б. Супян (ИСКРАН, Москва, Россия); Т.А. Шаклеина (МГИМО, Москва, Россия); Том Грэм (Ассоциация Киссинджера, Нью-Йорк, США); Пан Давэй (Шанхайская академия общественных наук, Шанхай, КНР); Нобуо Симотомаи (Университет Хосэй, Токио, Япония) Анжела Стент (Джорджтаунский университет, Вашингтон, США); Кадзухико Того (Университет Киото Сангё, Киото, Япония).

Номер готовили:

В.С. Ахонина; М.Ю. Белецкая; А.Л. Коровина; О.Б. Кузнецова;
Е.К. Рогульская (заведующая редакцией); А.С. Степанов.

Москва

© Российская академия наук, 2023

© Институт США и Канады им. Г.А. Арбатова, 2023

© Редколлегия журнала «США & Канада»
(составитель), 2023

Russian Academy of Sciences
Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies

USA & Canada

ECONOMICS – POLITICS – CULTURE

2023

No. 7 (643)

July

Published since January 1970

Monthly Publication (12 Times a Year)

ISSN 2686-6730

*The Journal is published under supervision of the Department of Global
Problems and International Relations of the RAS*

Editor-in-Chief

A. PANOV

Editorial Board:

V. Garbuzov (ISKRAN, Moscow, Russia); P. Zolotarev (ISKRAN, Moscow, Russia); E. Komkova (ISKRAN, Moscow, Russia); K. Kosachev (Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation, Moscow, Russia); S. Lavrov (The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia); L. Lebedeva (ISKRAN, Moscow, Russia); V. Lukin (Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation, Moscow, Russia); M. Nosov (The Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia); O. Ovchinnikov (ISKRAN, Moscow, Russia); A. Panov (MGIMO, Moscow, Russia); A. Porokhovskii (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia); S. Rogov (ISKRAN, Moscow, Russia); S. Ryabkov (The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia); V. Supyan (ISKRAN, Moscow, Russia); T. Shackleina (MGIMO, Moscow, Russia); Thomas Graham (Kissinger Associates, Inc., New York, USA); Pan Dawei (Shanghai Academy of Social Sciences, Shanghai, China); Nobuo Shimotomai (Hosei University, Tokyo, Japan); Angela Stent (Georgetown University, Washington, D.C., USA); Kazuhiko Togo (Kyoto Sangyo University, Kyoto, Japan).

Moscow

© Russian Academy of Sciences, 2023

© Arbatov U.S. and Canada Institute
(ISKRAN), 2023

© Editorial Board of "USA & Canada"
(compiler), 2023

Содержание

2023, № 7 (643)

Китай и США: границы соперничества и сотрудничества

Рогов С.М. Российско-китайское партнёрство и США.....	5
Уянаев С.В. Китай в индо-тихоокеанской политике США: цели и эволюция.....	23
Степанов А.С. Китайский разведывательный шар как фактор в американо-китайских отношениях.....	36
Давыдов А.С. Сценарии взаимоотношений в «большом треугольнике» в нынешней геополитической ситуации.....	49
Труш С.М. Российско-украинский конфликт как фактор отношений КНР – США: динамика ситуации.....	59
Сюй Б., Дин Х. Китайско-российское сотрудничество в контексте китайско-американского стратегического соперничества.....	68
Морозов Ю.В. Взаимоотношения КНР – США – РФ в условиях военного кризиса на Украине.....	85
Кулинцев Ю.В. Четвёртый кризис безопасности в Тайваньском проливе: ответ КНР на визит Н. Пелоси.....	94
Клименко А.Ф. США, Китай и Россия в новой глобальной политической среде.....	107
Зуенко И.Ю. Проблемы восприятия внешней политики КНР как фактор китайско-американского противостояния.....	117
Информация для авторов	127

Публикуемые материалы отражают точку зрения авторов, которая может не совпадать с мнением редколлегии журнала.

Любое использование публикаций журнала в коммерческих целях, включая перепечатку или перевод на иностранные языки, без письменного согласия редакции не допускается. Ссылка на журнал при цитировании или частичном использовании текста публикаций обязательна.

Contents

2023, No. 7 (643)

China and the US: Limits of Competition and Cooperation

Rogov, S.M. Russian-Chinese Partnership and the United States.....	5
Uyanaev, S.V. China in American Indo-Pacific Policy: Goals and Evolution.....	23
Stepanov, A.S. Chinese Surveillance Balloon as a Factor in U.S.-China Relations.....	36
Davydov, A.S. Scenarios of Relationship in the "Big Triangle" in the Current Geopolitical Situation.....	49
Trush, S.M. Russian-Ukrainian Conflict as a Factor in US-China Relations: Dynamics of the Situation.....	59
Xu, B. Ding, H. Sino-Russian Cooperation in the Context of Sino-US Strategic Rivalry.....	68
Morozov, Yu.V. China-USA-Russia Relations in Conditions of Military Crisis in Ukraine.....	85
Kulintsev, Yu.V. Fourth Taiwan Strait Security Crisis: China's Response to N. Pelosi's Visit to the Island.....	94
Klimenko, A.F. USA, China and Russia in the New Global Political Environment.....	107
Zuenko, I.Yu. Misperception of Chinese Foreign Policy as a Factor of US-China Decoupling.....	117

УДК: 327

DOI: 10.31857/S2686673023070015

EDN: GISJNU

Российско-китайское партнёрство и США

С.М. Рогов

Институт США и Канады им. академика Г.А. Арбатова

Российской академии наук (ИСКРАН).

Российская Федерация, 121069, Москва, Хлебный переулок, д. 2/3.

Scopus Author ID: 7004559140 ПИНЦ ID: 198424

ORCID: 0000-0002-3957-7128

e-mail: srogov@rambler.ru

Резюме. В последнее время опубликован ряд важных документов, которые, на мой взгляд, заслуживают серьёзного анализа. Это – два российско-китайских заявления, подписанные на саммите в Москве (Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики об углублении отношений всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху. 21 марта 2023 года; Совместное заявление Президента Российской Федерации и Председателя Китайской Народной Республики о плане развития ключевых направлений российско-китайского экономического сотрудничества до 2030 года. 21 марта 2023 года).

Вскоре после этого были опубликованы новая концепция внешней политики России и отчёт МИД за 2022 год (Концепция внешней политики Российской Федерации. 31 марта 2023 года; Внешнеполитическая и дипломатическая деятельность Российской Федерации в 2022 году. Обзор МИД России. Москва, март 2023 года);

Ранее администрация США выпустила Стратегию национальной безопасности и Стратегию национальной обороны (*National Security Strategy. The White House. Washington, D.C., October 12, 2022; National Defense Strategy. The Department of Defense. Washington, D.C., October 27, 2022*).

В данной статье сопоставляются ключевые позиции, декларируемые в этих документах, а также фактическая ситуация в этих сферах.

Ключевые слова: стратегия национальной безопасности, концепция внешней политики России, двойное сдерживание, полицентричный мир, национальная безопасность, коллективный Запад, один пояс-один путь

Для цитирования: Рогов С.М. Российско-китайское партнёрство и США. *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2023; 53(7) 5-22.

DOI: 10.31857/S2686673023070015

EDN: GISJNU

Russian-Chinese Partnership and the United States

Sergey M. Rogov

Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies,

Russian Academy of Sciences.

2/3, Khlebny pereulok, Moscow, 121069, Russian Federation.

Scopus Author ID: 7004559140 ПИНЦ ID: 198424

ORCID: 0000-0002-3957-7128

e-mail: srogov@rambler.ru

Abstract: A number of important documents have recently been published that, in my opinion, deserve serious analysis. These are the two Russian-Chinese declarations signed at the

Moscow summit (Joint statement of the People's Republic of China and the Russian Federation on deepening the comprehensive strategic partnership of coordination for the new era and stress settling the Ukraine crisis through dialogue. 21 March 2023; Joint statement by the President of the Russian Federation and the Chairman of the China People's Republic on a plan for the development of key areas of Russian-Chinese economic cooperation until 2030. 21 March 2023).

Soon after, a new concept of Russian foreign policy and a report of the Ministry of Foreign Affairs for 2022 were published (The Concept of The Foreign Policy of the Russian Federation. 31 March 2023; Foreign Policy and Diplomatic Activities of the Russian Federation in 2022. Review of the Russian Foreign Ministry. Moscow, March 2023);

Earlier, the US Administration released the National Security Strategy (National Security Strategy. The White House. Washington, D.C., October 12, 2022; National Defense Strategy. The Department of Defense. Washington, D.C., October 27, 2022).

Keywords: National security strategy, Russian foreign policy concept, double deterrence, polycentric world, national security, collective West, the belt and road initiative

For citation: Rogov S.M. Russian-Chinese Partnership and the United States. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2023; 53 (7): 5-22.

DOI: 10.31857/S2686673023070015 EDN: GISJNU

ВВЕДЕНИЕ

Состоявшаяся в марте 2023 г. российско-китайская встреча в верхах продемонстрировала, что отношения между двумя странами вступили в новую фазу. Показательно, что лидер КНР, переизбранный на новый срок, совершил свой первый государственный визит в Москву. В совместном заявлении В.В. Путина и Си Цзиньпина об углублении отношений всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху, подписанном 21 марта 2023 г., говорится, что «российско-китайские отношения *всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия, достигли наивысшего уровня в своей истории*» [1] (курсив здесь и далее – мой. – С.Р.).

В документе заявлено, что Россия и КНР намерены «*оказывать решительную взаимную поддержку в вопросах защиты коренных интересов друг друга, прежде всего суверенитета, территориальной целостности, безопасности и развития*» [1].

В совместном заявлении об углублении отношений всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху, говорится, что «*стороны будут регулярно проводить совместные патрулирования на море и в воздухе и совместные учения, развивать обмены и сотрудничество, в том числе в рамках всех имеющихся двусторонних механизмов взаимодействия, углублять взаимодоверие между вооруженными силами двух стран*» [1]. Вместе с тем утверждается, что эти отношения *не являются военно-политическим союзом, подобным союзам, сложившимся в период холодной войны, а «превосходят такую форму межгосударственного взаимодействия»* [1].

У России и Китая нет требующегося для военного союза обязательства о взаимопомощи в случае агрессии против одной сторон. Но целый ряд элементов военно-политического союза, включая совместные военные учения, а также сотрудничество в сфере безопасности, присутствует. Например, Россия и КНР постоянно проводят совместное патрулирование стратегической авиации в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Стороны подтверждают готовность решительно защищать международную систему, в которой центральную роль играет ООН, миропорядок, основанный на международном праве, и фундаментальные нормы международных отношений, базирующиеся на целях и принципах Устава ООН; выступают против всех форм гегемонии, односторонних подходов и политики силы, против мышления «холодной войны», блокового противостояния и создания узких форматов, направленных против определенных стран [1].

В документе говорится: «Стороны призывают США прекратить подрывать международную и региональную безопасность и глобальную стратегическую стабильность в целях обеспечения своего одностороннего военного преимущества» [1].

Заявление не скрывает намерения сторон противодействовать стремлению США консолидировать однополярный мир. Россия и Китай намерены «продвигать многополярное мироустройство» и выступают «против навязывания одним государством другим государствам своих ценностей, проведения идеологических линий, создания ложного нарратива о так называемом противостоянии демократий и автократий, использования демократии и свободы в качестве предлога и политического инструмента для оказания давления на другие государства» [1]. Стороны выступают против вмешательства внешних сил во внутренние дела.

В заявлении США напрямую подвергается критике 7 раз плюс ещё раз 10 осуждается не поименно, но достаточно прозрачно, например, при упоминании «гегемонии», вмешательства во внутренние дела.

Как пишет профессор Гарвардского университета Грэм Эллисон, «по всем характеристикам – личным, экономическим, военным и дипломатическим – необъявленный альянс, который Си создал с Путиным, стал намного важнее большинства официальных альянсов США» [2].

США: ДВОЙНОЕ СДЕРЖИВАНИЕ

Развитие российско-китайского партнёрства происходит в условиях, когда Вашингтон осуществляет политику «двойного сдерживания» Москвы и Пекина.

До недавнего времени многие в Вашингтоне считали, что расхождение интересов России и КНР помешает им сформировать антиамериканскую коалицию. Стратегия национальной безопасности США, принятая администрацией Джо Байдена в октябре 2022 г., констатировала, что «Россия и Китай всё больше сотрудничают», но представляют собой несовпадающие вызовы» [3]. Вашингтон намерен проводить «сдерживание» Москвы и «соперничество» с Пекином.

Администрация Джо Байдена официально заявляет, что «Россия представляет серьёзные и постоянные риски в ключевых областях». Список угроз со стороны выглядит весьма внушительно: «Они включают ядерные угрозы территории США и американским союзникам и партнёрам, угрозы крылатых ракет большой дальности, кибернетические и информационные операции, контрокосмические угрозы, химическое и биологическое оружие, подводные угрозы и особенно массированные кампании против демократий» [4].

Стратегия национальной безопасности обвиняет Россию в том, что она «проводит империалистическую внешнюю политику» и является в настоящее время

непосредственной угрозой США [3]. Администрация Байдена объявила своей задачей «добиться стратегического поражения России на Украине». Вашингтон оказывает беспрецедентную финансовую и военную помощь Киеву, ведёт, по существу, прокси-войну против Москвы.

Подчёркивается: «Вместе с нашими союзниками по НАТО мы усиливаем нашу оборону и сдерживание, особенно на восточном фланге альянса» [3]. Далее говорится: «Соединённые Штаты будут сдерживать и, если потребуется, реагировать на действия России, которые угрожают основным интересам США... Соединённые Штаты не позволят России или любой другой державе достичь своих целей, используя или угрожая использовать ядерное оружие» [3].

Таблица 1

Доля Китая, России и США в общемировых военных показателях, %

	Военные расходы	Ядерные вооружения	Экспорт вооружений	Импорт вооружений
Китай	14	2,7	5,2	4,6
Россия	3,4	47	16	-
США	39,0	42,7	40	2,7

Источники: https://www.sipri.org/sites/default/files/2022-03/fs_2203_at_2021.pdf.

Вместе с тем Стратегия национальной безопасности США, главной угрозой считает не Россию, а Китай. В документе подчёркивается, что «КНР является *единственным конкурентом*, который имеет намерение переделать мировой порядок, так и растущую экономическую, дипломатическую, военную технологическую мощь для осуществления этих планов» [3]. При этом отмечается, что «соперничество с Китаем происходит прежде всего в Индо-Тихоокеанском регионе, но всё больше приобретает глобальный характер» [3].

В Стратегии национальной обороны США, опубликованной 27 октября 2022 г., говорится, «наиболее всеобъемлющим и серьёзным вызовом национальной безопасности США является подрывной и все более агрессивный курс КНР, направленный на трансформацию в своих интересах и авторитарным предпочтениям Индо-Тихоокеанского региона и международной системы» [4].

Отметим развернувшуюся в последние годы гонку военно-морских вооружений Пекина и Вашингтона. Создав мощную судостроительную базу, КНР смогла догнать и даже обогнать США по количеству военных кораблей, что вызывает большую тревогу у американцев. По американским данным в 2022 г. у Китая был 351 корабль, а у США – только 294. Но американский флот обладает большим превосходством по числу авианосцев и стратегических подводных лодок. Однако в ближайшее десятилетие этот разрыв существенно сократится [5].

Пекин в последние годы стал почти равным экономическим соперником Вашингтона, опережая США по ряду показателей, в том числе по величине ВВП по паритету покупательной способности (но не по обменному курсу), по экспорту товаров, хотя и уступает по некоторым важным качественным характеристикам. Доллар по-прежнему является основной мировой валютой.

Таблица 2

Доля Китая, России и США в общемировых экономических показателях, %

	Население	ВВП (ППС)	ВНП	Экспорт	Импорт	НИОКР
Китай	18,4	18,6	17,7	12,8	11,5	25,5
Россия	1,9	3,1	2,1	2,0	1,4	2,5
США	4,3	15,7	24,8	9,2	12,6	24,5

Источники: <https://data.worldbank.org/indicator/NV.IND.MANF.ZS?end=2021&start=2021>,
<https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2022/10/11/world-economic-outlook-october-2022>.

Следует отметить, что Китай превратился в главную «фабрику мира». На его долю приходится 30% мирового промышленного производства, а доля США в два раза меньше [6]. На Россию приходится всего 1%.

Важное значение имеет и колоссальный рост расходов Китая на науку. По этому показателю китайцы обошли американцев. Доля КНР в мировых расходах на НИОКР достигла 25% [7].

Конечно, не все китайские научные исследования соответствуют высоким стандартам. Тем не менее Китай вышел на первое место в ряде областей науки. Согласно исследованию, скрупулезно проведённому Австралийским институтом стратегической политики, которое было опубликовано в марте 2023 г., Китай лидирует в 37 из 44 важнейших областей современной науки. США занимают первое место только в 6 сферах, Россия – всего лишь в 1. Такая ситуация вызывает большую тревогу в Вашингтоне. В статье бывших американских сенаторов Сэк-сби Чэмблисса и Кента Конрада, говорится, что «Китай явно стремится занять позицию глобального научного и технологического лидера» [8].

Таблица 3

Материалы с улучшенными свойствами, перспективные технологии (доля в общем количестве наиболее цитируемых научных публикаций, %)

	Китай	США	Россия
1. Наноматериалы	58	7	0
2. Покрытия	58	7	1
3. «Интеллектуальные» материалы	43	7	0
4. Улучшенные композитные материалы	41	7	1
5. Инновационные метаматериалы	46	17	1
6. Высокотехнологичная механообработка	36	12	1
7. Взрывчатые вещества и энергетические материалы	47	21	3
8. Добыча и переработка важнейших полезных ископаемых	37	13	2
9. Магниты и сверхпроводники	33	16	2
10. Улучшенная защита	35	19	0
11. Непрерывный химический синтез	25	14	0
12. Аддитивные технологии (вкл. 3D-печать)	20	20	1

Источник: <https://www.kommersant.ru/doc/5861101>

Серьёзных успехов китайцы добились в НИОКР по перспективным технологиям, включая искусственный интеллект.

Таблица 4

Искусственный интеллект, компьютеры, связь (доля в общем количестве наиболее цитируемых научных публикаций, %)

	Китай	США	Россия
1. Радиочастотная связь (вкл. 5G и 6G)	30	10	0
2. Оптическая связь	38	13	0
3. Алгоритмы и аппаратные ускорители искусственного интеллекта	37	13	-
4. Технология распределенного реестра	28	11	1
5. Расширенный анализ данных	31	15	1
6. Машинное обучение	33	18	0
7. Кибербезопасность	23	17	0
8. Высокопроизводительные вычисления	26	29	1
9. Проектирование и производство интегральных схем	21	24	0
10. Распознавание и анализ речи и текста	24	26	0

Источник: <https://www.kommersant.ru/doc/5861101>

Несмотря на объявленную ещё Дональдом Трампом торговую войну с Пекином, сохраняется и экономическая взаимозависимость США и КНР. В 2022 г. американо-китайская торговля достигла рекордной величины, превысив 690 млрд долл. [9]. У США отрицательный баланс, поскольку американский экспорт (154 млрд долл.) многократно уступает импорту из Китая (537 млрд долл.).

К сожалению, Россия не является серьёзным экономическим конкурентом США. Наша страна занимает 11-е место в мире по величине ВВП, 13-е по экспорту товаров, 22-е по иностранным инвестициям [10].

Незначительной является и российско-американская торговля. Объём экспорта американских товаров в Россию в 2022 г. стал рекордно низким за всё время показателей российско-американской торговли и упал примерно в 3,7 раза, составив лишь 1,7 млрд долл. по сравнению с 6,4 млрд в 2021 году. Импорт российских товаров в США в 2022 г. сократился примерно до 14,45 млрд долл. с зафиксированных в 2021 г. 29,6 млрд долларов [11].

Вопреки международному праву США и их союзники ввели против России беспрецедентные санкции, целью которых стали государственные органы, различные компании, а также физические лица. Под ударом санкций оказываются «стратегические секторы российской экономики» [3]. США начали планировать крупномасштабные санкции против России ещё в конце 2021 года [12].

Как отмечает генеральный директор РСМД И.Н. Тимофеев, можно выделить три группы санкций, которые ввёл Вашингтон [13].

1. Финансовые санкции, которые предусматривают ограничение транзакций с зарубежными контрагентами из-за блокирующих санкций в отношении российских банков, а также аналогичных санкции против широкого круга физических и юридических лиц. Сюда же относятся отключение ряда финансовых

институтов от *SWIFT*, секторальные финансовые санкции, запреты на инвестиции, на ввоз валюты ряда западных стран и тому подобное.

2. Экспортный контроль. Речь о запрете на поставку в Россию широкого набора промышленного оборудования, электроники, продукции двойного назначения, потребительских товаров. В основном такие ограничения направлены на сдерживание промышленной и военной модернизации. Дело дошло до того, что весной 2023 г. был наложен запрет американским компаниям без специальной лицензии от правительства США поставлять в Россию и Белоруссию 276 кодов товарной номенклатуры. Среди них: смартфоны, кондиционеры, холодильники, электронные весы, пылесосы со встроенным электродвигателем, настенные вентиляторы, посудомоечные машины, бытовые микроволновые печи, бытовые кофемашины, электрические тостеры, звукозаписывающее и звуковоспроизводящее оборудование.

Запреты распространяются и на третьи страны, которым запрещено передавать России произведённую ими продукцию в случае каких-либо связей с юрисдикцией стран-инициаторов (лицензии, технологии, оборудование и другое).

3. Контроль импорта, то есть запрет на поставки в страны-инициаторы ключевых товаров российской экспорта — нефти и нефтепродуктов, угля, продукции чёрной металлургии, золота и так далее. Цель — лишить Россию экспортных валютных поступлений [13].

К данным трём блокам надо добавить и корпоративные бойкоты сотен западных фирм, ушедших из России или остановивших поставки.

В санкционный список, в частности, включены фонд «Сколково», Сколковский институт науки и технологий («Сколтех»), «Камаз», Институт прикладной математики им. М.В. Келдыша РАН, Научно-исследовательский институт системных исследований РАН, компании «Мегафон» и «Инновации и технологии». Кроме того, рестрикции касаются Всероссийского научно-исследовательского института радиотехники.

Произошла остановка совместных проектов и конференций, прекращение выдачи западных грантов, ограничение доступа к научным журналам и прекращение импорта иностранного оборудования. Это создаёт угрозу технологической деградации и может привести к губительным последствиям.

Осуществляется дискриминация актёров и музыкантов. Спортсменам, за редким исключением, запрещено участвовать в международных соревнованиях.

Экономические санкции, введённые Вашингтоном и его союзниками, подталкивают к автаркии. Москва делает упор на организацию импортозамещения, хотя компенсировать прекращение доступа к высоким технологиям оказалось сложно. Не без некоторого успеха Россия находит новые рынки в развивающихся странах.

В редакционной статье газета «Вашингтон пост» пишет: «Целью Запада при развязывании второй войны, войны экономических санкций – заключалась в том, чтобы наказать Россию и лишить её возможности вести наземную войну на

Украине». Но «эти усилия не привели, как ожидалось, к краху российской экономики» [14].

В этих условиях влиятельные американские политические круги требуют усилить давление на Москву. В частности, речь идёт о снижении цены на российскую нефть с 60 до 40 долл. за баррель, а также о конфискации арестованных российских финансовых активов на сумму в 300 млрд долл. под предлогом использования их для экономического восстановления Украины [14].

В новой концепции внешней политики Российской Федерации объявляется, что «в случае недружественных действий других государств, включая санкции, Россия оставляет за собой право применять симметричные и асимметричные меры и для пресечения таких действий, и для предотвращения их рецидивов в будущем» [15].

Москва отреагировала на санкции, в том числе и на масштабные ограничения в отношении российских граждан и организаций. Были введены ответные санкции, а также персональные рестрикции на бессрочной основе в отношении 1271 гражданина США, 1204 граждан Канады» [16]. «Чёрный список» был расширен 19 мая 2023 г., в том числе за счёт известных экспертов Атлантического совета, Фонда Карнеги, Брукингского института и других ведущих исследовательских центров [17].

КНР также подвергается экономическому давлению со стороны США, но это проявляется не столько в санкциях, сколько в ведении повышенных тарифов на китайские товары. Развёрнута также кампания бойкота цифровой компании «Хуавей» и социальной сети «Тик-Ток».

В обеих палатах Конгресса США ныне рассматриваются два законопроекта против китайского программного обеспечения. Комитет по иностранным делам Палаты представителей одобрил билль (HR 1153), который предусматривает суровое наказание за передачу «чувствительной личной информации» какой-либо компании, которая принадлежит или «находится под влиянием» Китая. Продвигается вперед и сенатский законопроект (S 686), который поддерживает 21 спонсор [18].

Китайские компании не хотят попасть под вторичные ограничения Вашингтона за сделки с российскими организациями. Даже те контракты, которые санкциями прямо не запрещены, могут быть истолкованы как «вливания в бюджет страны-агрессора» или иная помощь «российской военной машине». Китай опасается, что США могут использовать это как повод для нового удара по наиболее зависимым от них секторам китайской экономики [19].

Пекин не отказывается от выгодных сделок с Москвой, используя свои выгодные переговорные позиции. Но заключать их приходится без лишней шумихи [19]. По оценке Грэма Эллисона, «во всех областях, где Китай мог поддержать Россию без серьёзных последствий для себя (как поставки летального оружия вопреки санкциям США), китайцы это сделали» [2].

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ И КИТАЯ

На саммите в Москве стороны уделили особое внимание развитию экономического сотрудничества по ряду ключевых направлений.

В Совместном заявлении Президента Российской Федерации и Председателя Китайской Народной Республики подчеркнули, что «стороны выступают *против всех односторонних санкций*, установленных в обход Совета Безопасности ООН» [1].

Стороны выступили за проведение объективного, профессионального расследования взрывов на газопроводах «Северный поток» [1].

Таблица 5

Основные торговые партнёры России в 2021 году (в млрд долл.)

	Импорт	Экспорт
Европейский Союз	94	188
Китай	73	68
США	13	18
Белоруссия	16	23
Остальные страны	95	195

Источник: Russia's Trade and Investment Role in the Global Economy. CSR. January 17, 2023.

До недавнего времени главным торгово-экономическим партнёром России был Европейский Союз. В 2021 г., то есть до начала специальной военной операции, на страны ЕС приходилось свыше 38% российского экспорта и около 32% импорта. На долю КНР – примерно 14% экспорта и 25% импорта. Доля США составляла всего лишь 3,7% экспорта и 5,8% импорта [10].

Ныне российско-китайская торговля составляет 190 млрд долл., хотя и выросла в прошлом году почти на 30%, что во многом объясняется санкциями ЕС против России. При этом экспорт Китая составил 76 млрд долл., а импорт 114 млрд долл. – за счёт роста поставок энергоресурсов [20].

Россия вышла на первое место по объёму поставок сырой нефти в КНР, обойдя Саудовскую Аравию. За январь – ноябрь 2022 г. Китай импортировал почти 80 млн т российской нефти (на 10% больше, чем за тот же период 2021 г.) общей стоимостью 54,5 млрд долл. [20] КНР стала главным покупателем российской нефти и газа.

Россия и КНР декларируют стремление к «дедолларизации». В начале 2023 г. в российско-китайской торговле существенно возросла доля расчётов в рублях и юанях. Россия и Индия также увеличивают расчёты в национальных валютах.

В Москве было принято Совместное заявление Президента Российской Федерации и Председателя Китайской Народной Республики о плане развития ключевых направлений российско-китайского экономического сотрудничества до 2030 года (далее – совместное заявление о развитии экономического сотрудничества).

В этом документе делается упор на «повышение уровня финансовой кооперации, в том числе за счёт расширения в соответствии с потребностями рынка практики использования национальных валют и поступательного увеличения их

доли в двусторонней торговле, инвестициях, кредитовании и других сферах торгово-экономического взаимодействия» [21].

Приоритетом Москвы и Пекина также провозглашается «укрепление всеобъемлющего партнёрства в сфере энергетики» [21].

Однако китайцы опасаются попасть под санкции США и проявляют осторожность в экономических связях с Россией. Это, видимо, отразилось на проекте газопровода «Сила Сибири-2», который остаётся неподписанным.

В новой концепции внешней политики Российской Федерации ставится задача укрепления *экономической и транспортной взаимосвязанности Евразии*, в том числе посредством модернизации и увеличения пропускной способности *Байкало-Амурской и Транссибирской железнодорожных магистралей*, скорейшего запуска международного транспортного коридора «*Север – Юг*», совершенствования инфраструктуры международного транспортного коридора «*Европа – Западный Китай*», Каспийского и Черноморского регионов, Северного морского пути, создания зон развития и экономических коридоров в Евразии, в том числе экономического коридора «Россия – Монголия – Китай», а также сотрудничества в сфере цифрового развития и формирования энергетического партнёрства [15];

В совместном заявлении о развитии экономического сотрудничества отмечено, что стороны намерены реализовывать потенциал взаимодействия в области фундаментальных и прикладных исследований, внедрения в производство результатов научно-технических разработок. Подчёркивается «качественное расширение сотрудничества в сферах технологий и инноваций в целях обеспечения технологического лидерства России и Китая». Эти амбиции требуют проведения «совместных прорывных исследований в передовых областях науки и техники и по общемировым проблемам глобального развития, в том числе в части, касающейся *предотвращения изменения климата и адаптации к нему*» [1].

Стороны подтвердили приверженность Рамочной конвенции ООН об изменении климата, а также Парижскому соглашению, действуя на основе принципа *дифференцированной ответственности и истинного мультилатерализма* [1]. Что такое истинный мультилатерализм, не поясняется.

Отметим, что Россия и КНР решили проводить ежегодные встречи министров *внутренних дел и общественной безопасности*, наращивать сотрудничество в *правоохранительной* сфере в целях противодействия «цветным революциям», борьбы с «*тремя силами зла*», включая Исламское движение Восточного Туркестана, с трансграничной организованной преступностью, экономическими преступлениями и преступлениями, связанными с наркотиками.

Бесспорно, «три силы зла» – это китайская формула.

В заявлении говорится, что стороны «продолжат укреплять доверительный диалог по линии *Администрации Президента Российской Федерации и Центрального Комитета Коммунистической партии Китая* и их подразделений, а также в рамках консультаций высоких представителей по *стратегической безопасности* и по вопросам *общественной безопасности, юстиции и правопорядка*» [1]. Это – необычная формулировка, в которой на одну доску ставится государственный институт и политическая партия.

Как ни удивительно, нечто подобное проявилось и в Вашингтоне. Конгресс 118-го созыва начал свою работу с того, что создал Специальную комиссию по стратегическому соперничеству между Соединёнными Штатами и Коммунистической партией Китая. В состав комиссии вошли 13 конгрессменов-республиканцев и 11 демократов. Спикер Палаты представителей Кевин Макарти заявил, что создание комиссии необходимо для того, чтобы «одержать победу в холодной войне». Комиссию возглавляет конгрессмен-республиканец Майк Гэллахер (Висконсин).

В совместном заявлении вызывает вопросы следующая формулировка: «Китайская Сторона *положительно оценивает конструктивные и последовательные усилия* Российской Стороны по формированию *справедливой многополярной системы международных отношений*» [1].

Означает ли это, что Пекин только наблюдает за действиями Москвы, а сам не предпринимает усилия по формированию многополярного мира?

ЕВРАЗИЯ В МНОГОПОЛЯРНОМ МИРЕ

В начале XX века большую известность получила концепция Хэлфорда Джона Макиндера, в которой излагалась упрощенная геополитическая схема международных отношений. Согласно этой концепции, происходит противостояние сухопутных держав, контролирующих сердцевину (*heartland*) Евразии, и морских держав, расположенных вокруг Евразии. Макиндер сформулировал свою максиму: «Кто контролирует Восточную Европу, тот командует Хартлендом (*heartland*); Кто контролирует Хартленд, тот командует Мировым островом; Кто контролирует Мировой остров, тот командует миром» [22].

Эта концепция оказала определённое влияние на идеи евразийства, разработанные в российской эмиграции в 1920-е годы.

Теорию Макиндера время от времени вспоминают в Вашингтоне и Лондоне, где утверждают, что нельзя допустить господства какой-то державы над Евразией. Под этим углом зачастую расценивают и сотрудничество России и Китая.

Поддерживая формирование и развитие многополярного мира, Россия принимает на вооружение геополитическую концепцию, которая отличается как от советских, так и постсоветских представлений о роли Москва в системе международных отношений.

Не отказываясь от проведения активной политики в Африке, Латинской Америке и других регионах, Россия придаёт приоритет Евразии. Согласно новой концепции внешней политики целью Москвы является **формирование широкого интеграционного контура – Большого Евразийского партнёрства** – посредством объединения потенциалов всех государств, региональных организаций и объединений Евразии с опорой на ЕАЭС, ШОС и Ассоциацию государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), *сопряжение планов развития ЕАЭС и китайской инициативы «Один пояс – один путь»* при сохранении возможности участия в этом партнерстве всех заинтересованных государств и многосторонних объединений

Евразийского континента и, как следствие, формирование сети партнёрских организаций в Евразии [15].

В новой концепции подчёркивается необходимость использования «уникального географического положения и транзитного потенциала России для развития национальной экономики, укрепления транспортной и инфраструктурной взаимосвязанности в Евразии» [15].

Эти идеи были зафиксированы и в Совместном заявлении 21 марта, где подчёркивается «всемерное развитие взаимосвязанной логистической системы», «взаимовыгодная реализация транзитного потенциала двух стран» [1].

С одной стороны, речь идёт об обеспечении «быстрого перемещения грузов и пассажиров в двустороннем сообщении всеми видами транспорта: железнодорожным, автомобильным, воздушным, речным и морским». С другой стороны, объявлено намерение «оказывать поддержку развитию железнодорожных и морских грузовых перевозок в сообщении Китай – Европа транзитом через территорию Российской Федерации и повышать их эффективность» [1].

В концепции внешней политики РФ, по существу, центральной является задача поощрения «отвечающих интересам России процессов региональной и межрегиональной экономической интеграции, прежде всего в рамках Союзного государства, ЕАЭС, СНГ, ШОС, БРИКС, а также в целях формирования **Большого Евразийского партнёрства**» [15].

Эта амбициозная задача, как утверждает МИД, уже реализуется на практике. В отчёте за 2022 г. говорится: «Россия последовательно продолжала работу по решению стратегической задачи преобразования Евразии в единое общееконтинентальное пространство мира, стабильности, взаимного доверия, развития и процветания. В интересах формирования широкого интеграционного контура – **Большого Евразийского партнёрства** – предпринимались комплексные усилия по укреплению экономической и транспортной взаимосвязанности Евразии, созданию благоприятных условий для объединения в перспективе потенциалов всех государств и региональных организаций» [16].

В отчёте говорится, что «связка» Москва – Пекин позволила эффективно и своевременно продвигать общие подходы к актуальным международным проблемам. Разветвлённая архитектура российско-китайского взаимодействия охватывала ООН и её Совет Безопасности, ШОС, БРИКС, Группу двадцати, региональные форматы под эгидой АСЕАН. Продолжалась системная работа по сопряжению ЕАЭС и инициативы «Один пояс – один путь» [16].

Неизменное внимание уделялось упрочению потенциала и роли Шанхайской организации сотрудничества в качестве одной из несущих *опор укрепляющегося многополярного миропорядка* [16].

В заявлении от 21 марта подчёркнуто, что стороны прилагают активные совместные усилия по *сопряжению* планов развития Евразийского экономического союза и инициативы «Одного пояса – одного пути» в целях укрепления *взаимосвязанности на пространстве евразийского региона* [1]. Таким образом, Москва и Пекин ставят амбициозную задачу экономически объединить Евразию под политическим зонтиком ШОС.

В заявлении говорится, что стороны продолжают тесное взаимодействие в укреплении роли и влияния ШОС в обеспечении мира, безопасности и стабильности на её пространстве [16].

В новой концепции внешней политики РФ говорится: «Россия стремится к преобразованию Евразии в единое общекионтинентальное пространство мира, стабильности, взаимного доверия, развития и процветания. Достижение этой цели предполагает всемерное укрепление потенциала и роли ШОС в обеспечении безопасности в Евразии и содействии её устойчивому развитию путём совершенствования деятельности Организации с учётом современных геополитических реалий» [15].

Таблица 6

Доля стран ШОС в общемировых экономических показателях, %

	Население	ВВП (ППС)	ВНП	Экспорт	Импорт	НИОКР
Китай	18,4	18,6	17,7	12,8	11,5	25,5
Индия	18,1	7,0	3,2	2,5	2,8	3,8
Россия	1,9	3,1	2,1	2,0	1,4	2,5
ШОС	42,4	30,7	>26,7	17,7	>16,0	32,0

Источники: <https://data.worldbank.org/indicator/NV.IND.MANF.ZS?end=2021&start=2021>,
<https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2022/10/11/world-economic-outlook-october-2022>,

Общая территория входящих в ШОС стран составляет более 35 млн кв. км, то есть две трети территории Евразии. Общая численность населения стран ШОС примерно равна 3,5 млрд человек (2022 год), почти половина населения планеты.

Таблица 7

Доля стран НАТО и ШОС в общемировых экономических показателях, %

	Население	ВВП (ППС)	ВНП	Экспорт	Импорт	НИОКР
НАТО	8,8	30,1	47,5	39,5	45,6	44
Союзники США в АТР	3,5	7,4	9,2	8,5	7,4	20,9
Коллективный Запад	11,6	35,8	-	44,9	59,4	52,7
ШОС	42,4	30,7	>26,7	17,7	>16,0	32,0

Источники: <https://data.worldbank.org/indicator/NV.IND.MANF.ZS?end=2021&start=2021>,
<https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2022/10/11/world-economic-outlook-october-2022>,

После бегства США в 2021 г. из Афганистана активность России и особенно КНР на Ближнем Востоке резко возросла. При посредничестве Пекина произошло восстановление саудовско-иранских отношений. Также была успешно проведена встреча в верхах Китай – Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива [23].

Таблица 8

Доля стран ШОС в общемировых военных показателях, %

	Военные расходы	Ядерные вооружения	Экспорт вооружений	Импорт вооружений
Китай	14	2,7	5,2	4,6
Индия	3,7	1,3	0,2	11,0
Россия	3,4	47	16,0	-
Пакистан	0,09	1,3	-	3,7
ШОС	25,0	52,3	20,8	29,0

Источники: <https://www.iiss.org/publications/the-military-balance>, <https://fas.org/issues/nuclear-weapons/status-world-nuclear-forces/>,
https://www.sipri.org/sites/default/files/2022-03/fs_2203_at_2021.pdf

ШОС продолжает расширять свой состав, куда недавно вошли Иран и Саудовская Аравия. В настоящее время членами ШОС являются 9 стран: Китай, Россия, Индия, Казахстан, Киргизия, Пакистан, Таджикистан, Узбекистан и Иран. Кроме того, с ШОС сотрудничают в том или ином качестве ещё 23 государства. Азербайджан, Армения, Камбоджа, Непал, Турция и Шри-Ланка имеют статус стран-партнёров. В сентябре 2022 г. на саммите в Самарканде были подписаны меморандумы о партнёрстве по диалогу с ближневосточными государствами: Египтом, Катаром, Саудовской Аравией, а также о запуске процедуры предоставления статуса партнёров ШОС с Бахрейном, Кувейтом, Объединёнными Арабскими Эмиратами. Такое же статус получают Мальдивские острова и Мьянма. Афганистан, Белоруссия, и Монголия имеют статус стран-наблюдателей. Заявку на получение статуса наблюдателей подали ещё 6 государств: Вьетнам, Бангладеш, Израиль, Ирак, Сирия, а также Украина. Но в ШОС слабо представлены государства Юго-Восточной Азии, которые входят в состав АСЕАН.

ШОС не смогла предотвратить территориальные конфликты между Узбекистаном и Кыргызстаном, Арменией и Азербайджаном. Деятельность ШОС первоначально лежала в сфере внутрирегионального сотрудничества по пресечению террористических актов, а также сепаратизма и экстремизма.

Хотя многие страны ШОС имеют внушительные вооружённые силы, а 4 государства обладают ядерным оружием, эта организация не является военным блоком. В отличие от НАТО у неё нет Объединённого военного командования и Комитета ядерного планирования.

Западные эксперты утверждают, что Россия пытается превратить ШОС в анти-НАТО, подталкивая организацию к военной активности. Москва якобы видит в ШОС основу антизападного блока во главе с Китаем и Россией [24].

Американские аналитики утверждают: «С момента своего создания ШОС предоставила России центральную дипломатическую позицию. С самого начала это был ответ на расширение НАТО в 2000-е годы. Но это не противовес НАТО. ШОС более разнообразна в своей деятельности, особенно осуществлении инфраструктурных проектов. Сотрудничество в вопросах безопасности направлено на борьбу терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом [25].

По американским оценкам, «полученный благодаря ШОС потенциал проецирования силы создал основу для военных операций Китая за пределами Центральной Азии. С помощью учений ШОС Пекин получил опыт переброски войск и тяжёлых вооружений за тысячи миль от китайских границ. Пекин может использовать дипломатические и военные навыки в странах, далеких от Китая» [26].

Небезынтересно сопоставить количественные показатели ШОС и «Коллективного Запада» (НАТО и союзники США на Тихом океане).

Уступая по численности населения, Запад превосходит ШОС по ключевым экономическим показателям, хотя этот разрыв постоянно сокращается. Запад также является лидером по военным расходам и экспорту вооружений. Но в ядерных вооружениях первенство принадлежит России.

Таблица 9

Доля стран Запада и ШОС в мировых военных показателях, %

	Военные расходы	Ядерные вооружения	Экспорт вооружений	Импорт вооружений
НАТО	53,0	46,8	69,3	0,7+
Союзники США в АТР	6,5	0	3,0	11,9
Коллективный Запад	59,5	46,8	72,3	25,8
ШОС	25,0	52,3	20,8	29,0

Источники: <https://www.iiss.org/publications/the-military-balance>, <https://fas.org/issues/nuclear-weapons/status-world-nuclear-forces/>, https://www.sipri.org/sites/default/files/2022-03/fs_2203_at_2021.pdf

Отметим, что проводятся ежегодные встречи секретарей советов безопасности государств – членов ШОС. 18-я встреча состоялась в марте 2023 г. в Нью-Дели. Была подробно рассмотрена проблематика дальнейшего взаимодействия в сферах обеспечения международной информационной безопасности, медико-биологической безопасности, сотрудничества на антинаркотическом треке. Отдельное внимание уделено необходимости недопущения вмешательства во внутренние дела суверенных государств, а также противодействию политике односторонних санкций и ограничительных мер. Россию на встрече представлял Секретарь Совета Безопасности Н.П. Патрушев.

Позднее состоялись встречи министров обороны и министров иностранных дел стран ШОС, где Россию представляли соответственно С.К. Шойгу и С.В. Лавров.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В новой концепции внешней политики РФ сказано: «Россия не считает себя врагом Запада, не изолируется от него, не имеет по отношению к нему враждебных намерений и рассчитывает, что в дальнейшем государства, принадлежащие к западному сообществу, осознают бесперспективность своей конфронтационной политики и гегемонистских амбиций, примут во внимание сложные реалии

многополярного мира и вернуться к прагматичному взаимодействию с Россией, руководствуясь принципами суверенного равенства и уважения интересов друг друга. На такой основе Российская Федерация готова к диалогу и сотрудничеству».

Отмечается, что «перспективы формирования неконфронтационной модели российско-американских отношений зависят от степени готовности США к отказу от политики силового доминирования и пересмотру антироссийского курса в пользу взаимодействия с Россией на основе принципов суверенного равенства, обоюдной выгоды и уважения интересов друг друга» [15].

Думается, что это весьма отдалённая перспектива. Противостояние между США и их союзниками, с одной стороны, и Россией и Китаем – с другой, продлится многие годы, если ни десятилетия.

В отчёте МИД за 2022 г. говорится, что Россия прилагала комплексные усилия в целях противодействия враждебной политике США и других англосаксонских государств, используя широкий набор симметричных и асимметричных мер воздействия» [16]. В целях содействия адаптации мироустройства к реалиям многополярного мира Российская Федерация намерена уделять приоритетное внимание *«устранению рудиментов доминирования США и других недружественных государств в мировых делах»* [16].

В то же время происходит дальнейшее обострение американо-китайских отношений. Между Вашингтоном и Пекином прекратились политические контакты на высоком уровне. Опасный характер приняло военно-морское противостояние в Тайваньском проливе и Южно-Китайском море.

Однако в июне 2023 г. наметилась перспектива смягчения напряженности между США и КНР. Китай согласился принять государственного секретаря Энтони Блинкена, у которого состоялись встречи с его китайским коллегой Цинь Ганом, заведующим Канцелярией комиссии ЦК КПК по иностранным делам Ваном И, а также с председателем КНР Си Цзиньпином. С американской стороны было выдвинуто требование не солидаризироваться с политикой Москвы и не предоставлять китайские вооружения России. При этом был подтверждён отказ США от признания независимого Тайваня.

В результате было продекларовано намерение вести диалог по широкому кругу вопросов, но госсекретарь не смог добиться согласия Пекина возобновить контакты между руководителями военных ведомств США и Китая.

Перспектива нормализации американо-китайских отношений не выглядит радужной. Фундаментальные противоречия между двумя странами не преодолены. Более того, после встречи Э.Блинкена с Си Цзиньпином президент США публично назвал лидера КНР «диктатором», что вызвало крайне негативную реакцию китайской стороны [27].

Саммит «Большой семёрки» в Хиросиме продемонстрировал, что администрация Дж. Байдена создала коалицию «коллективного Запада» осуществления двойного сдерживания России и Китая. Это ведёт к дальнейшему расколу системы глобальной политики и экономики и обострению международной напряжённости [28].

ИСТОЧНИКИ

1. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики об углублении отношений всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху. 21 марта 2023 г.

2 Allison, G. Xi and Putin Have the Most Consequential Undeclared Alliance in the World. It's become more important than Washington's official alliances today. *Foreign Policy*. March 23, 2023.

3. National Security Strategy. The White House. Washington, D.C., October 12, 2022.

4. 2022 National Defense Strategy. October 27, 2022.

5. China Naval Modernization: Implications for U.S. Navy Capabilities. Background and Issues for Congress. CRS. May 15, 2023.

6. The World Bank. Available at:

https://data.worldbank.org/indicator/NV.IND.MANF.CD?end=2021&most_recent_value_desc=true&start=1960&view=chart

7. *Statista*. Available at: <https://www.statista.com/statistics/732247/worldwide-research-and-development-gross-expenditure-top-countries>

8. Ensuring America Wins Tech Race Against China. By Saxby Chambliss Kent Conrad. *The National Interest*. April 2, 2023.

9. What cold war? U.S. trade with China hits new high. Two-way trade between the United States and China set a new record in 2022. By Doug Palmer. *The Politico*. February 7, 2023.

10. Russia's Trade and Investment Role in the Global Economy. CRS. January 17, 2023.

11. TACC. Available at: <https://tass.ru/ekonomika/16986725>

12. Harrell, P. The Limits of Economic Warfare. What Sanctions on Russia Can and Cannot Achieve. *The Foreign Affairs*. March 27, 2023.

13. Тимофеев И. Есть ли у России «чёрные рыцари»? 31 марта 2023. Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/est-li-u-rossii-chyernye-rytsari/>

14. Opinion. How to make the sanctions on Russia really hurt. *The Washington Post*. March 21, 2023.

15. Концепция внешней политики Российской Федерации.

16. Внешнеполитическая и дипломатическая деятельность Российской Федерации в 2022 году. ОБЗОР МИД РОССИИ. Москва, март 2023 г.

17. Заявление МИД России в связи с введением персональных санкций в отношении граждан США. 19.05.2023.

18. TikTok bills could dangerously expand national security state. Marcus Stanley. Responsible Statecraft.

19. Габуев А. Юани любят тишину. *Коммерсантъ*. 7 апреля 2023.

20. Ткачёв И. Торговля России с Китаем достигла рекорда. *РБК*. 13 января 2023. Available at: <https://www.rbc.ru/economics/13/01/2023/63c0ffb79a79474aaf45862d>

21. Совместное заявление Президента Российской Федерации и Председателя Китайской Народной Республики о плане развития ключевых направлений российско-китайского экономического сотрудничества до 2030 года. 21 марта 2023 г.

22. Гундарова Л. Искусственное дыхание для ВСУ. *Независимая газета*. 17 июня 2021 г.

23. Саудовская Аравия вступит в ШОС. Владимир Скосырев. *Независимая газета*. 30 марта 2023 года.

24. Rogue NATO: The new face of the Shanghai Cooperation Organisation. 16 September 2022.

25. Russia, the sick man of the Shanghai Cooperation Organization? BENJAMIN HARDING. 22/12/2022. Available at: <https://regard-est.com/russia-the-sick-man-of-the-shanghai-cooperation-organization>.

26. The Shanghai Cooperation Organization: A Testbed for Chinese Power Projection Matthew Southerland, Will Green, Sierra Janik. U.S.-China Economic and Security Review Commission. November 12, 2020.

27. Pietsch, B. and Tobin, M. Biden calls Xi a dictator; Beijing slams remark as 'provocation'. *The Washington Post*, June 21, 2023.

28. G7 Hiroshima Leaders' Communiqué. May 20, 2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

РОГОВ Сергей Михайлович, доктор исторических наук, профессор, академик РАН, научный руководитель Института США и Канады имени академика Г.А. Арбатова Российской академии наук (ИСКРАН).

Российская Федерация, 121069, Москва, Хлебный переулок, д. 2/3

Sergey M. ROGOV, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor, Academic Director of Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies Russian Academy of Sciences.

2/3, Khlebnny pereulok, Moscow, 121069, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 02.04.2023 / Received 02.04.2023.

Поступила после рецензирования 14.04.2023 / Revised 14.04.2023.

Статья принята к публикации 16.04.2023 / Accepted 16.04.2023.

УДК 327

DOI: 10.31857/S2686673023070027

EDN: GIYASC

Китай в индо-тихоокеанской политике США: цели и эволюция

С.В. Уянаев

*Институт Китая и современной Азии РАН (ИКСА РАН),
117218, Российская Федерация, Москва, Нахимовский проспект, 32; ORCID:
<https://orcid.org/0000-0002-5471-8224>
Scopus ID: 23486790800 e-mail: svuyav@yahoo.com*

Резюме: Тема формирования в США «стратегии в Индо-Тихоокеанском регионе» и её задач в отношении КНР продолжает оставаться актуальной, поскольку подпитывается новыми фактами и событиями. Целью настоящей статьи является попытка на основе немалого числа выпущенных в США в 2017–2023 гг. правительственных документов по ИТР, проследить развитие и эволюцию планируемых в них подходов к Китаю. Рассматриваются динамика связанных с КНР целевых установок, а также и инструменты, которые Вашингтон вырабатывает для их реализации. В данном контексте анализируются также «индийский фактор» и интересы РФ.

Ключевые слова: Индо-Тихоокеанский регион, США, Китай, стратегия, документы, эволюция, сдерживание

Для цитирования: С.В. Уянаев. Китай в индо-тихоокеанской политике США: цели и эволюция. *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2023; 53(7) 23-35.

DOI: 10.31857/S2686673023070027 EDN: GIYASC

China in American Indo-Pacific Policy: Goals and Evolution

Sergey V. Uyanaev

*Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (ICCA RAS),
32 Nahimovsky prosp., Moscow, 117218, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5471-8224>
Scopus ID: 23486790800 e-mail: svuyav@yahoo.com*

Abstract: The formation of the US strategy in the Indo-Pacific, including an approach to China, is well described in scientific literature.

Nevertheless, the “step by step” analyses of a considerable number of documents, published in recent years by Trump and Biden administrations both, makes it possible to draw some special conclusions. On this base the article touches the evolution of the US regional goals and tasks concerning China, observes the practical instruments Washington continues to work out to implement them. The regional role of some other players including Russia and India also is a subject of reflection.

Keywords: Indo-Pacific, the US, China, strategy, documents, evolution, deterrence

For citation: Sergey V. Uyanaev. China in American Indo-Pacific Policy: Goals and Evolution. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2023; 53 (7): 23-35.
DOI: 10.31857/S2686673023070027 EDN: GIYASC

ВВЕДЕНИЕ

Формирование индо-тихоокеанской политики США прямо связано с эволюцией глобальных целей курса США на внешней арене. Именно задача не только не утратить, но и максимально укрепить позиции США как глобального лидера являлась очевидным мотивом предпринятых во второй половине 2010-х годов шагов по выработке стратегической концепции, которая эффективно продвигала бы интересы США в единой обширной зоне Тихого и Индийского океанов. Не случайно начальное формирование ИТР как идейного концепта происходило одновременно с выдвиганием тезиса «Сделать Америку вновь великой» (*Make America Great Again*), с которым пришла в Белый дом администрация Д. Трампа.

ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ РЕГИОНАЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ

Внимание руководства США конкретно к данной региональной конструкции стало не случайным – как раз здесь образовались новые центры влияния, некоторые из которых, прежде всего КНР, объективно способны бросить вызов американской гегемонии. Учтём при этом, что сам термин «ИТР» уже присутствовал в международном политологическом лексиконе. В частности, ещё в конце 2000-х годов он имел хождение в экспертных кругах Индии, оглашался и бывшим премьер-министром Японии [Brendon J. Cannon, Kei Hakata. 2022: Foreword by Abe Shinzo].

Американская версия ИТР как идейно-политического концепта, с одной стороны, обеспечивала более вариативный и комплексный подход, позволяющий, в частности, создавать новые нужные США партнёрские конфигурации в огромных бассейнах «двух океанов», с другой – давал возможность дифференцированно подойти к расположенным здесь странам. Особое внимание было проявлено к Индии [1]. Ныне эта страна становилась важным объектом американских конструкций ИТР, о чём будет специально сказано ниже.

В любом случае есть серьёзные основания полагать, что связанные с концептом ИТР глубинные цели США проявились, прежде всего, в связи с фактором **Китая**.

По мере «идейной обкатки» в последние пять-шесть лет подходов США к Индо-Тихоокеанскому региону, всё более очевидным становился факт, что вопрос о противодействии КНР как к опасному конкуренту изначально являлся в них одним из центральных. Как отмечается в продолжающих выходить исследовательских разработках, формируя концепцию ИТР, «Вашингтон видел в ней средство сбалансировать усилившийся Китай», который «бросил предметный вызов американской гегемонии в регионе» [Felix Heiduk, 2023: 4]. Характерно,

что появление и активная разработка данного концепта США по времени совпала с заметным переменах в подходе к КНР, выразившимся, в том числе, в инициированной Вашингтоном «торговой войне». Два процесса протекали параллельно, оказывая заметное влияние друг на друга.

Анализу перечисленных тем за последние годы посвящено большое количество отечественных и зарубежных публикаций, вышедших и в самое последнее время, включая появившийся в марте 2023 г. объёмный (почти 500 стр.) комплексный сборник «Справочник по исследованиям Индо-Тихоокеанского региона» [Kratiuk, Barbara. 2023].

Тем не менее остаётся интересным специально проследить *динамику и эволюцию* места Китая в американской стратегии в ИТР, имея в виду и уже известные, и сравнительно новые официальные материалы, опубликованные Белым домом, Государственным департаментом и Министерством обороны. Причём внимания заслуживают, с одной стороны, доклады и отчёты о политике США в ИТР, с другой – о «китайском» курсе США в целом.

ПРЕЗИДЕНТСТВО Д. ТРАМПА: ВИДЕНИЕ И ПОДХОДЫ

Уместно напомнить, что Вашингтон впервые публично обратился к идее ИТР в ноябре 2017 г. на саммите АТЭС во Вьетнаме, когда президент США представил общий взгляд на концепцию «свободного, открытого Индо-Тихоокеанского региона». Характерно, что даже в этой рамочной речи, Китай стал единственной страной, которую Д. Трамп упомянул в негативном контексте: заявил «о нечестной деятельности Китая в сфере торговли», о намерении «никому больше не позволить действовать во вред Соединённым Штатам».[2]

Буквально через месяц вышла в свет Стратегия национальной безопасности США (далее – СНБ-2017), где ИТР как геостратегическое понятие присутствовал уже подробно, виде специального раздела [3]. Причём основным лейтмотивом явилось утверждение, что именно в этой зоне «ревизионистские державы» с «репрессивным взглядом» – Китай, а также Россия – «бросают вызов американской мощи». Речь шла в первую очередь о Китае, который, «стремится вытеснить США из ИТР».

В СНБ-2017 утверждалось, что Китай стремится «распространить на регион свою экономическую модель», перестроить ИТР «в угоду собственным интересам». Были перечислены набор конкретных претензии к КНР: «использование инструментов влияния (экономических, финансовых, инфраструктурных); проецирование угрозы военной силой; милитаризация и угроза судоходству в Южно-Китайском море (ЮКМ); военная модернизация КНР, нацеленная в итоге на «свободу рук в регионе».

Важно подчеркнуть, что, как стало ясно позднее, перечисленные в СНБ-2017 положения, по сути, суммировали многие связанные с КНР тезисы, вошедшие затем в последующие официальные документы. В том числе Стратегия отразила перечень «ответных» действий и намерений США, который по сей день системно присутствуют в официальных документах – укрепление «имеющихся

союзов и региональных партнёрств»; «углубление отношений с новыми партнёрами»; охрана свобод регионального судоходства»; продвижение «двусторонних и сетевых торговых соглашений»; «передовое военное присутствие, способное разгромить любого противника»; «развитие военных отношений и оборонной сети с союзниками и партнёрами».

В феврале 2018 г. Совет национальной безопасности США разработал первый документ уже конкретно по региону - «Рамочную стратегию США для ИТР», которая, впрочем, была засекречена и увидела свет лишь по самым занавес правления Д. Трампа.

Документ конкретизировал цели в ИТР, в том числе те, которые были поставлены в СНБ-2017. Закрытый характер делал изложение весьма откровенным, причём, как стало ясно после рассекречивания, по пунктам предлагались конкретные действия, в том числе связанные противостоянием КНР [4].

Среди узловых целей была обозначена, в частности, задача «сохранения инновационного, военного, разведывательного и информационного преимущества» над КНР. Что касается практических шагов, то документ, среди прочего, рекомендовал: сделать невозможной поставку в Китай промышленных, военных и «других ключевых технологий»; развивать всесторонние связи США с союзниками, оказывать им военную помощь; усилить региональную боеспособность самих США, достаточную, чтобы «лишить Китай надежд на преимущество внутри «первой цепи островов» и надёжно защитить Тайвань.

В одном из самых лаконичных пунктов говорилось и о возможности «конструктивных отношений» с Китаем, нацеленных на «устраивающий США результат». Но этот тезис практически растворялся в общей весьма воинственной риторике документа.

Следующий важный документ по ИТР появился в июне следующего, 2019 г., когда теперь уже Министерство обороны США опубликовало «Стратегию США в Индо-Тихоокеанском регионе» [5].

Новым моментом в сравнении с СНБ-2017 стала констатация, что Китай «стремится к региональной гегемонии в ИТР в краткосрочной перспективе, но и в конечном счёте — к глобальному превосходству». Кроме того, в попытке, видимо, сделать сам подход более гибким, негативный контекст часто адресовался не «Китаю вообще», а конкретно ««ревизионистской КНР и её Компартии».

Хотя документ был менее «откровенным», чем засекреченная на тот момент «Рамочная стратегия», но в сравнении с СНБ-2017 список обвинений Китая существенно в нём расширился. КНР вменялись в вину усилия «под видом сотрудничества обложить регион долговым бременем», «притеснение мусульман Синьцзяна», глобальные кибератаки с целью «краж информации», патрулирования вблизи управляемых Японией о-вов Сэнкаку, размещение ракет на островах Спратли и ещё целый ряд подобных пунктов.

При этом документ Министерства обороны, по сути, развивал тезис о «конструктивном сотрудничестве» из Рамочной стратегии-2018. Излагалось намерение противодействовать политике КНР путём «вовлечения Китая» в стратегический диалог «на принципах прозрачности» и «поощрения КНР к поведению,

которое поддерживало бы, а не подрывало основанный на правилах международный порядок». Но итоговое резюме было сформулировано показательно жестко: сказано, что США решительно «не примут политику или действия, которые угрожают подорвать этот порядок».

В сентябре 2019 г. произошло ещё одно событие, имеющее непосредственное отношение к американской политике в регионе – прошла первая встреча министров иностранных дел США, Японии, Австралии и Индии, которая стала важным шагом формирования четырёхсторонней группировки – «Четвёрка» (*Quad*). Вашингтон назвал проведённые консультации «новой вехой в деятельности американской дипломатии в ИТР».

Вскоре, 4 ноября 2019 г., с видением концепции ИТР впервые выступил Государственный департамент США с 30-страничным документом, под названием «Свободный и открытый Индо-Тихоокеанский регион. Продвигая совместное видение (*FOIP*)», явно претендовавший на комплексный взгляд, суммирующий связанные с ИТР возможности и вызовы [6].

Подчёркнуто публичная направленность документа, как очевидно, предполагала упор на темы экономического, гуманитарного и другого сотрудничества. Тема безопасности, включая учёт китайского фактора, внешне не выдвигалась на передний план, но и не была забыта. Пусть и лаконично, всего в двух абзацах, но Пекин был вновь обвинён в «репрессивной политике внутри страны и за рубежом», «подрыве в ИТР стабильности и процветания». Прямо или косвенно КНР и КПК кратко упоминались также в некоторых других разделах – в контексте проблем Тайваня и Гонконга, где выражалась обеспокоенность китайской политикой «запугивания и принуждения». Кроме того, были предъявлены уже знакомые претензии к действиям КНР в киберпространстве, а также в ЮКМ, на карте которого Китай «прочертил нелепую линию из девяти пунктов». Однако в целом подачу китайской темы в *FOIP* можно оценить как менее акцентированную, чем в СНБ-2017 и докладе Министерства обороны-2019.

«ПОДХОДЫ К КИТАЮ»

Выше говорилось, что американское видение роли Китая в ИТР может быть чётче представлено, если анализировать не только материалы стратегии США в ИТР, но и документы, посвящённые американской политике в отношении КНР в целом. Повторим, что эти две категории перекликаются, причём положения собственно «китайских установок» часто становятся элементами документов, непосредственно посвящённых ИТР, и наоборот.

В данном случае обратимся к опубликованному в мае 2020 г. Госдепом докладу «Стратегический подход США к отношениям с Китаем» [7].

Внимание в документе привлёк пункт, где, был подчёркнут так называемый «конкурентный подход», «способный ответить на вызовы Пекина». Говорилось, что конкуренция не обязательно должна приводить к конфронтации, что, даже «конкурируя с КНР», США «приветствуют сотрудничество там, где интересы

совпадают». При этом главной площадкой «конкуренции» документ называл прежде всего ИТР.

Тезис не стал откровением, поскольку, повторим, о возможности «кооперации, которая устраивала бы США», и о «вовлечении Китая в правильное сотрудничество» ранее Вашингтон уже говорил в упомянутых выше документах по ИТР.

Важно другое. Провозглашая возможность «конкурентного сотрудничества» - и в регионе, и в глобальном масштабе - Вашингтон не особо настаивал на поиске компромиссов. «Вооружённые силы США будут продолжать осуществлять право на навигацию и действовать везде, в том числе в Южно-Китайском море», - подчёркивалось в документе. Тот же жёсткий подход вновь излагался и по крайне чувствительному для Пекина вопросу Тайваня: сказано о решимости США «оказывать тайваньским военным помощь в сдерживании агрессии».

Показательным вновь стал итоговый тезис, подтвердивший намерения «заставить КНР остановить действия, наносящие ущерб жизненно важным США, их союзников и партнёров».

Такое понимание подхода США затем могло лишь укрепиться. Например, на очередной четырёхсторонней встрече глав МИД США, Австралии, Японии в Токио в октябре 2020 г. госсекретарь М. Помпео с нажимом призывал партнёров по ИТР «сотрудничать с целью обеспечения защиты от эксплуатации, коррупции и давления со стороны КПК» [8].

АДМИНИСТРАЦИЯ БАЙДЕНА И ИТР: ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И РАЗВИТИЕ

Смена американского кабинета на рубеже 2020–2021 гг. привлекла внимание к возможной нюансировке курса в отношении Китая и ИТР.

Первым важным моментом явилась формулировка в опубликованных в марте 2021 г. «Промежуточных стратегических наставлениях по национальной безопасности», в которых Китай впервые был назван как «единственная страна, потенциально способная объединить экономическую, дипломатическую, военную и технологическую мощь, чтобы бросить вызов существующей мировой системе» [9].

11 февраля 2022 г. Белый дом обнародовал новый «профильный» документ, касавшийся непосредственно ИТР - «Стратегию США в Индо-Тихоокеанском регионе» [10].

По общему формату новая Стратегия напоминала аналогичный доклад - «Свободный и открытый Индо-Тихоокеанский регион» (*FIOF*), сделанный в 2019 г. предыдущей администрацией. Поэтому изначально был смысл сравнивать именно эти два документа.

«Стратегия США в ИТР - 2022» оказалась более лаконичной (18 вместо 30 стр. в докладе - 2019 г.). Однако с точки зрения китайского сюжета уже беглое прочтение показывало, что, сохранив и вобрав ряд известных положений периода Трампа, она стала более наполненной и не менее твёрдой.

Так, был подтверждён узловой тезис о китайском стремлении «вытеснить США из ИТР», повторено и риторически усилено положение о «растущем стремлении КНР путём комплексного наращивания собственной мощи завоевать господство в ИТР, затем «охватить весь земной шар» и стать самой влиятельной державой в мире». И хотя КНР дипломатично была названа лишь «частичным» мотивом, её роль в подчёркнутом в документе «усилении внимания США к ИТР» была очевидна.

Политика Китая вновь была названа «принуждением, запугиванием и агрессией», к которым Пекин «прибегает от Австралии и Индии до Тайваня и стран ЮКМ и ВКМ». Это стало почти дословным воспроизведением тезисов доклада Государственного департамента от 4 ноября 2019 г. и выступления М. Помпео на 3-й встрече глав МИД «Четвёрки» (*Quad*) в Японии.

Был вновь озвучен и пункт о возможности регионального сотрудничества с Китаем. Внешне новой здесь звучала декларация об «отсутствии у США цели изменить КНР». Но гораздо более вероятно, что, по сути, подтверждалось прежнее намерение «вовлечь КНР» в нужную «среду», которая были бы «максимально благоприятной для США и их союзников».

Однако прямым дублированием Стратегия-2022, конечно же, не была. Присутствовали новые важные констатации, которые касались, прежде всего, расширившихся инструментов реализации региональных целей США и их союзников. Развивая положения прежних документов, Стратегия указывала на возросшие возможности «практической координации» действий США и их союзников в связи с деятельностью новых региональных структур, прежде всего «Четвёрка» (*QUAD*) и АУКУС (*AUKUS*). В этом же контексте была отмечена важность «внимания, проявляемого к ИТР со стороны ЕС и НАТО».

Заметим также, что намерение и дальше «согласовывать подходы с союзниками» было встроено в документе в «триединую» формулу, которая, похоже, стала универсальной для нынешних внешнеполитических концепций США, в которых помимо «опоры на союзников», предусматривается «инвестировать в наращивание силы внутри страны» и «конкурировать с КНР на основе защиты американских интересов».

Иными словами, «Стратегия в ИТР - 2022» не только унаследовала основные установки и оценки предыдущей администраций, но и усилила их. Примечательно, что ещё до выхода этого документа видные российские специалисты, анализируя перспективы курса США в ИТР, по сути, предсказали ряд пунктов будущей Стратегии, подчеркнув, что «разделяя в целом курс предшественника на китайском направлении и считая Китай главной угрозой политическим, экономическим и военным интересам США, Дж. Байден сместил акцент американской стратегии с давления на Пекин по торгово-экономическим вопросам на создание «кольца сдерживания» Китая путём формирования группировок и союзов стран, разделяющих мнение Вашингтона о растущей китайской угрозе» [Панов А. 2021].

Изложенные в Стратегии США в ИТР - 2022 положения во многом были вскоре подтверждены (май 2022 г.) в докладе госсекретаря Э. Блинкена «Подход администрации США к КНР». Но появились и новые важные акценты.

Во-первых, в докладе госсекретаря США ещё чётче прозвучало определение КНР как наиболее «серьёзного долгосрочного вызова». Было подчёркнуто, что КНР является «единственной страной», которая одновременно и «намеревается изменить международный порядок», и «обладает для этого всё большей экономической, дипломатической, военной и технологической мощью» [11]. «Масштабы и размах брошенного вызова» были оценены как «невиданные для американской дипломатии».

При этом Э. Блинкен развёрнуто представил три компонента вышеупомянутой общей формулы нынешних отношений с КНР. Один из них, связанный с «союзническими отношениями», госсекретарь определил как «ключевой актив в регионе ИТР».

Во-вторых, нюансом стала оценка ситуации вокруг Тайваня. Госсекретарь не ограничился заявлением о готовности ответить на угрозу социально-экономической системе острова. В добавление было указано на «попытки КНР разорвать отношения Тайваня со странами мира», упомянуто о «международной озабоченности» и «критической важности обеспечения безопасности в Тайваньском проливе». Такая формулировка, напоминающая, по сути, о международном статусе Тайваньского пролива, прозвучала с известным акцентом, которого не было, как минимум, в аналогичном докладе администрации Трампа.

В остальном были суммированы уже оглашенные ранее подходы, в том числе о задаче формирования «среды вокруг Китая», но по-прежнему «в соответствии с интересами, ценностями и принципами США».

Практически эти же тезисы в части Китая, включая оценку тайваньского вопроса, содержались ещё в двух официальных документах, опубликованных в октябре 2022 года.

Авторы одного из них – Стратегии национальной безопасности, заявили о намерении США «уделять приоритетное внимание сохранению устойчивого конкурентного преимущества перед КНР» [12]. Как отметили региональные наблюдатели, «называя конкурентами и Китай, и Россию, документ поставил китайскую угрозу выше, указал на Китай как на «наиболее серьёзный геополитический вызов Америке» [13].

Тезис о приоритетности внимания к Китаю был ещё более акцентирован в вышедшей следом Стратегии национальной обороны, где подчёркнуто, что «наиболее всеобъемлющим и серьёзным вызовом национальной безопасности США являются принудительные и все более агрессивные попытки КНР перестроить Индо-Тихоокеанский регион и международную систему в соответствии со своими интересами и авторитарными предпочтениями» [14].

Важную для ИТР (и не только) констатацию, связанную «с целями, поставленными перед китайской армией к её столетию» (2027 г.), содержал вышедший уже в конце ноября 2022 г. доклад Министерства обороны «Военная мощь Ки-

тая». Утверждалось, что, будучи реализованными, они «предоставят КПК более убедительный военный инструмент» для объединения с Тайванем [15].

Принципиально важно, что свои декларации Вашингтон реализует в практической политике. Это нашло выражение в заметном росте активности в регионе, особенно в нагнетании противостояния с КНР по Тайваню (визит спикера Палаты представителей Конгресса США в Тайбэй летом 2022 г., «транзитный визит» в США президента Тайваня в марте 2023 года).

ИНДИЯ И РОССИЯ

Отдельно следует сказать о месте, которое в различных американских документах по ИТР отводится Индии.

С выдвижением собственной концепции ИТР Вашингтон (в дополнение к активности, предпринятой с начала века) придал новый импульс связям с Нью-Дели. Курс на тесные отношения с «крупнейшей демократией мира», включает ныне растущее многопрофильное взаимодействие, в том числе в «Четвёрки». Поддерживая Индию в важных для неё проектах, включая заявку на членство в СБ ООН в качестве постоянного члена и признание её де-факто ядерного статуса, Вашингтон реализует цель если не превратить Нью-Дели в полноценного союзника, то по меньшей мере купировать потенциальный индийский антиамериканизм, осложнить отношения Индии со странами, которые Вашингтон числит своими противниками. Как раз такой цели способствует концепция ИТР, которая, к слову, уже давно (правда, с подчёркнуто собственным видением) разрабатывается в самой Индии.

Поэтому не стало неожиданностью, что практически во всех американских документах Индии уделяется повышенное внимание. Намерение расширить сотрудничество с Индией, в том числе, в сфере безопасности в ИТР, США декларировали ещё в Стратегии национальной безопасности-2017. А в Рамочной стратегии ИТР-2018 прямо сформулирована целевая задача: «Сильная Индия в сотрудничестве со странами-единомышленниками способна составить противовес Китаю». В одном из последних по времени документов (Стратегия национальной безопасности США-2022) не случайной стала декларация о том, что «перед лицом в своекорыстного поведения КНР, США и страны Южной Азии совместными усилиями будут и дальше продвигать процветание в ИТР».

Специальные разделы по Индии содержались в докладе Государственного департамента по ИТР от ноября 2019 (*FOIP*), в Стратегии США в ИТР-2022. Вашингтон продолжает называть Индию «лидером в Южной Азии и Индийском океане», «движущей силой “Четвёрки” и мотором регионального роста и развития».

Американский концепт ИТР в целом отвечает интересам Индии, которая имеет исторически сложные отношения с Китаем. Вместе с тем Нью-Дели, используя преимущества «свободы маневра», избегает (по меньшей мере пока) пересекать откровенно антикитайские линии. В частности, Индия, выступая, повторим, с собственным видением концепции ИТР, настаивает на превалирова-

нии в ней экономических элементов. Именно с такой позицией эксперты связывают тот факт, что в документах «Четвёрки» отсутствуют прямые антикитайские (и антироссийские) формулировки.

Россия, которая по формальным признакам тоже может быть отнесена к странам ИТР, в американских стратегиях по региону (в отличие от стратегий национальной безопасности США) упоминается редко, причём противоречиво.

В засекреченной Рамочной стратегии США для ИТР-2018 Россия названа «маргинальным на фоне США игроком», однако в появившемся через полтора года докладе Министерства обороны по ИТР ей был уделён отдельный раздел. Доклад отмечал попытки РФ «восстановить своё присутствие в ИТР» и тем самым «продвинуть свои глобальные интересы. Было обращено внимание на практическую политику РФ – от экспорта энергоносителей, военно-морской, военно-воздушной активности до продвижения «интенсивной дипломатии», включая развитие военно-политических и военно-технических связей с Китаем.

В стратегиях по ИТР, опубликованных в 2019 и 2022 г. соответственно Госдепартаментом и Белым домом, Россия упоминается лишь в числе стран, которые якобы замечены «в кибератаках с целью похищения чувствительной информации».

Москва изначально выступила против появления американского концепта ИТР, расценив его как искусственную попытку сместить устоявшееся понятие Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), тем самым «переформатировать сложившийся порядок под решение собственных узкокорыстных задач, и в итоге разделить государства региона на "группы по интересам", чтобы установить собственное доминирование» [16].

Вместе с тем на экспертном уровне (и прежде всего в контексте задачи «не вытолкнуть» традиционного привилегированного партнёра – Индию) высказывается мнение о пользе более гибкого подхода, «вычленения» из уже распространившейся в регионе концепции ИТР (не Стратегии США в ИТР) рационального элемента в виде возможности более широкого экономического, гуманитарного и другого невоенного сотрудничества.

По понятным причинам резко негативную позицию по поводу американской стратегии ИТР неизменно занимает КНР, где политику США в регионе называют прежде всего «инструментом сдерживания Китая». Подтверждая оценки своих предшественников, недавно крайне резко высказался на это счёт и вновь назначенный глава МИД КНР Цинь Ган, подчёркнувший, что «Индо-Тихоокеанская стратегия» США «щеголяет свободой и открытостью, но на деле формирует закрытые клики, провоцирует конфронтацию и планирует азиатско-тихоокеанскую версию НАТО» [17].

Министр подверг также критике тезис США об ответственной конкуренции с КНР, отметил, что публичные заявления Вашингтона о формировании «формировании стратегической среды вокруг Китая», лишь обнажают истинную цель по сдерживанию КНР.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Анализ деклараций и практической политики США по тематике ИТР последних 5–6 лет говорит, что стратегии Вашингтона в этом регионе, включая их «китайский аспект», последовательно развивалась концептуально, разрабатывалась как на политико-дипломатическом уровне, так и также силами оборонного ведомства и специальных служб; концептуальные основы подходов к ИТР и политике в отношении КНР формируются во взаимосвязи, часто дополняя друг друга в официальных документах подходов.

2. Составными элементами стратегии США в ИТР являются цель сохранения и упрочения собственного доминирования на пространстве от США западного побережья Индии, а также вытекающая из неё задача «сдерживания» Китая как основного вызова этой цели.

3. Политика США в регионе носит в целом преемственный характер: декларации и практические шаги прошлой и нынешней президентских администраций указывают на схожесть подходов, причём нынешний региональный курс в отношении Китая становится всё более жёстким («КНР – главный вызов в регионе и мире»), всё более насыщается инструментами реализации («Четвёрка», АУКУС, региональная активизация НАТО).

4. Между основными региональными игроками – США и КНР имеются системные противоречия, прежде всего по проблемам Тайваня и ЮКМ, что в обозримом будущем чревато не только сохранением нынешней латентно-напряжённой обстановки, но и её обострением. «Конструктивное сотрудничество» стороны, прежде всего США видят, в первую очередь, «на собственных условиях».

5. В углубленном мониторинге нуждаются подходы Индии: крен страны в сторону США потенциально может достичь излишнего уровня, что негативно сказалось бы на её участии в БРИКС, ШОС, трёхстороннем формате РИК, а значит – и на региональных и глобальных интересах России (и Китая).

ИСТОЧНИКИ

1. Alyssa Ayres. The U.S. Indo-Pacific Strategy Needs More Indian Ocean. 22.01.2019. Available at: <https://www.cfr.org/expert-brief/us-indo-pacific-strategy-needs-more-indian-ocean> (accessed 10.03.2023).

2. Полный текст выступления Дональда Трампа на саммите АТЭС во Вьетнаме. Available at: <http://ukros.ru/wp-content/uploads/2017/11/1-2.pdf> (accessed 21.03.2023).

3. National Security Strategy of the United States of America. December 2017. Available at: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (accessed 01.04.2023).

4. Abhijnan Rej. The US Strategic Framework for the Indo-Pacific: 3 Curiosities. *The Diplomat*. January 14, 2021 Available at: <https://thediplomat.com/2021/01/the-us-strategic-framework-for-the-indo-pacific-3-curiosities/> (accessed 01.04.2023).

5. Department of Defense's June 2019 Indo-Pacific Strategy Report. Available at <https://media.defense.gov/2019/Jul/01/2002152311/-1/-1/1/departement-of-defense-indo-pacific-strategy-report-2019.pdf/> (accessed 23.03.2023).

6. A Free and Open Indo-Pacific. Advancing a Shared Vision. November 3, 2019. Available at: <https://www.state.gov/a-free-and-open-indo-pacific-advancing-a-shared-vision/> (accessed 28.03.2023).

7. United States Strategic Approach to the People's Republic of China. May 20, 2020. Available at: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2020/05/U.S.-Strategic-Approach-to-The-Peoples-Republic-of-China-Report-5.24v1.pdf/> (accessed 18.03.2023).

8. Secretary Michael R. Pompeo opening remarks at Quad Ministerial, Japan. October 6, 2020. Available at: <https://todaynewsafrika.com/secretary-michael-r-pompeo-opening-remarks-at-quad-ministerial-japan/> (accessed 28.03.2023).

9. Interim National Security Strategi Guidance. March 03, 2021. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/03/03/interim-national-security-strategic-guidance/> (accessed 07.03.2023).

10. U.S.-Indo-Pacific-Strategy of The United States. February 2022. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/02/U.S.-Indo-Pacific-Strategy.pdf> (accessed 28.03.2023).

11. Antony J. Blinken, The (Biden) Administration's Approach to The People's Republic of China, May 26, 2022. Available at: <https://china.usc.edu/antony-j-blinken-biden-administrations-approach-peoples-republic-china-may-26-2022> <https://china.usc.edu/antony-j-blinken-biden-administrations-approach-peoples-republic-china-may-26-2022> (accessed 28.03.2023).

12. National Security Strategy. October 2022 Available at: <https://nssarchive.us/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (accessed 14.03.2023).

13. Ayesha Binte Towhid. US National Security Strategy 2022: The View from Bangladesh. *The Diplomat*, November 02, 2022. Available at: <https://thediplomat.com/2022/11/us-national-security-strategy-2022-the-view-from-bangladesh/> (accessed 01.04.2023).

14. 2022 National Defense Strategy of the United States of America. Available at: <https://media.defense.gov/2022/Oct/27/2003103845/-1/-1/1/2022-national-defense-strategy-npr-mdr.pdf> (accessed 01.04.2023).

15. 2022 China Military Power Report. Available at: <https://www.defense.gov/CMPR/> (accessed 31.03.2023).

16. Лавров назвал деструктивной американскую концепцию Индо-Тихоокеанского региона. *РИА Новости*. 13.01.2020. Available at: <https://ria.ru/20200113/1563383094.html> (accessed 01.04.2023).

17. Вопросы и ответы министра иностранных дел Цинь Гана на пресс-конференции, посвящённой внешней политике Китая и международным отношениям. 2023-03-08. Available at:

https://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/202303/t20230308_11037323.html (accessed 01.04.2023).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Панов А. Перспективы внешнеполитической стратегии администрации Дж. Байдена в Азиатско-Тихоокеанском регионе. *Россия и Америка в XXI веке*, 2021. № 4. Available at: <https://rusus.jes.su/s207054760017904-1-1/>

REFERENCE

Panov, A. Prospects of the foreign policy strategy of the administration of J. Biden in the Asia-Pacific region. *Russia and America in the XX-I century*, No. 4, 2021 (In Russ.). Available at: <https://rusus.jes.su/s207054760017904-1-1/> (accessed 17.03.2023).

Cannon, B., Hakata, K. Indo-Pacific Strategies. Navigating Geopolitics at the Dawn of a New Age. Abingdon/ New York: Routledge, 2022. 270 p. ISBN 9781032057668. Available at: <https://www.routledge.com/Indo-Pacific-Strategies-Navigating-Geopolitics-at-the-Dawn-of-a-New-Age/Cannon-Hakata/p/book/9781032057668> (accessed 31.03.2023).

Heiduk, F. Asian Geopolitics and the US-China Rivalry. Routledge NY, 2023, 254 P. Available at: <https://www.routledge.com/Asian-Geopolitics-and-the-US-China-Rivalry/Heiduk/p/book/9780367618469> (accessed 31.03.2023).

Kratiuk, B., Bosch, J., Jaskolska, A., Sato, Y. Handbook of Indo-Pacific. London, 2023. 423 p. Available at: <https://doi.org/10.4324/9781003336143> (accessed 31.03.2023).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

УЯНАЕВ Сергей Владимирович, Sergey V. UYANAIEV, Candidate of Sciences (History), Deputy Director, Institute China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences.

Российская Федерация, 117218 Москва, Нахимовский проспект, 32. 117218, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 02.04.2023 / Received 02.04.2023.

Поступила после рецензирования 14.04.2023 / Revised 14.04.2023.

Статья принята к публикации 16.04.2023 / Accepted 16.04.2023.

УДК 327

DOI: 10.31857/S2686673023070039

EDN: GJBHDM

Китайский разведывательный шар как фактор в американо-китайских отношениях

А.С. Степанов

Институт США и Канады им. академика Г.А. Арбатова

Российской академии наук (ИСКРАН).

Российская Федерация, 121069, Москва, Хлебный переулок, д. 2/3.

Scopus Author ID: 57217584002 РИНЦ ID: 848659

ORCID: 0000-0001-8270-9774 e-mail: astepano89@gmail.com

Резюме: Статья посвящена инциденту с пролётом над территорией США принадлежащего Китаю стратосферного воздушного шара. Рассматриваются вопросы, связанные как с техническими аспектами, связанными с этим объектом и его уничтожением, так и влияние этого происшествия на американо-китайские отношения. Кроме того, анализируется внутренняя реакция на случившееся в американском политикуме. Автор приходит к выводам о том, что на фоне американо-китайского соперничества и сокращения межвоенных контактов, такие инциденты могут представлять опасность. Ни США, ни Китай не предприняли должных усилий для урегулирования кризиса, предпочтя наблюдать за происходящим и извлекать из ситуации возможные политические выгоды. Бурная реакция политического сообщества в США, когда обстоятельства инцидента не были ещё должным образом расследованы, говорит о предубеждениях против Китая, господствующих в законодательной и исполнительной власти.

Ключевые слова: Китай, США, стратосферный шар, военный инцидент, кризисные коммуникации, межвоенные отношения, разведка, соперничество великих держав

Для цитирования: Степанов А.С. Китайский разведывательный шар как фактор в американо-китайских отношениях. *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2023; 53(7) 36-48. DOI: 10.31857/S2686673023070039 EDN: GJBHDM

Chinese Surveillance Balloon as a Factor in U.S.-China Relations

Alexey S. Stepanov

Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies,

Russian Academy of Sciences.

2/3, Khlebnyy pereulok, Moscow, 121069, Russian Federation.

Scopus Author ID: 57217584002 РИНЦ ID: 848659

ORCID: 0000-0001-8270-9774 e-mail: astepano89@gmail.com

Abstract: The article is devoted to the incident of a stratospheric balloon *belonging* to China flying over the territory of the United States. The article examines technical aspects related to the balloon and its downing, as well as the impact the incident had on U.S.-Chinese relations. In addition, the author analyzes the domestic reaction to the incident in American politics. The

author concludes that given the U.S.-China rivalry and the decline in military-to-military contacts, such incidents can be dangerous. Neither the U.S. nor China has made sufficient efforts to resolve the crisis, preferring to observe the situation and take political advantage of it. Excessive reaction of the political class in the US, while the circumstances of the incident have not been properly investigated yet, speaks of the prevailing bias against China in the legislative and executive branches.

Keywords: China, US, stratospheric balloon, military incident, crisis communications, military-to-military relations, intelligence, great power rivalry

For citation: Stepanov, A.S. Chinese Surveillance Balloon as a Factor in U.S.-China Relations. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2023; 53 (7): 36-48.

DOI: 10.31857/S2686673023070039 EDN: GJBHDM

ВВЕДЕНИЕ

Инцидент с китайским летающим объектом, замеченным над территорией США, стал одним из самых значимых информационных поводов начала 2023 г. Он породил множество слухов, домыслов и попыток анализа и вызвал бурную реакцию в США, Китае и других странах мира. В данной статье мы сделаем попытку ответить на наиболее актуальные и значимые вопросы, связанные с этим происшествием и его последствиями для США и американо-китайских отношений.

КАКОВ БЫЛ МАРШРУТ ДВИЖЕНИЯ КИТАЙСКОГО ШАРА?

28 января китайский воздушный шар вошёл в воздушное пространство США над Алеутскими островами, пролетел над штатом Аляска, затем отклонился на юг и двинулся над западным побережьем Канады, после чего снова вошёл в воздушное пространство Соединённых Штатов и пересёк его с северо-запада на юго-восток. Его маршрут пролегал как минимум над десятью штатами, включая Аляску, Монтану, Канзас, Миссури, Северную и Южную Каролину, где он был замечен, а также Вайоминг, Южную Дакоту, Небраску и Кентукки [1]. 1 февраля 2023 г. шар был сфотографирован над Монтаной сотрудниками местной газеты. После того, как эти данные появились в прессе, информацию опубликовало Министерство обороны [2]. Значимости инциденту придавало то, что на территории штата находится база ВВС США Малмстром, где расположены три позиционных района американских МБР. 4 февраля он был сбит у побережья Южной Каролины, после чего министр обороны США Ллойд Остин попытался связаться по телефону со своим тогдашним китайским коллегой Вэй Фэнхэ, однако китайское военное ведомство не ответило, сославшись на нарушение Соединёнными Штатами международных норм [3]. Операция по сбитию шара была осуществлена истребителями F-22 на довольно большой для этих истребителей высоте (18 000 метров, а шар находился на высоте до 20 000 метров) [4], что говорит о возможностях этих самолётов действовать на больших высотах. Он был сбит ракетой AIM 9-X, разработанной в конце 1990-х – начале 2000-х годов. Этот случай является первым в истории сбитием воздушной цели противника данным истребителем. Это также первый случай уничтожения

воздушной цели любым самолётом над основной территорией США. По словам американских властей, шар был сбит, как только перестал представлять угрозу для населения. Операция по извлечению обломков, по заявлениям официальных лиц, займет несколько недель и еще не объявлена завершённой, хотя об извлечении большей части обломков, находящихся на поверхности воды, было заявлено уже 7 февраля [5]. Командующий НОРАД Глен ван Хёрк созвал пресс-конференцию по этому поводу 6 февраля, на которой заявил, в частности, что шар не был сбит сразу, потому что не представлял угрозы безопасности США. Кроме того, в прошлом были и другие воздушные шары, приближавшиеся или пересекавшие территорию Северной Америки, которые не удалось отследить [6]. Затем с 9 по 12 февраля США обнаружили и сбили ещё три подобных объекта над Аляской, Юконом (территория Канады) и озером Гурон (штат Мичиган). Все эти объекты различались по форме, размеру и материалу изготовления, и отличались от сбитого до этого китайского шара. Принадлежали ли эти объекты Китаю, неизвестно [7], поиски их обломков не проводятся [8].

КАКОВА БЫЛА РЕАКЦИЯ КИТАЯ?

Несмотря на то, что США публично не приводили исчерпывающие доказательства того, что шар принадлежит Китаю, вечером следующего дня после его обнаружения официальный представитель МИД КНР признал, что это китайский объект, предназначенный прежде всего для метеорологических исследований [9], который сбилсся с курса из-за форс-мажорных обстоятельств. При этом, пытаясь сгладить последствия инцидента, Китай заявил, что сожалеет о случившемся. Однако после объявления об отмене визита Э. Блинкена, тот же спецпредставитель обвинил «некоторых политиков» в «нападах и очернении» Китая [10]. На пресс-конференции МИД КНР 7 февраля, после сбития воздушного шара, действия США были названы чрезмерными. Официальный представитель МИД также косвенно обозначила желание Китая получить обломки сбитого объекта. Действия США были названы «серьёзным нарушением международной практики», но не международного права [11]. В связи с инцидентом Китай подал официальную жалобу в посольство США [12]. Кроме того, МИД КНР обвинил США в том, что те запустили более 10 высотных воздушных шаров в воздушное пространство Китая [13]. На этом реакция Пекина была исчерпана.

КАКОВА БЫЛА РЕАКЦИЯ США?

Одним из самых значимых ответных действий США стало откладывание на неопределённый срок (слово «отмена» в официальных заявлениях не упоминалось) визита в Китай госсекретаря США Э. Блинкена. Данная встреча была согласована на встрече Дж. Байдена и Си Цзиньпина 16 ноября 2022 г. на полях саммита «Большой двадцатки» в Индонезии и должна была быть посвящена социально-экономическим вопросам, проблемам кризисных коммуникаций, мерам по снижению рисков, вопросам, касающимся войны на Украине, Ирана и другим [14]. Решение о

переносе визита нанесло ущерб двусторонним отношениям, но его мотивацию можно понять. Если бы Блинкен согласился на этот визит, это вызвало бы ещё больше критики администрации Дж. Байдена внутри США. Кроме того, находясь в Китае он с высокой долей вероятности был бы вынужден посвятить большую часть времени инциденту с шаром, а не более долгосрочным и глубоким проблемам американо-китайских отношений. Ещё одной ответной реакцией стало наложение санкций на шесть зарегистрированных в Китае организаций, связанных с аэрокосмическими программами вооружённых сил КНР [15]. По заявлению Министерства торговли США они были непосредственно связаны с произошедшим инцидентом. Возникает вопрос: откуда американские власти узнали об участии этих организаций в полёте пресловутого шара? Можно предположить, что США либо давно отслеживали деятельность этих компаний, либо пошли на политический шаг, наложив санкции на юридические лица, участвующие в производстве чувствительных технологий. Официальный представитель Министерства обороны США также заявил, что за последние шесть лет Китай запустил в сторону Соединённых Штатов четыре воздушных шара, которые якобы вели разведку. Где именно они были обнаружены, уточнено не было, однако согласно предположениям, речь шла о Гавайских островах и о Гуам [16].

КАКОВА БЫЛА РЕАКЦИЯ НА ИНЦИДЕНТ ВНУТРИ США?

Инцидент с воздушным шаром вызвал серьёзный внутриполитический скандал в США и спровоцировал множество нападок на администрацию Дж. Байдена. Он продемонстрировал, насколько выгодно для всего политического спектра США занять жёсткую позицию в отношении Китая. Следует заметить, что законодательная власть отреагировала на произошедшее гораздо жёстче, чем исполнительная. Так, сенатор М. Рубио заявил, что шар был запущен с намерением унижить и продемонстрировать слабость Соединённых Штатов: «Это послание миру и оно звучит так: "Мы можем запустить воздушный шар над воздушным пространством Соединённых Штатов Америки, и вы не сможете ничего сделать, чтобы остановить нас"» [17]. Почти повторил его слова представитель от штата Висконсин М. Гэллагер: «И послание звучит так: "Посмотрите, что нам может сойти с рук. И вы ничего с этим не сделаете. Вы всё равно приползёте обратно"» [18]. Похожая риторика прозвучала от сенатора Тома Коттона и других республиканцев. Инцидент с шаром использовала в своей начавшейся предвыборной кампании бывшая представитель США в ООН Никки Хейли, заявив, что будь она президентом, этого бы не случилось: «Причина, по которой Китай послал воздушный шар, заключается в том, что они видели, как мы провалились в Афганистане, потом видели, как мы впустили Россию в Крым, а затем наблюдали, как Россия вторглась на Украину. Америка фактически ничего не сделала... Поэтому они говорят: "Пусть и это сойдёт нам с рук"» [19]. Представитель от штата Джорджия Марджори Тэйлор Грин заявила, что на месте Байдена Д. Трамп «...никогда бы не позволил Китаю запустить шпионский воздушный шар над нашей страной и нашими военными базами и объектами. Президент Трамп сбил бы его ещё до того, как он проник бы на территорию США»

[17]. Трамп, в свою очередь, опроверг сообщения Минобороны о том, что воздушные шары обнаруживались над территорией США при его нахождении у власти, в свою очередь, назвав инцидент с воздушным шаром «позором» [20]. Обе палаты Конгресса США приняли резолюции, осуждающие Китай за «грубое нарушение суверенитета Соединённых Штатов» [21]. Некоторые представители Республиканской партии в Палате представителей намеревались включить в резолюцию осуждение реакции администрации Байдена, однако этот проект был отклонён. Сенат, в свою очередь, принял две подобных резолюции. Первая из них осудила Коммунистическую партию Китая за «вторжение в воздушное пространство США» и призвала президента к «транспарентности с американским народом и Конгрессом» [22]. Пресс-секретарь Белого дома Карин Жан-Пьер попыталась защитить администрацию Байдена, заявив, что её действия носили наиболее прагматичный характер: «...Мы были защищены от сбора разведданных со стороны Китая, поскольку точно знали, куда летит шар. Военные рекомендовали сбить шар над водой на основании выводов военного командования о том, что существует неоправданный риск причинения обломками вреда гражданскому населению <...> президент дал указание военным сбить шар при первой же возможности <...> мы беспокоимся о жизнях американцев и о том, чтобы <...> обеспечить наиболее эффективный сбор обломков полезной нагрузки шара» [23]. К середине февраля в прессе стали появляться публикации, согласно которым воздушные шары могут использоваться Китаем для доставки ядерного, биологического или электромагнитного оружия [24], [25]. Лидер большинства в Сенате Чак Шумер заявил, что Конгресс проведёт закрытый брифинг о разведывательных возможностях Китая [26]. Ещё один скандал, связанный с инцидентом, разгорелся вокруг обнаружения шара и решения не сбивать его. Во время слушаний в Комитете по вооружённым силам Сената США глава Северного командования Глен ван Хёрк заявил, что министр обороны Ллойд Остин обратился к нему за рекомендациями относительно шара только 1 февраля, то есть через 5 дней после того, как разведсообщество уведомило о ситуации высшее руководство страны. Однако представитель Минобороны заявил, что министр и глава Северного командования постоянно были на связи по этому вопросу. Сенатор-республиканец Р. Уикер и присоединившиеся к нему однопартийцы потребовали объяснений. «Вы не получали никаких указаний от президента США или министра обороны до пятого дня этого кризиса, когда воздушный шар пересек Аляску и Канаду, после чего вновь оказался над Соединёнными Штатами», - сказал он ван Хёрку на одном из слушаний. Впоследствии глава Северного командования прояснил, что разведслужбы проинформировали его ведомство о наличии у Китая программы по использованию стратосферных шаров за несколько месяцев до инцидента. Сам он узнал о шаре 27 января, 28-го официально оповестил об этом министра обороны и председателя КНШ, а 1 февраля дал рекомендацию сбивать шар только тогда, когда он окажется над поверхностью воды [27].

В целом алармистская реакция США на данное происшествие говорит о том, что американская политическая система не готова к более серьёзным инцидентам с участием Китая. Критика со стороны Конгресса сыграла негативную роль, так как чтобы избежать её в дальнейшем администрация будет вести себя более

жёстко по отношению к подобным объектам, а возможно – и к более широкому их кругу. Всё это свидетельствует о том, что США гораздо больше сосредоточены на соперничестве с Китаем, чем на разрешении подобных кризисов.

ЧЕМ ОБЪЯСНЯЕТСЯ ВРЕМЯ ПРОЛЁТА ШАРА НАД ТЕРРИТОРИЕЙ США?

До сих пор остаётся неясным, чем было обусловлено время запуска воздушного шара, особенно в контексте планировавшегося визита Э. Блинкена, встреча которого с китайским коллегой Цинь Ганом была важна для руководства Китая. Вполне вероятно, что инцидент произошёл по независящим от Пекина обстоятельствам, например, не был запланирован столь длительный полёт по этой конкретной траектории. Об этом свидетельствует, например, анализ погодных условий, приведённый в газете «Вашингтон пост» [28]. Директор ЦРУ У. Бёрнс также не выразил уверенность в том, что в Китае знали о маршруте воздушного шара [29]. Некоторые считают, что время было выбрано специально, чтобы смутить Байдена перед его выступлением в Конгрессе [30], однако эта версия выглядит необоснованной. Возможно, это было своего рода ответным действием на пролёты американских разведывательных летательных аппаратов вблизи побережья Китая.

ЧТО ПРЕДСТАВЛЯЛ СОБОЙ КИТАЙСКИЙ ВОЗДУШНЫЙ ОБЪЕКТ?

Это был весьма крупный объект (до 60 метров в высоту с учётом полезной нагрузки), способный перемещаться в стратосфере. О размерах объекта говорит и то, что воздушный шар находился на высоте около 20 000 м, однако был виден с земли без помощи специальных приборов. Он мог оставаться на такой высоте в течение нескольких недель. Предположительно, он был запущен из Китая в конце января. В качестве возможных районов запуска называются Внутренняя Монголия и о. Хайнань [31]; [32]. Предположительно, такие воздушные шары способны к ограниченному маневрированию и могут менять свой курс с помощью пропеллера. Цель этого механизма – не дать воздушному шару изменить свой курс в зависимости от ветра. Были предположения, что в управлении шаром мог быть использован искусственный интеллект [33].

ПОЧЕМУ США НЕ СБИЛИ ШАР РАНЬШЕ?

Первая возможная причина заключается в том, что США хотели понаблюдать за разведывательными возможностями потенциального противника. Во время пролёта шара над территорией США он был тщательно осмотрен при помощи самолёта-разведчика *U-2 Dragonlady*, а также сфотографирован со всех сторон с других самолётов, включая истребители *F-22*. Возможно, что американские средства радиоэлектронной борьбы пытались создать помехи для воздушного шара, чтобы помешать приёму и передаче сигналов. Не исключено, что он был сбит над водой, чтобы обломки можно было собрать в большей сохранности, чем если бы

они упали на твёрдую землю. Однако даже в этом случае существуют сомнения относительно того, удастся ли выявить весь спектр возможностей сбитого воздушного шара. Кроме того, отчасти справедливым может быть и официальное объяснение. Падение обломков крупного воздушного шара даже над малонаселёнными территориями страны могло бы спровоцировать политический скандал.

ПОЧЕМУ ПОДОБНЫЕ ВОЗДУШНЫЕ ШАРЫ МАССОВО НЕ ОБНАРУЖИВАЛИСЬ РАНЬШЕ И ПОЧЕМУ ОНИ ОБНАРУЖИВАЮТСЯ СЕЙЧАС?

Прежде всего это связано с материалом изготовления и особенностями передвижения этих объектов. При изготовлении не используются или ограниченно используются металлические детали. Воздушные шары движутся медленнее объектов, обычно отслеживаемых радаром. Радарам труднее его обнаружить, потому что они настроены на обнаружение объектов, движущихся быстрее скорости ветра, компьютеры, используемые в радаре, не отфильтровывают более медленные объекты. По всей видимости, настройки американских радаров были изменены после обнаружения первого воздушного шара. Для этого, вероятно, использовалось программное обеспечение *Pathfinder*, использующее машинное обучение для сбора разведданных.

ПОЧЕМУ КНР ИСПОЛЬЗОВАЛА ДЛЯ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ ВОЗДУШНЫЙ ШАР, А НЕ СПУТНИКИ?

Использование спутниковой разведки является сильной стороной Китая, спутниковая группировка которого насчитывает более 200 единиц, пригодных для этих целей.

Несмотря на то, что в целом, возможности проведения разведки при помощи воздушных шаров не превосходят спутниковые, у данной технологии есть свои выгодные особенности. Во-первых, запуск воздушного шара является менее сложным и дорогостоящим, поскольку его не нужно выводить в космос. Во-вторых, воздушный шар получает изображение более высокого разрешения при использовании более дешёвых оптических средств. Воздушный шар способен легче маневрировать и вести наблюдения за нужной зоной (до 1300 км в диаметре) в постоянном режиме, в отличие от спутника, который осуществляет наблюдение, пролетая определённый участок своей орбиты. Таким образом, воздушный шар можно использовать, например, для отслеживания распорядка дня на секретном объекте. Антенна, расположенная на воздушном шаре, может принимать гораздо более слабые радиосигналы, нежели спутник, поскольку в последнем случае этому препятствует ионосфера Земли. Негативный аспект использования воздушных шаров состоит в том, что им необходимо находиться в суверенном воздушном пространстве иностранного государства, в отличие от спутников, которые находятся в космосе. Помимо этого, стоит отметить, что обычно радиосигналы, исходящие от секретных объектов США, подвергаются сверхсложному шифрованию,

поэтому требуются значительные средства для их дешифровки, такие как суперкомпьютеры. Также применение воздушного шара, особенно таких размеров, является довольно рискованной тактикой, несвойственной китайской разведке. Несмотря на вышесказанное, следует отметить, что помимо предполагаемого сбора разведданных, в ходе этого инцидента Китай получил возможность наблюдать за реакцией властей и общества США на подобные инциденты, что само по себе представляет ценность. Использование же воздушного шара является только одним из способов наблюдения и его применение вполне логично, учитывая, что разведывательные службы всех государств стремятся иметь как можно более широкий спектр разведывательных возможностей.

СУЩЕСТВУЕТ ЛИ У КИТАЯ СПЕЦИАЛЬНАЯ ПРОГРАММА ПО ИСПОЛЬЗОВАНИЮ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫХ ВОЗДУШНЫХ ШАРОВ?

По сообщениям источника в Госдепартаменте США, китайская разведывательная программа, подразумевающая использование воздушных шаров, способных находиться на большой высоте, охватывает более 40 стран, а производство шаров санкционируется государством [34]. Доказательств этим утверждениям не представлено, однако, скорее всего, Программа разведки с помощью воздушных шаров является частью более широких разведывательных усилий, которые включают спутниковую разведку и применение кибер-средств. Кроме США и Канады, о наблюдении воздушных шаров заявляли в таких странах и территориях, как Тайвань, Филиппины, Япония, Индия, Колумбия и Коста-Рика [35]. Это позволяет предположить, что шар, обнаруженный над США, не является случайно залетевшим и не позволяет полностью исключить наличие целенаправленной программы. Скорее всего, пролёт этого шара не был приурочен к каким-то особым временным рамкам, однако доказать это утверждение с достаточной степенью уверенности не представляется возможным.

МОГУТ ЛИ ТАКИЕ ВОЗДУШНЫЕ ШАРЫ БЫТЬ ИСПОЛЬЗОВАНЫ В ХОДЕ ПОТЕНЦИАЛЬНОГО КОНФЛИКТА МЕЖДУ США И КНР?

Вероятность такого использования крайне мала. Однако теоретически их можно применять для нанесения ударов по территории США обычным оружием вместо применения ракет, чтобы снизить вероятность ядерной эскалации из-за неверной интерпретации атаки. В большом количестве шары могут служить отвлекающими целями, призванными заставить США задействовать большое количество самолётов и тратить дорогостоящие ракеты класса «воздух-воздух» и «земля-воздух».

МОЖНО ЛИ ПРОВЕСТИ ПАРАЛЛЕЛИ С РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫМИ ДЕЙСТВИЯМИ США У ПОБЕРЕЖЬЯ КИТАЯ, В ЧАСТНОСТИ, В ЮЖНО-КИТАЙСКОМ МОРЕ?

Действительно, США ведут постоянную разведывательную деятельность у китайских берегов с помощью военных самолётов и беспилотников. По заявлениям китайской стороны, речь идёт о сотнях вылетов в год [36]. Однако эта разведка происходит в основном в исключительной экономической зоне КНР, а не в воздушном пространстве страны. Таким образом, приблизительным аналогом инцидента с воздушным шаром со стороны США является миссия U-2 Гэри Пауэрса в 1960 году.

ЕСТЬ ЛИ У США ТАКИЕ ЖЕ ВОЗМОЖНОСТИ?

Насколько известно из открытой информации, США не используют воздушные шары для наблюдения и разведки. Однако вместо этого применяются привязанные к земле аэростаты. Они используются на южной границе США [37], а также применялись во время операции в Афганистане. При этом ранее сообщалось об испытании подобных разведывательных шаров под эгидой Управления перспективных исследовательских проектов Министерства обороны США (*Defense Advanced Research Projects Agency, DARPA*) [38]. Производством стратосферных воздушных шаров занимается, в частности, американская компания «Аэро-стар» (*Aerostar*), базирующаяся в Бакэу, Румыния [39].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Из вышесказанного представляется необходимым сделать некоторые выводы.

Есть основания предполагать, что Китай действительно пользуется стратосферными воздушными шарами для сбора разведанных, однако вероятно, что воздушный шар, вызвавший такой переполох, действительно отклонился от курса. После того, как это произошло, руководство как США, так и КНР решило воспользоваться возникшим кризисом в своих политических целях. Кроме того, Китай также решил воспользоваться возможностью осуществить разведку и понаблюдать за реакцией американских властей и силовых структур.

Произошедший инцидент говорит о важности кризисных коммуникаций, которые фактически отсутствовали в острой фазе инцидента, что привело к раздуванию публичной реакции на это событие, несмотря на то, что оно было куда менее серьёзным, чем, скажем столкновение самолётов двух стран в воздухе над островом Хайнань в 2001 г., общественная реакция на которое была во-многом более сдержанной. Сейчас, в период стратегического соперничества между США и Китаем опасность серьёзных военных инцидентов возрастает. Прежде всего речь идёт о китайских самолётах в воздушном пространстве Тайваня или опасных сближениях американских разведывательных воздушных судов и китайских истребителей в том же Южно-Китайском море. На этом фоне негативную роль играет снижение

уровня взаимодействия между военными ведомствами двух стран. Несмотря на наличие таких механизмов, как Соглашение о военно-морских консультациях и координационные переговоры по оборонной политике, а также меморандумов о взаимопонимании, касающихся уведомлений о крупных военных мероприятиях и сближений на море и в воздухе, многие из проводившихся встреч были отменены, а общее число контактов между военными снизилось более чем в 2 раза с 2014 года [40]. Со времени визита на Тайвань Н. Пелоси отношения между военными ведомствами двух стран фактически были заморожены.

Большое значение для последствий инцидента будет играть анализ обломков воздушного шара, который должен установить при помощи каких средств воздушный шар осуществлял сбор и передачу данных, а также какие данные ему удалось собрать. По имеющимся на настоящий момент данным, воздушный шар обладал несколькими датчиками для сбора развединформации [41]. Также сообщалось, что объект прекратил передачу данных, как только стало известно о его обнаружении американской стороной [42].

Инцидент с китайским воздушным шаром спровоцировал новый виток ухудшения американо-китайских отношений и даже если китайской стороне удалось собрать какие-либо чувствительные разведданные, она больше потеряла, нежели приобрела. Случившееся также напомнило наблюдателям о том, что разведка и разведывательные операции являются неотъемлемой частью соперничества великих держав.

ИСТОЧНИКИ

1. The Chinese Spy Balloon's Path Across North America. *Statista*. 6.02.2023. Available at: <https://www.statista.com/chart/29242/chinese-balloon-flight-path/> (accessed 5.04.2023).
2. Gazette's spy balloon photos play role in White House's response to China. *Billings Gazette*. 6.02.2023. Available at: https://billingsgazette.com/news/gazettes-spy-balloon-photos-play-role-in-white-houses-response-to-china/article_b27cc99e-a4b1-11ed-b40a-07864ac915be.html (accessed 13.04.2023).
3. 'It just rang': In crises, US-China hotline goes unanswered. *The Associated Press*. 10.02.2023. Available at: [https://apnews.com/article/politics-united-states-government-lloyd-austin-china-9d1b7c9aa40b22d0bda497ba29be8d9b#:~:text=WASHINGTON%20\(AP\)%20%E2%80%94%20Within%20hours,explain%20things%20and%20ease%20tensions.](https://apnews.com/article/politics-united-states-government-lloyd-austin-china-9d1b7c9aa40b22d0bda497ba29be8d9b#:~:text=WASHINGTON%20(AP)%20%E2%80%94%20Within%20hours,explain%20things%20and%20ease%20tensions.) (accessed 7.04.2023)
4. The Chinese Balloon Was Shot Down By the U.S. Military. Here's How It Went Down. *Time*. 5.02.2023. Available at: <https://time.com/6253010/chinese-spy-balloon-shot-down/> (accessed 1.04.2023)
5. U.S. military seeks to recover debris from Chinese spy balloon. *CBS News*. 6.02.2023. Available at: <https://www.cbsnews.com/news/china-spy-balloon-debris-search/> (accessed 24.03.2023)
6. Gen. Glen VanHerck, Commander, North American Aerospace Defense Command and United States Northern Command, Holds an Off-Camera, On-The-Record Briefing on the High-Altitude Surveillance Balloon Recovery Efforts. *The Department of Defense*. 6.02.2023. Available at:

<https://www.defense.gov/News/Transcripts/Transcript/Article/3289888/gen-glen-vanherck-commander-north-american-aerospace-defense-command-and-united/> (accessed 16.03.2023)

7. Everything We Know About The Chinese Balloon—And 3 Other Objects— Shot Down By The U.S. *Forbes*. 14.02.2023. Available at: <https://www.forbes.com/sites/emilywashburn/2023/02/14/everything-we-know-about-the-chinese-balloon-and-3-other-objects--shot-down-by-the-us/?sh=64188848757c> (accessed 8.03.2023)

8. U.S. ends search for objects shot down over Alaska, Lake Huron. *Politico*. 17.02.2023. Available at: <https://www.politico.com/news/2023/02/17/u-s-ends-search-for-objects-shot-down-over-alaska-lake-huron-00083559> (accessed 14.03.2023).

9. Foreign Ministry Spokesperson's Remarks on the Unintended Entry of a Chinese Unmanned Airship into US Airspace Due to Force Majeure. *Ministry of Foreign Affairs, the People's Republic of China*. 03.02.2023. Available at: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/xwfw_665399/s2510_665401/2535_665405/202302/t20230203_11019484.html (accessed 22.03.2023).

10. Foreign Ministry Spokesperson's Remarks on US Announcement of the Postponement of Secretary of State Blinken's Visit to China. *Ministry of Foreign Affairs, the People's Republic of China*. 04.02.2023. Available at: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/xwfw_665399/s2510_665401/2535_665405/202302/t20230204_11019704.html (accessed 30.03.2023).

11. China opposes US shooting down of civilian airship. *China Daily*. 06.02.2023. Available at: <https://global.chinadaily.com.cn/a/202302/06/WS63dfd45ba31057c47ebad00b.html> (accessed 7.04.2023).

12. China accuses the U.S. of indiscriminate use of force in shooting down of balloon. *The Associated Press*. 6.02.2023. Available at: <https://www.npr.org/2023/02/06/1154729711/china-accuses-the-u-s-of-indiscriminate-use-of-force-in-shooting-down-of-balloon#:~:text=China%20accuses%20U.S.%20of%20indiscriminate%20use%20of%20force%20over%20balloon%20%3A%20NPR&text=Press-,China%20accuses%20U.S.%20of%20indiscriminate%20use%20of%20force%20over%20balloon,spy%20balloon%20over%20the%20weekend.> (accessed 13.04.2023).

13. Chinese foreign ministry says US also flies balloons over China. *Guardian*. 13.02.2023. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2023/feb/13/chinese-foreign-ministry-says-us-also-flies-balloons-over-china> (accessed 12.04.2023).

14. Blinken to test limits of China's diplomatic engagement on Feb. 5-6 Beijing trip. *Politico*. 16.01.2023. Available at: <https://www.politico.com/news/2023/01/16/blinken-china-diplomatic-trip-00078036> (accessed 4.04.2023).

15. US Sanctions Six Chinese Firms Connected to Balloon Uproar. *Bloomberg*. 10.02.2023. Available at: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2023-02-10/us-set-to-sanction-chinese-firms-connected-to-balloon-uproar?leadSource=uverify%20wall> (accessed 27.03.2023).

16. 4 previous instances of Chinese balloons flying over US territory, says Pentagon. *Times of India*. 9.02.2023. Available at: <https://timesofindia.indiatimes.com/world/us/4-previous-instances-of-chinese-balloons-flying-over-us-territory-says-pentagon/articleshow/97752646.cms> (accessed 10.04.2023).

17. Biden faces storm of criticism over Chinese spy balloon incursion. *Washington Examiner*. 07.02.2023. Available at: <https://www.washingtonexaminer.com/news/white-house/biden-faces-storm-of-criticism--chinese-balloon> (accessed 6.04.2023).

18. Rep. Gallagher says timing of Chinese balloon before Blinken visit not a 'coincidence'. *The Hill*. 12.02.2023. Available at: <https://thehill.com/policy/national-security/3854391-rep-gallagher-says-timing-of-chinese-balloon-before-blinken-visit-not-a-coincidence/> (accessed 9.04.2023).

19. Exclusive – Nikki Haley: 'If I Was President, China Never Would Have Sent a Spy Balloon'. *Nikki Haley for President*. 22.02.2023. Available at: <https://nikkihaley.com/2023/02/22/exclusive-nikki-haley-if-i-was-president-china-never-would-have-sent-a-spy-balloon/> (accessed 3.04.2023).

20. Donald J. Trump. *Truth Social*. 5.02.2023. Available at: <https://truthsocial.com/@realDonaldTrump/posts/109812699029727017> (accessed 2.04.2023).

21. House Votes Unanimously to Condemn China Over Spy Balloon. *New York Times*. 9.02.2023. Available at: <https://www.nytimes.com/2023/02/09/us/house-condemns-china-balloon.html> (accessed 27.03.2023).

22. Senate Unanimously Condemns China for Spy Balloon, Joining the House. *New York Times*. 15.02.2023. Available at: <https://www.nytimes.com/2023/02/15/us/senate-condemns-china-spy-balloon.html> (accessed 10.04.2023).

23. White House defends Biden's handling of Chinese spy balloon. *Washington Examiner*. 6.01.2023. Available at: <https://www.washingtonexaminer.com/news/white-house/defends-biden-chinese-spy-balloon> (accessed 13.04.2023).

24. China Can Fire Hypersonic Weapons, Conduct EMP Strikes With High-Altitude Balloons; Had Conducted Tests Back In 2017-18. *The EurAsian Times*. 10.02.2023. Available at: <https://eurasianimes.com/china-could-use-high-altitude-balloons-for-deploying-hypersonic/> (accessed 11.04.2023).

25. China Balloons, EMP'S and Bioweapons: a Chilling Possibility. *Mind Matters*. 13.02.2023.

26. Schumer: All senators to receive briefing on spy balloon Feb. 15. *Politico*. 05.02.2023. Available at: <https://www.politico.com/news/2023/02/05/schumer-china-balloon-briefing-senate-00081250> (accessed 11.04.2023).

27. The military's blame game over the Chinese spy balloon spills into the open. *Politico*. 27.03.2023. Available at: <https://www.politico.com/news/2023/03/27/military-debate-spy-balloon-00089097> (accessed 30.03.2023).

28. U.S. tracked China spy balloon from launch on Hainan Island along unusual path. *The Washington Post*. 14.02.2023. Available at: <https://www.washingtonpost.com/national-security/2023/02/14/china-spy-balloon-path-tracking-weather/> (accessed 02.04.2023).

29. CIA director 'can't say' what Chinese leadership knew about spy balloon. *The Hill*. 26.02.2023. Available at: https://thehill.com/homenews/sunday-talk-shows/3874713-cia-director-cant-say-what-chinese-leadership-knew-about-spy-balloon/?utm_campaign=dfn-ebb&utm_medium=email&utm_source=sailthru&SToverlay=2002c2d9-c344-4bbb-8610-e5794efcfa7d (accessed 09.04.2023).

30. A closer look at 'balloon-gate'. *The China Project*. 8.02.2023. Available at: <https://thechinaproject.com/2023/02/08/a-closer-look-at-balloon-gate/> (accessed 06.04.2023).

31. China's Balloon Program Grew From a Humble Start. *Wall Street Journal*. 09.02.2023. Available at: <https://www.wsj.com/articles/chinas-balloon-program-grew-from-a-humble-start-11675974996> (accessed 03.04.2023).

32. No cameras allowed near balloon launching pad in China's Hainan island. *NBC News*. 18.02.2023. Available at: <https://www.nbcnews.com/news/world/satellites-images-chinese-spy-balloon-site-hainan-rcna70951> (accessed 03.04.2023).

33. Riding on AI, Chinese Spy balloons Invade Foreign Lands. *Analytics Insight*. 11.02.2023. Available at: <https://www.analyticsinsight.net/riding-on-ai-chinese-spy-balloons-invade-foreign-lands/> (accessed 23.03.2023).

34. China accuses the US of information 'warfare' as the Biden administration says Beijing's spy balloon program has targeted 40 countries. *Business Insider*. 9.02.2023. Available at: <https://www.businessinsider.com/chinese-spy-balloon-program-targeted-40-countries-biden-administration-says-2023-2?r=US&IR=T> (accessed 16.03.2023).

35. Here's where other Chinese spy balloons have been spotted or suspected. *Semafor*. 14.02.2023. Available at: <https://www.semafor.com/article/02/08/2023/the-us-says-chinese-balloons-have-operated-in-5-continents-heres-where> (accessed 20.03.2023).

36. Foreign Ministry Spokesperson's Remarks on the Unintended Entry of a Chinese Unmanned Airship into US Airspace Due to Force Majeure. *Embassy of the People's Republic of China in the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland*. 13.02.2023. Available at: http://gb.china-embassy.gov.cn/eng/PressandMedia/Spokespersons/202302/t20230214_11024585.htm (accessed 16.03.2023).

37. Air and Marine Operations Tethered Aerostat Radar System (TARS). *U.S. Customs and Border Protection*. Available at: https://www.cbp.gov/sites/default/files/assets/documents/2021-Aug/TARS_508%20compliant.pdf (accessed 19.03.2023).

38. Pentagon testing mass surveillance balloons across the US. *The Guardian*. 2.08.2019. Available at: <https://www.theguardian.com/us-news/2019/aug/02/pentagon-balloons-surveillance-midwest> (accessed 5.03.2023).

39. Stratospheric Balloons and Airships. *Aerostar*. Available at: <https://aerostar.com/products/balloons-airships> (accessed 5.03.2023).

40. U.S.-China Military-to-Military Relations. *Congressional Research Service*. 4.01.2021. Available at: https://www.everycrsreport.com/files/2021-01-04_IF11712_232a955f5ccc2c01957e1ba4acf84617482c9221.pdf (accessed 6.03.2023).

41. Chinese balloon was 'clearly' for spying, says US. *The Guardian*. 9.02.2023. Available at: <https://www.theguardian.com/us-news/2023/feb/09/chinese-balloon-spying-state-department> (accessed 9.03.2023).

42. US officials disclosed new details about the balloon's capabilities. Here's what we know. *CNN*. 10.02.2023. Available at: <https://edition.cnn.com/2023/02/09/politics/spy-balloon-technology/index.html> (accessed 9.03.2023).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

СТЕПАНОВ Алексей Сергеевич, Alexey S. STEPANOV, Senior Research старший научный сотрудник Отдела Fellow, Department of Military-Political военно-политических исследований Studies, Georgy Arbatov Institute for Института США и Канады имени ака- U.S. and Canada Studies, Russian Acad- демика Г.А. Арбатова РАН (ИС- emy of Sciences (ISKRAN). КРАН). 2/3 Khlebny pereulok, Moscow, 121069, Российская Федерация, 121069, Russian Federation. Москва, Хлебный пер., 2/3.

Статья поступила в редакцию 14.04.2023 / Received 14.04.2023.

Поступила после рецензирования 28.04.2023 / Revised 28.04.2023.

Статья принята к публикации 30.04.2023 / Accepted 30.04.2023.

УДК 327

DOI: 10.31857/S2686673023070040

EDN: GJOAQC

Сценарии взаимоотношений в «большом треугольнике» в нынешней геополитической ситуации

А.С. Давыдов

Институт Китая и современной Азии Российской академии наук (ИКА РАН).

Российская Федерация, 117997, Москва, Нахимовский пр-т, д.32.

РИНЦ ID: 250309 e-mail: davydov@iccaras.ru

Резюме. Автор полагает, что турбулентность складывающегося ныне мироустройства обусловлена резкой конфронтацией между сторонами «большого треугольника» – США, с одной стороны, и взаимодействующими Китаем и Россией. Ситуация в последнее время обостряется всё больше из-за усиления боев на Украине, где российской спецоперации фактически противостоит НАТО, прикрываясь вооружёнными силами Киева. Тревожит и обстановка в Тайваньском проливе, серьёзно ухудшившаяся в связи с провокационными шагами со стороны властей острова, подталкиваемых руководством США к нарушениям действовавших с КНР договорённостей.

В целом мир переживает период острого противостояния цивилизационных систем в парадигме «Восток-Запад», связанного с определением и выбором модели будущего мироустройства в диапазоне от монополярной до многополюсной.

Ключевые слова: КНР, США, Россия, «большой треугольник», геополитическое соперничество, мироустройство.

Для цитирования: Давыдов А.С. Сценарии взаимоотношений в «большом треугольнике» в нынешней геополитической ситуации. *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2023; 53(7) 49-58. DOI: 10.31857/S2686673023070040
EDN: GJOAQC

Scenarios of Relationship in the "Big Triangle" in the Current Geopolitical Situation

Andrey S. Davydov

Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (ICCA RAS).

32 Nakhimovsky prospect, Moscow, 117997, Russian Federation.

РИНЦ ID: 250309 e-mail: davydov@iccaras.ru

Abstract: The author believes that the turbulence of current world order is due to a sharp confrontation between the parties of the so-called "big triangle" – the United States, on the one hand, and interacting China and Russia. The situation has recently become more and more aggravated due to the intensification of fighting in Ukraine, where the Russian special operation is actually opposed by NATO, hiding behind the Ukrainian armed forces.

The situation in the Taiwan Strait is also worrying and has seriously deteriorated due to provocative steps on part of the island's authorities, pushed by the US leadership to violate the agreements in force with the PRC.

In general, the world is going through a period of acute confrontation between civilization-al systems in the East-West paradigm, associated with the definition and choice of a model of the future world order in the range from monopolar to multipolar formats.

Keywords. China, USA, Russia, “big triangle”, geopolitical rivalry, world order

For citation: Davydov, A.S. Scenarios of Relationship in the “Big Triangle” in the Current Geopolitical Situation. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2023; 53 (7): 49-58. DOI: 10.31857/S2686673023070040 EDN: GJOAQC

ВВЕДЕНИЕ

Взаимоотношения в «большом треугольнике» КНР – США – Россия – лишь часть ещё не сформировавшегося, только складывающегося, а потому турбулентного нового мироустройства. И эта незавершенность определяет, в том числе, и нестабильность в нём. Претендуя на роль мировых лидеров, каждое из государств – сторон «треугольника» преследует свои цели, не находя пока единого «общего языка» – предтечи стабильности в тройственном формате.

Из экономических, политических и силовых критериев, требуемых для глобального лидерства, США отвечают всем трём. Китаю до недавнего времени недоставало и пока не полностью хватает глобального авторитета и влияния, что он и старается активно наверстать. Россия существенно отстаёт от двух этих стран по экономическим параметрам.

Конфронтационные расхождения США с КНР и Россией стали главной причиной резкого ухудшения глобальной геополитической ситуации. Один из двух лидеров прошлого биполярного мира – Америка – вознамерился это лидерство сохранить, но исключительно на монополярной и перманентной основе.

Устремления к глобальному лидерству Китая, официально им не признаваемые, но подпитываемые присущим ему комплексом «китаецентризма», оправданы в его собственном разумении.

Россия как правопреемница СССР, фактически утратив статус «великой державы», стремится к его восстановлению путём территориальных приращений и за счёт укрепления силовой мощи. Россия и Китай согласны, что грядущее мироустройство должно быть многополярным, но на детали того, как этого достигнуть, имеют расхождения во взглядах.

Процесс продвижения к стабильной модели мироустройства, понимаемой тремя сторонами по-разному, инициировал очередную борьбу, но уже не идеологическую, как в прошлом – коммунизма с капитализмом, – а противоборство цивилизационных систем в парадигме, условно именуемой «Восток-Запад», которое было запущено выстраиванием Америкой монополярной структуры мира, настроенного «под неё» и руководимого ею. Запад во главе с США руководствуется собственной аксиомой, гласящей, что иная, отличная от западной культура, «неспособна стимулировать экономический и технологический прогресс, а посему каждая желающая развиваться страна должна принять западные стандарты и ценности и согласиться с «построением мира по правилам», в основу которых и положена концепция монополярности.

Недовольство КНР и России этим постулатом, шагами США по его реализации и сопротивление им вызвали у Запада чувство нетерпимости и решительное желание расправиться с несогласными.

При биполярности прошлого века граница между полюсами проходила через разделённые страны (ГДР/ФРГ на западном её фланге и КНДР/Южная Ко-

рея, ДРВ/Южный Вьетнам – на восточном). Ныне такого чёткого разграничения противоборствующих сторон не наблюдается.

Линия так называемого «цивилизационного разлома» проходит, в том числе, и через территорию бывшего СССР, где размещается теперь ряд независимых государств, часть которых уже вошла в НАТО, другая стремится туда попасть, а некоторые (Россия, Белоруссия и др.) сопротивляются этому.

Российской Федерации по её предназначению и сути, отраженной в гербе с двуглавым орлом, и призванной быть междоцивилизационным объединителем и балансиром между Западом и Востоком, выпала незавидная участь стать полем битвы в начавшейся «цивилизационной» борьбе.

Состав «западной коалиции» во главе с США и НАТО в массе своей однороден или во многом схож политически, хотя включает и страны, географически, традиционно и в культурном плане относящиеся скорее к Востоку, нежели к Западу – Японию, Южную Корею, Турцию и пр.

В «восточной коалиции», состав которой более условен, в том числе, в политическом отношении, экономически доминирует КНР. По цивилизационной и географической принадлежности к ней могут быть отнесены страны Восточной и Юго-Восточной Азии, с которыми Пекин поддерживает деловые связи. В то же время по политическим и иным причинам некоторые из них, включая Вьетнам, Индонезию, Филиппины и ряд других, сторонятся Китая, проводя свой независимый, а порою антикитайский курс.

Особняком стоит Индия, за благорасположение которой ведётся борьба, и которая, с одной стороны, не отказывается от участия в форматах и структурах «восточной группы» (РИК, БРИКС, ШОС), однако одновременно проявляет тягу к участию в созданных под патронажем США объединениях, таких как «Четвёрка» (QUAD), где, кроме Америки, присутствуют Австралия и Япония.

Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) – одна из структур, символизирующих определённую опору для функционирования «восточной коалиции» в отличие от «западной», где всеми процессами верховодит НАТО во главе с США. Большой частью ШОС исполняет роль координационного центра и «дискуссионного клуба» для небольшой группы стран, ряд которых одновременно является и участниками этого «восточного» сегмента.

Причины разгорающегося через призму китайско-американских отношений «конфликта цивилизаций», определения общих закономерностей хода исторического процесса и действия законов его диалектического развития являются составной частью проблемы борьбы нового со старым.

Западная цивилизация практически исчерпала себя, вступив в полосу заката, не генерируя более позитивных идей и сводя вклад в мировую сокровищницу достижений в основном к физиологическим новациям – попыткам преодоления рамок человеческой природы, культивированию трансгуманизма, трансгендерства, однополых браков, потере национальной идентификации.

Восток же, наоборот, задаёт тон в развитии экономики, сферы высоких технологий, в прогрессе цифровизации. Сегодня исключительна, например, роль Тайваня в производстве микрочипов, что признано во всем мире. Стратегическое противостояние КНР и США, олицетворяющих конфликтующие «цивилизационные полюса», в том числе и поэтому всё острее усиливается на разных направлениях и становится «новой нормальностью» в международных отношениях.

КНР – США

Несмотря на заверения со стороны КНР в отсутствии гегемонистских амбиций, её попытки добиваться позиции мировой сверхдержавы, по существу, равной США, то есть воссоздания некой «новой биполярности», становятся все явственнее, что, безусловно, повышает конфронтационные риски и вместо возведения многополярной конструкции реально грозит ввергнуть мир в состояние глобальной стратегической «неопределённости».

Не выдвигая официальной цели достижения мирового лидерства, а напротив, всячески открещиваясь на словах от стремления к глобальному доминированию, в реальности Пекин занят изысканием путей укрепления собственного авторитета и усиления влияния в различных регионах, с помощью чего рассчитывает занять центральное место на «мировом Олимпе».

Если Б. Обама, ратуя за «кимерику», видел в Китае лишь «подручного» по доминированию в мире, то ныне речь идёт о том, как этот мир поделить. Недоговорённости в этой сфере грозят серьёзной конфронтацией, а в самом худшем случае — войной.

США же важнейшей целью своей китайской политики считают недопущение ещё большего усиления КНР, которая в отношениях с ними занята изысканием путей сдерживания антикитайских шагов Вашингтона, дополняя это разумно дозированными ответными реакциями на его выпады.

Главным геополитическим вызовом для США в нынешнем веке, основная составляющая которого — амбиции в сфере лидерства, считает Китай глава ЦРУ Уильям Дж. Бёрнс. Так называемая «торговая война», начатая ещё Д. Трампом, стала, по существу, стартом борьбы двух мировых гигантов за право потенциального руководства формирующимся миропорядком. На первом этапе конфронтации основным инструментом в дуэли этих двух мировых гигантов стала «стратегия размежевания»: от существенного снижения объёмов двусторонней торговли — к аналогичным процессам в высокотехнологичной и финансовой сферах, к свёртыванию культурных и образовательных связей. По данным Американо-Китайского делового совета, экспорт в КНР обеспечивал в США 858 тыс. рабочих мест, в 2018–2020 гг. Америка потеряла 245 тыс. из них. С учётом того, что за последние 20 лет ВВП КНР вырос в 13 раз, Китай был близок к тому, чтобы начать диктовать свои условия, когда его рынок (15 трлн долл.) превзойдет американский (22 трлн долл.). В то же время при угрозе санкций со стороны США китайский частный сектор предпочитал сохранять доступ на него.

За последние десятилетия Китай сделал всё для своей технологической, торговой и финансовой самостоятельности, но предполагал работать над этим ещё лет 10–15, чтобы создать свою полностью независимую промышленность. Однако прогресс китайской экономики и конкуренция с её стороны категорически не устраивают Вашингтон, и особенно то, что её рост осуществляется в неподконтрольном Америке политическом русле в отличие, например, от ситуации с Японией в 1960-е годы, когда с помощью политического воздействия её бурное экономическое развитие удалось купировать.

Как известно, власть у того, в чьих руках деньги. Поэтому вопрос мировой валюты, доллара и ревальвации по отношению к нему юаня является ключевым в отношениях двух стран с начала нынешнего века.

Хотя стоимость китайской рабочей силы уже давно не самая дешёвая, как было раньше, более высокая покупательная способность китайской валюты даёт

возможность КНР, привлекая квалифицированные кадры, создавать продукцию мирового уровня и расширять применение инновационных технологий. Китай более не удовлетворяет роль «сборочного цеха» для Вашингтона, которую тот по-прежнему считал бы для себя идеальной. Его категорически не устраивает цель КНР – не дать себя изолировать, догнать и перегнать США, причём не только в экономике, но и по политическому весу, став главным мировым полюсом.

Но навязать миру, в отличие от Вашингтона, собственную повестку со своими интересами и ценностями Пекину пока не удастся. У США сохраняется больше экономических, политических и силовых возможностей.

Тактика «невмешательства и нейтралитета» Китая в отношении большинства проблем, не затрагивающих его самого, отчасти лишает голос Пекина глобального звучания. Принцип «невступления в союзы» резко ограничивает количество реально близких по духу друзей и партнёров, а большинство «сочувствующих Китаю» ожидают от него в основном финансовых инвестиций. Эгоцентричность национального китайского менталитета способствует глобальному росту китаефобии, сдерживать которую приходится с помощью экономических и силовых методов.

В отношениях Китая с США исключительно опасная ситуация складывается вокруг Тайваня, постоянно используемого Америкой в качестве рычага давления на КНР. Фактически Вашингтон не считает себя более обязанным исполнять договорённости, зафиксированные в китайско-американских коммюнике.

После начала российской операции на Украине роль Тайваня в китайско-американском конфликте возросла многократно. И можно констатировать, что, наряду с проходящей по территории бывшего СССР «западной границей» конфликтующих сторон, «восточным рубежом» «цивилизационного противоборства» грозит стать Тайваньский пролив.

Пекин, естественно, намерен ускорить решение «тайваньской проблемы» в свою пользу, исходя не только из этно-исторических, но и из технологических соображений. Полное владение Тайванем для Китая – не просто выполнение исторического долга, а залог лидерства, причём не только в микроэлектронике и технологиях, но, прежде всего, в мировой экономике, политике и военной сфере. В этом главная причина, по которой Пекин хочет полностью подчинить Тайвань, а Вашингтон – сохранить в неопределённом статусе или, что ещё предпочтительнее, сделать независимым от КНР.

Безусловно, идеальным сегодня для США в тайваньском вопросе мог бы стать возврат к ситуации «второго Китая», существовавшей до 1971 г., когда Тайвань представлял всю страну в ООН, а КНР находилась за пределами этой всемирной организации и была лишена возможности не только глобального доминирования, но и обыкновенного влияния. Понятно, что это категорически невозможно теперь.

Прогнозы относительно перспектив американо-китайских отношений существуют разные. Так, в КНР некоторые специалисты полагают, что сценарий «вооружённого объединения» Тайваня и материка начнёт реализовываться после XX съезда КПК и завершится в 2027 г. – к 100-летию образования НОАК.

Один из реальных путей урегулирования тайваньского кризиса российским китаеоведам видится в переходе КНР от концепции «одна страна – две системы» к ориентации на формирование конфедеративного государства. (Эта мысль была высказана, в частности, доктором философских наук, профессором В.Г. Буровым).

Американские аналитики, однако, считают Китай не готовым к войне с США за Тайвань, исходя из экономических факторов. Они полагают, что «китайская экономика находится в напряжении, и когда объединённые силы мировой экономики начнут действовать против Китая, последствия для него будут катастрофическими, и сами китайцы не захотят этого».

Ещё одним определяющим фактором является состояние вооружённых сил КНР, в первую очередь, военно-морского флота, поскольку битва за Тайвань связана с морскими операциями.

Хотя китайский флот ныне считается вторым по боевой мощи в мире, он пока не продемонстрировал в полной мере своих реальных боевых качеств. Захват многочисленных островов в Южно-Китайском море не равен боевому столкновению с могучим и грозным противником, что в силу известной взвешенности, осмотрительности и неторопливости китайской стороны в ближайшее время ожидать проблематично, а без военных действий в зоне Тайваньского пролива третья мировая война вряд ли начнётся.

Скорее всего, Си Цзиньпин, получивший очередной пятилетний мандат на руководство страной, будет стараться использовать по максимуму этот срок для продолжения попыток мирного объединения Пекина с Тайбэем. И лишь в случае, если к концу его результата добиться не удастся, может отважиться на силовой сценарий.

С утверждением Си на XX съезде КПК лидером Китая ещё на пять лет чётче и конкретнее определились главные внешнеполитические приоритеты и лейтмотивы современных китайских устремлений. Выстраивание международных отношений «нового типа», исключая «игру с нулевой суммой», успех одних, в которой достигается за счёт других, – вот идеал, пропагандируемый новым министром иностранных дел КНР Цинь Ганом.

Следует, однако, иметь в виду, что при текущих тенденциях «общий выигрыш», отстаиваемый Китаем, представляет угрозу лидерству США, а его стремление избежать резкой конфронтации вполне может сохранять американо-китайское соперничество в контролируемых рамках, несмотря на кажущиеся порою резкими взаимные выпады сторон.

В отличие от России, призвавшей «Посланием» В. Путина к полному размежеванию с Западом на всех уровнях – в безопасности, политике, экономике, культуре и этических вопросах, – Китай предлагает выбор на будущее между парадигмой XX века с его конфликтами и потрясениями, и альтернативной парадигмой достижения общего блага для всего человечества.

Он не навешивает ярлыков, указывающих, кто прав, а кто виноват. По разумению Китая, конфликт вреден всем, эскалация к конфронтации опасна для крупных держав. В украинском вопросе требуется не только диалог двух сторон, но и диалог России с коллективным Западом в лице США, ЕС и НАТО, необходима сбалансированная и устойчивая система европейской безопасности.

В то же время нельзя не заметить, что, принимая во внимание сохранение в значительной степени архаичности в характере многополярного мира или «мира без гегемона», Китай не хочет втягиваться в глобальный конфликт с западными странами, рискуя потерей европейского и американского рынков. Именно поэтому, как отмечала «Нью-Йорк таймс», «Пекин стремится занять позицию «над схваткой» и осторожен в поддержке России».

Огромная взаимная торговля Китая с США и Европой удерживает стороны от сваливания в конфронтацию. Так, по итогам 2022 г. объём китайско-

европейской торговли достиг 847 млрд долл. США, а китайско-американской превысил 700 млрд долл. При этом объём китайско-российской торговли, по данным Главного таможенного управления КНР, составил 188,5 млрд долл., или на 29,2% больше показателя 2021 года.

РОССИЯ – США

Главная причина ухудшения российско-американских отношений не в событиях на Украине или в так называемые «аннексии Россией Крыма», а в том, что на рубеже 2008–2009 гг. администрации республиканцев и демократов, сменявшие друг друга у власти в США, проглядели «закат» однополярности и, сочтя урегулирование последствий распада биполярной системы окончательно завершённым, сбросили Россию со счетов как «глобального игрока».

Ныне США и НАТО опасаются возрождения мощи России и стремятся сдерживать её на международном уровне. Хотя конфликт США с КНР в потенциале не исключался, военная опасность со стороны Китая до последнего времени представлялась Америке гораздо меньшей, чем со стороны России, с которой у США, в отличие от Китая, нет объединяющих точек соприкосновения. И в самих США ещё недавно звучали противоречивые рассуждения о том, кто для них опаснее – КНР или Россия: обе страны числятся на ведущих местах в списке главных противников Америки. Аналогичным образом выглядел список «главных врагов» России, определяемых по количеству санкций, введённых против неё (на середину мая 2022 г.): 1) США (1983); 2) Канада (1402); 3) Швейцария (1361); 4) Великобритания (1360); 5) Евросоюз (1199); 6) Австралия (1150); 7) Япония (902).

Спецоперация России на Украине коренным образом изменила геополитическую ситуацию не только в Европе, но и в мире в целом. В планах США и НАТО изначально значилось формирование на западе Украины «рубежа обороны» и создание без мандата ООН «прозападной Украины» со столицей в Львове с последующим отторжением её от основной украинской территории и присоединением к Польше. Близкую к подобному плану идею, связанную с «ликвидацией границы между Украиной и Польшей», озвучил во время визита в Варшаву в апреле 2023 г. президент Украины В. Зеленский.

Произошло усиление НАТО путём приглашения в его состав Финляндии. С началом военных действий на Украине усилился рост антироссийских настроений в Европе. По данным на середину мая 2022 г., в самой Финляндии число сторонников вступления в альянс составляло 76% её населения. Этим вступлением в НАТО одной из наиболее нейтральных в прошлом в отношении России стран Запад попытался обесценить итоги её операции на украинской территории.

Некоторые политологи в своих прогнозах оценивают сложившуюся глобальную ситуацию как патовую и предрекают её сохранение, в том числе, с продолжением СВО, чуть ли не на десятилетия.

Очевидно, что главным и решающим для продвижения к новой структуре мироустройства должен стать переход от парадигмы конфронтации к парадигме кооперации, от восприятия мира как средоточия конфликтов и противостояний к осознанию необходимости его развития в русле взаимодействия и сотрудничества и постепенной замены принципа баланса сил на баланс интересов. Вопрос в том, готовы ли к этому все стороны треугольника, каждая по своему претендующая на мировое лидерство?

Путь к нормализации – раньше или позже – отношений России с США неизбежен и видится не в углублении противостояния, подстегиваемого американскими и отечественными СМИ, а в поисках и согласовании компромиссов, приемлемых для нас и привлекательных для соперников, несмотря на существующую в российских верхах убежденность, что «достижение их в нынешней ситуации нереально». Многое будет зависеть от намеченных на 2024 г. президентских выборов в США. О смене власти на Украине лишний раз и напоминать не стоит: необходимость её очевидна. Нужно постоянно помнить, что единственной альтернативой компромиссам является война, которая на Украине уже идёт и грозит из региональной перерасти в глобальную.

РОССИЯ – КИТАЙ

Россия, связи которой с Китаем именуются стратегическим партнёрством и взаимодействием, и склонная солидаризироваться с КНР в основном по общеполитическим проблемам, расходится, однако, с ней по целому ряду конкретных вопросов. Среди них – различия во взглядах на экономическое развитие Центральной Азии, деятельность ШОС и других региональных структур; особая позиция Пекина по Крыму, свой аналогичный подход он несколько смягчил недавно в отношении территориальных споров РФ с Японией. КНР была солидарна с США по арктической тематике; не желает участвовать в многосторонних переговорах по разоружению.

Китай не поддержал Россию в блокировании резолюции Совбеза ООН по химическому оружию в Сирии, МИД КНР солидаризировался при Трампе с американскими акциями в адрес Пхеньяна, одобрил проект заявления США с осуждением северокорейских ядерных испытаний.

Наконец, Пекин относится к спецоперации РФ на Украине фактически двусмысленно: призывая к скорейшему её прекращению, выдвинул собственный план из 12 пунктов по урегулированию российско-украинского конфликта. В то же время Китай отказался осудить вторжение на Украину; сожалеет, что конфликт уносит жизни; призывает «не подливать масла в огонь» односторонними санкциями и поставками оружия; подчёркивает необходимость уважать суверенитет и безопасность всех стран. Иными словами, в отношениях с Россией Китай занял позицию «дружественного нейтралитета», поддерживая, с одной стороны, Украину с позиции осуждения «нарушения территориальной целостности и соблюдения невмешательства во внутренние дела», с другой – первопричину военных действий со стороны России оправдывает «продвижением НАТО на восток, угрожающим её безопасности и ключевым интересам».

Многие наблюдатели считают, что Китай укрепит политические и экономические позиции по итогам украинского кризиса; сможет получать российское сырьё по приемлемой цене за юани; займёт место европейских производителей в ряде сегментов российского внутреннего рынка. Одновременно, кризис, вероятно, усложнит для Китая возможность использования украинских каналов приобретения советских и российских военных технологий, которыми он до недавнего времени активно пользовался, вытянув из украинского ВПК всё, включая многие космические и авиационные разработки.

Суть поведения Китая в украинском кризисе позволяет сохранить особые отношения с Москвой, одновременно не испортив окончательно отношения с ЕС. Пекину крайне важно не допустить создания антикитайской коалиции США и Евросоюза.

Путём проецирования украинской ситуации на тайваньскую проблематику Пекин пытается выстраивать свою собственную систему геополитических связей, стремясь утвердиться в качестве нового центра будущего мирового полюса. С этим связано и изменение отношения к Ирану, включая рамки ШОС, который рассматривается теперь как страна, обеспечивающая для Китая выход в страны Ближнего Востока и Центральную Азию для реализации проекта строительства Нового шёлкового пути. Можно полагать, что рычаги и механизмы давления, которые могут вынудить США «умерить свой пыл», у КНР имеются.

В то же время, несмотря на проблемы в американо-китайских отношениях, *заинтересованность Китая в торгово-экономическом и научно-техническом партнёрстве с США пока несопоставимо выше аналогичного интереса к России.*

Чтобы не усугублять отношения с Америкой ещё больше, обе стороны признали разумным и рациональным не переводить своё стратегическое партнёрство в формат официального союза. Ведь ключевой вопрос состоит в том, станет ли в результате его формирования в остальном мире безопаснее, спокойнее, лучше и надёжнее? Или ситуация ещё более усугубится, и дальнейшее скатывание в пропасть примет уже необратимый характер?

Недавний визит Си Цзиньпина в Россию, разрекламированный в наших СМИ, помимо заявлений о грандиозных планах экономического сотрудничества и взаимодействия, не принес чего-либо принципиально нового, о чём не говорилось бы на протяжении последних 20 с лишним лет со дня подписания большого Российско-Китайского договора.

Пожалуй, новым значимым жестом можно считать лишь приглашение китайского лидера премьеру РФ М. Мишустину посетить КНР наравне с президентом В. Путиным. Очевидно, к нему хотя и «приглядеться» как к «потенциальному преемнику».

Радикальных прорывов в отношениях в результате визита может не произойти, как уже случалось неоднократно. Пропагандистскую кампанию вокруг него можно оправдать лишь расчетом «надавить на Запад», подвигнув его в направлении примирения по основным вопросам, включая украинский.

Что касается отношения к России в самом Китае, то, по мнению видных российских экспертов (например А. Ломанова), там есть инерция недоверия, непонимания российских проблем. В китайских рассуждениях встречаются тезисы о том, что Россия постоянно стремится к экспансии, что это очень воинственная страна, которая страдает от неизбывных цивилизационных комплексов и геополитических амбиций, чем отличается от Китая, который тянется к гармонии, умеет налаживать отношения со всеми.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Каким должен стать новый миропорядок – однополярным, вновь биполярным или многополюсным – во многом зависит от международного поведения и взаимоотношений членов «большой тройки». Союз России с одной из сверхдержав против другой с неизбежными ответными шагами противной стороны дисбалансирует мироустройство ещё сильнее, сделает его более хрупким, затормозит процесс его окончательного оформления.

2. Мировые войны, как правило, это всегда кровавое подведение итогов одного цикла глобального развития и предтеча следующего. Но смены циклов обязательно должны завершаться войнами.

3. Консенсус РФ и КНР относительно многополярности мироустройства помогает сдерживать реализацию планов США по формированию однополярного мира, вынуждает Америку распылять силы между европейским и тихоокеанским флангами, ослабляя тем самым вероятность возникновения военных действий.

4. Одна из двух ведущих мировых экономик – Китай – стремится к упрочению глобального политического статуса и, несмотря на заверения об отсутствии гегемонистских амбиций, всё явственнее пытается добиться позиции мирового лидера, по существу равного по силе США, то есть иными словами – воссоздания некой «новой биполярности».

5. Украинская ситуация коренным образом меняет геополитический контекст в мире. Но изоляция России западным блоком и лишение её возможности полноценно участвовать в мировой политике не должны стать поводом для её самоизоляции. В рамках «треугольника» возможности усиления взаимодействия с Китаем у неё увеличиваются.

6. Однако строить взаимоотношения с ним следует с позиции сильного партнёра, не торопя ответную реакцию визави, не навязываясь с инициативами или проектами, заставляя КНР делать шаг первой. Укрепление и расширение партнёрства с Китаем следует осуществлять избирательно: экономическое – поощрять и усиливать, а к силовому относиться максимально аккуратно. Россия нужна Китаю не только как источник сырья, но и как боевая сила, потенциально годная для участия в его борьбе с США. При этом реально помочь ей на Украине он не стремится. Поэтому официальный союз с КНР нецелесообразен.

7. Во избежание мировой войны не следует прекращать поиск путей улучшения взаимоотношений с Западом, исходя из того, что формирование оптимальной модели будущего мироустройства – единственный способ цивилизованного сосуществования различных систем.

8. Россия должна сыграть в итоге свою главную роль – связующего звена, «моста и балансира» между Западом и Востоком. Поэтому становиться категорически врагом США и всецело объединяться с Китаем ей не стоит. Компромисс между противоборствующими сторонами должен достигаться за счёт формирования новой геополитической конфигурации на основе прекращения территориальных конфликтов и установления стабильных разграничений в отдельных субрегиональных центрах. *Двуглавый орел, всё внимательнее и пристальнее взирающий одной из своих голов на Восток, не должен закрывать глаза у той, которая обращена на Запад.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ДАВЫДОВ Андрей Сергеевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра «Россия, Китай и мир» Института Китая и современной Азии Российской академии наук (ИКСА РАН).

Российская Федерация, 117997, Москва, Нахимовский пр-т, д.32.

Andrey S. DAVYDOV, Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher at the Center “Russia, China and the World” of the Institute China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (ICCA RAS).

32 Nakhimovsky prospect, Moscow, 117997, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 25.04.2023 / Received 25.04.2023.

Поступила после рецензирования 10.05.2023 / Revised 10.05.2023.

Статья принята к публикации 11.05.2023 / Accepted 11.05.2023.

УДК 327

DOI: 10.31857/S2686673023070052

EDN: GKJWFG

Российско-украинский конфликт как фактор отношений КНР – США: динамика ситуации

С.М. Труш

*Институт США и Канады им. академика Г.А. Арбатова
Российской академии наук (ИСКРАН).*

Российская Федерация, 121069 Москва, Хлебный пер., 2/3.

Scopus Author ID: 57221673420 ПИИД ID: 757865

ORCID: 0000-0001-7275-001X e-mail: zebra758@gmail.com

Резюме. Выдвинутый Китаем план урегулирования по Украине, даже без конкретных компромиссных предложений, представляет собой значительный дипломатический позитив для России. План и последовавший за ним визит Си Цзиньпина в Москву полностью сняли тему внешнеполитической изоляции Москвы. Си Цзиньпин подтвердил существенную поддержку России, подкреплённую конкретными двусторонними договорённостями в экономической, технологической и энергетической сфере. Усиление американской жёсткости в адрес КНР контрпродуктивно сказалось на лоббировании Байденом Си Цзиньпина по украинскому вопросу. Естественной китайской реакцией стала демонстрация большей солидарности с Москвой в этих условиях. Вместе с тем, движение Китая на сближение с Москвой по украинскому кризису является дозированным и строго контролируемым шагом со стороны КНР. Китай на данный момент не хочет играть роль медиатора, посредника, какого-либо «брокера» между Киевом, Москвой и с Западом.

Ключевые слова: Российско-украинский конфликт; специальная военная операция; китайско-американские отношения; проблема Тайваня; администрация Байдена; XX съезд КПК

Для цитирования: Труш С.М. Российско-украинский конфликт как фактор отношений КНР – США: динамика ситуации. *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2023; 53(7) 59-67. DOI: 10.31857/S2686673023070052 EDN: GKJWFG

Russian-Ukrainian Conflict as a Factor in US-China Relations: Dynamics of the Situation

Sergey Trush

*Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies,
Russian Academy of Sciences.*

2/3, Khleby pereulok, Moscow, 121069, Russian Federation.

Scopus Author ID 57221673420 ПИИД ID: 757865

ORCID: 0000-0001-7275-001X e-mail: zebra758@gmail.com

Abstract: The Chinese peace initiative on Ukraine, even without any political formula and initial compromising proposals, is a significant diplomatic gain for Russia. Xi Jinping's peace plan and his visit to Moscow dismissed the notion of isolation for Moscow, it confirmed China's unabated line of support to Russia, plus support in economic, technological and energy ties. The Biden administration hawkish approach to China, notwithstanding Biden's pro Ukrainian lobbying, sounded very unproductively on the Ukrainian issue. The reasonable Chinese reaction was to tilt closer to the Russian side, under such developments. However, Beijing's moving closer to Moscow on the Ukrainian crisis

will be kept under meticulous control by the Chinese side. Beijing is definitely not accepting the role of a mediator or broker of any kind between Russia, Kiev and the West.

Keywords: Russian-Ukrainian conflict; special military operation; Chinese-American relations; Taiwan problem; Biden administration; XX congress of CCP

For citation: Trush, S.M. Russian-Ukrainian Conflict as a Factor in US-China Relations: Dynamics of the Situation. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2023; 53 (7): 59-67. DOI: 10.31857/S2686673023070052 EDN: GKJWFG

ВВЕДЕНИЕ

Российско-украинский конфликт представляет собой самый серьёзный международный кризис в период после Второй мировой войны. Все вовлечённые в конфликт прямо или косвенно крупные мировые державы и игроки – Россия, США и НАТО, Китай – имеют свои интересы в ходе этого тектонического по своей глубине геополитического разлома.

БАЗОВЫЕ МОТИВЫ И ПОЗИЦИИ ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ В КОНФЛИКТЕ

Россия выступила иницилирующей стороной в разрешении накопившихся противоречий. Ключевым интересом Москвы является восстановление своих возможностей влияния в евразийском «хартленде», обеспечение доминирующей роли на постсоветском пространстве, стремление ревизовать историю катастрофического и унижительного поражения Западу в ходе первой холодной войны. Не случайно президент В. Путин ранее характеризовал распад СССР в качестве «крупнейшей геополитической катастрофы XX века».

Эта иницилирующая роль и миссия Москвы сформировались на фоне определённой внутренней динамики развития страны на протяжении последних трёх десятилетий после распада СССР. Сутью этой динамики стал провал попыток организовать новую эффективную, социально ориентированную, инновационную, самодостаточную экономику и открытую, демократическую, конкурентную, политическую систему, соответствующую изменившемуся, более плюралистичному и постепенно глобализирующемуся посткоммунистическому обществу в РФ.

Хотя этот кризис и был инициирован Москвой, США и Запад не в меньшей степени ответственны за его возникновение. Многочисленные волны расширения НАТО привели к тому, что решение президента Путина от 24 февраля 2022 г. стало стратегически логичным, весьма вероятным, но морально трудно приемлемым и противоречиво принятым в обществе, фактически расколовшим и без того слабо консолидированный социум.

Главным интересом США и НАТО в этом конфликте стало их стремление заблокировать движение России к большему глобальному влиянию и восстановлению её роли на постсоветском пространстве, обеспечить незыблемость западодцентричного мирового порядка, ограничить зону контроля и влияния Москвы в рамках границ, сформировавшихся после распада СССР.

Китай, в силу географических стратегических и исторических причин, не являлся и не позиционировал себя прямо вовлечённым в противостояние России с

Западом. Именно поэтому его позиция по украинскому кризису на начальной фазе конфликта была дуалистической и отражала сложную палитру его собственных геэкономических и геополитических приоритетов [Trush, 2022, p.595-600].

Вместе с тем, будучи не вовлечённым в конфликт России с коллективным Западом прямо и непосредственно, Китай с самого начала оказался сильно заинтересованным в ходе и исходе российско-украинского конфликта. Не разделяя всех российских шагов, российской стратегии, не беря на себя ответственность за российскую спецоперацию, он проявил солидарность с Москвой в «главном звене» – в мотивах и в генеалогии этого конфликта. Таковым он признал расширение НАТО, игнорировании принципа «неделимой безопасности» для России, попытку закрепить геополитические итоги распада Советского Союза на американских условиях.

Китай не может быть сильно отстранённым от противостояния в Восточной Европе, поскольку итоги этого противостояния непосредственным образом затрагивают его интересы и безопасность. Ряд существенных вопросов и неопределённостей вставали перед Пекином в такой ситуации. Будет ли «евразийский хартленд» находиться под растущим контролем США и НАТО? Насколько и в какую сторону изменится баланс сил Россия – НАТО в Европе – важной зоне китайских товаропотоков и инвестиционных проектов?

В случае негативного сценария для Москвы, будет ли ядерная Россия ослаблена и превращена в уязвимое проблемное государство с перспективой дестабилизации и внутреннего распада с неясными для мира и Китая последствиями? Как скажется исход конфликта в Европе на индо-тихоокеанском театре – какие ресурсы и амбиции США и НАТО могут быть экстраполированы на этот регион как главную зону американо-китайского противостояния?

Все эти сюжеты для Китая оказались более чем актуальными и соответственно этому украинская тема прямо встроилась в текущую повестку американо-китайских отношений и без того отягощённых соперничеством. Появились вопросы вторичных санкций, параметры и «красные линии» во взаимоотношениях с Россией в условиях спецоперации, вопросы энергетической политики, и ряд новых полей разногласий и торга с американцами.

Со своей стороны, администрация Байдена с самого начала украинского кризиса, оказывала давление на Пекин с целью ограничить масштабы китайской солидарности с Москвой. Украинский кризис обсуждался в ходе всех виртуальных и физических встреч Байдена и Си в течение 2022 года. Главный внешнеполитический эмиссар КНР Ян Цзечи и помощник президента США по нацбезопасности Д. Салливан провели две субстантивные сессии переговоров в Женеве в марте и июне 2022 г. Встреча в марте продолжалась семь часов, была посвящена глобальной стабильности и прямо затрагивала тему Украины. Согласно утечкам с американской стороны, Вашингтон положил на стол переговоров «негативный лист» по поставкам китайских технологий Москве. Можно предположить, что стороны смогли прийти к определённым непубличным договорённостям о том, что можно, а что нельзя поставлять в Россию в условиях российско-украинского конфликта. По крайней мере, американская сторона дала понять собеседникам свои пожелания на этот счёт. При этом ясно, что на какие-либо поставки прямого военного назначения в адрес РФ китайская сторона пока никоим образом не готова.

Китайский МИД неоднократно и чётко заявлял, что Китай «не осуществляет военных поставок сторонам любого продолжающегося конфликта» [1].

Можно также предположить, что если какие-либо негласные договорённости такого рода и имели место, то они достаточно пунктуально соблюдаются китайской стороной. Несмотря на большой шум по поводу «вторичных» санкций за прошедший с начала СВО период, никаких особо скандальных историй в китайских поставках в Россию не наблюдалось.

В печать просочилась также информация, что США под давлением Китая весной этого года заблокировали поставку Польшей на Украину истребителей МИГ-29 во избежание эскалации конфликта. Речь шла о поставке самолётов в количестве от 24 до 33 штук, изначально входивших в состав ВВС ГДР, и которые были переданы Польше после воссоединения Германии. Об этом факте сообщали в том числе и российские солидные источники [2]; [3]. Возможно, существовали и другие факты такого рода, которые не стали публичными.

ДИНАМИКА РОССИЙСКО-УКРАИНСКОГО КОНФЛИКТА И КИТАЙСКИЙ МИРНЫЙ ПЛАН

В течение 2022 года в ходе российской СВО на Украине наблюдалось серьёзная динамика. Весной текущего года российско-украинский фронт стабилизировался. Активные боестолкновения к весне 2023 г. происходили в основном в Донецкой и Луганской областях, с медленным и крайне болезненным военным прогрессом обеих сторон конфликта. Параллельно с этим США и страны НАТО наращивали и довели до беспрецедентного уровня военную и материальную поддержку Украине. На 1 января 2023 г. общая сумма финансовой поддержки Украине, авторизованная Конгрессом США, направляемой на военные цели составила 113 млрд долл. Кроме того, по каналам Агентства США по международному развитию (USAID) и Всемирного банка по согласованию с правительством США правительство Украины получило непрямую помощь этих финансовых организаций в размере 22,9 млрд долларов. Итого суммарная поддержка от США Украине только в 2022 г. составила 135,9 млрд долл. [4]. Это беспрецедентная сумма ассигнований на подобные цели во всей послевоенной истории США. В числе прочего Запад поставляет Украине мобильные артиллерийские ракетные системы «Хаймарс» (HIMARS), современные системы ПВО «Пэтриот» (*Patriot*) и «НАСАМ» (NASAM), системы ПВО «Стингер» (*Stinger*) и противотанковые ракеты «Джавелин» (*Javelin*), современные танки. США даже рассматривает возможность поставки истребителей четвёртого поколения F-16 [5].

Основываясь на стабильной и расширяющейся поддержке НАТО, твёрдой решимости блока продолжать прокси-войну с Россией, а также учитывая определённые тактические успехи ВСУ в осенней кампании 2022 года, Киев в настоящее время отказывается от введения каких-либо переговоров с Москвой. Сообразно этому к концу 2022 г. стало очевидным, что возможность применения ядерного оружия и прямое военное столкновение между странами НАТО и России – весьма реалистичный сценарий развития нынешнего конфликта.

В ходе саммита ШОС в Самарканде президент РФ В. Путин признал наличие у Китая «вопросов и озабоченностей» по поводу украинского конфликта [6]. Речь вероятнее всего шла именно о ядерных рисках, наиболее всего тревожащих китайцев.

Важный аспект воздействия украинского кризиса заключается в том, что китайское руководство, мягко говоря, было удивлённо и обеспокоено масштабами западной поддержки и действенностью атлантической солидарности в отношении Украины. Пекин не может не примерять эту ситуацию на Тайвань, и не только на Тайвань.

Да, действительно, Индо-Тихоокеанский регион пока не является зоной стратегической ответственности НАТО. В регионе не существует фактора пятой статьи устава НАТО, предполагающей союзную поддержку любому члену блока, подвергнутому агрессии. Основные союзники США в регионе – Япония, Южная Корея, Австралия – находятся в более «разрыхлённом» состоянии: Четырёхсторонний диалог по безопасности (*QUAD*) – это никак не военно-политический формат, а военный формат Трёхстороннего пакта безопасности – АУКУС (*AUKUS*) находится пока в эмбриональной фазе своего становления.

Тем не менее общий эффект и самого украинского кризиса, и фактора высокой атлантической солидарности по Украине, заключался в повышении уровня «стратегической тревожности» Китая. Одним из проявлений этой тревожности стал очевидный акцент на теме безопасности в документах XX съезда КПК при характеристике международной обстановки. Отсюда и нетипичные для китайских нарративов упоминания про «чёрных лебедей» и «серых носорогов» как символов таящейся и скрытой угрозы [7]. Си Цзиньпин, часто прибегающий в своих выступлениях к поговоркам и народным выражениям, в связи с общей международной ситуацией и кризисом на Украине сказал: «Пожар у городских ворот навлечёт беду на рыбу в пруду» [8].

Параллельно с этим во второй половине 2022 г. проявились симптомы дальнейшего обострения американо-китайских отношений, во многом мотивированные обстановкой внутреннего раскола в политическом классе США и чрезмерно идеологизированного настроя во внешней политике. В августе 2022 г. спикер Конгресса США Н. Пелоси посетила с визитом Тайвань. Этот визит чётко обозначил американскую направленность на форсирование тайваньской темы в «ассортименте» американо-китайских противоречий. «Демарш Пелоси» был воспринят Пекином как повышение уровня конфронтационности в самой чувствительной для Китая зоне отношений.

Другим негативным событием стали односторонние меры США по ограничению доступа КНР к продвинутым американским технологиям производства микрочипов и процессоров высокого уровня. США при этом настаивали на подключении к ограничительным мерам других лидеров отрасли – Тайваня, Южной Кореи, Японии – без которых эти меры потеряли бы свою действенность.

Пришедший в результате ноябрьских промежуточных выборов в Конгресс новый республиканский спикер Конгресса США К. Маккарти «принял эстафету» Н. Пелоси по тайваньскому вопросу, ведя дело к расширению неофициальных и официальных контактов с Тайванем в нарушении принципа «одного Китая». Как следствие этой политической линии в марте 2023 г. состоялась неофициальная

встреча спикера К. Маккарти с президентом Тайваня Цай Инвэнь во время её промежуточной остановки с США. Это событие ещё более обострило обстановку и вызвало нагнетание военной напряжённости в Тайваньском проливе.

В середине марта 2023 г. лидеры США, Великобритании и Австралии объявили также о новых практических шагах трёхстороннего соглашения АУКУС, заключённого в сентябре 2021 г. Главной целью этого объединения, как известно, является создание атомного подводного флота Австралии. Белый дом в связи с этим обнародовал планы создания новой ударной подводной лодки общего назначения под кодовым названием *SSN-AUKUS*, которая станет результатом применения лучших технологических решений трёх стран [9].

Оценивая все факторы нарастающей внешней напряжённости, в Китае, судя по всему, приняли решение повысить уровень своей вовлечённости в российско-украинский конфликт. В феврале 2022 г. Пекин обнародовал свой план урегулирования российско-украинского конфликта, содержащий 12 пунктов. В числе прочих там содержался призыв прекратить огонь, возобновить диалог и переговоры, проявлять уважение к суверенитету всех стран, к принципам международного права, целям и уставу ООН. Документ вместе с тем был выдержан в общих обтекаемых выражениях, не содержал в себе каких-либо практических мер и предложений [10].

Китайский лидер Си Цзиньпин сделал существенный акцент на этом плане в ходе своего визита в Москву в марте 2023 г. Как можно было понять из комментариев В. Путина и Си Цзиньпина, план был предметом обстоятельного обсуждения обоих лидеров и получил положительную оценку с российской стороны. В.В. Путин при этом дипломатично отметил, что предложенный Китаем план может стать основой будущих переговоров сторон, когда Запад и Киев «будут к ним готовы» [11].

Положения китайских предложений о неотложном перемирии и желательности переговоров с Москвой не вошли в текст совместного заявления в той форме, в котором они фигурировали в китайской версии. Стороны предпочли «раздельные» и менее обязывающие формулировки на этот счёт.

В Совместном заявлении, принятом по итогам визита Си Цзиньпина в Москву, в частности говорится следующее:

«Китайская Сторона положительно оценивает готовность Российской Стороны прилагать усилия для скорейшего перезапуска мирных переговоров.

Россия приветствует готовность Китая играть позитивную роль в деле политико-дипломатического урегулирования украинского кризиса и конструктивные соображения, изложенные в составленном Китайской Стороной документе «О позиции Китая по политическому урегулированию украинского кризиса» [12].

После мартовского визита Си Цзиньпина в Москву произошёл ряд событий, которые привели к дальнейшему развитию дипломатической ситуации вокруг российско-украинского конфликта.

25 марта президент В. Путин объявил о решении разместить тактическое ядерное оружие на территории Белоруссии – союзного с РФ государства. При этом контроль и право применения этого оружия, по словам В. Путина, оставалось исключительно за Россией. Руководитель РФ заявил, что такое оружие будет размещено, после того как будут проведены все подготовительные работы в местах хранения и

дислокации ядерных средств. Также сказал, что ранее РФ уже передала республике комплекс «Искандер», который может быть носителем ядерных боезарядов [13].

В начале апреля 2023 г. состоялся «сдвоенный» визит в КНР президента Франции Э. Макрона и председателя Еврокомиссии Урсулы фон дер Ляйен. По свидетельству разных источников, в ходе этого визита Э. Макрон стремился убедить китайского лидера в необходимости активизировать свою посредническую роль в разрешении российско-украинского кризиса, перевести свой «план урегулирования» в практическую плоскость, возможно совместно с Францией, а также воздержаться от предоставления военной поддержки РФ [14].

26 апреля 2023 г. состоялся телефонный звонок Си Цзиньпина президенту Украины В. Зеленскому, по просьбе последнего. В ходе переговоров лидер КНР изложил позицию китайской стороны, в основном в рамках обнародованного ранее «мирного плана» Китая по урегулированию данного кризиса. С китайской стороны было отмечено, что КНР видит свою задачу в том, чтобы всячески способствовать началу мирных переговоров. Си Цзиньпин подчеркнул, что Китай не создавал кризис на Украине и не является его стороной. Будучи страной – членом Совета Безопасности ООН, отметил Си Цзиньпин, Китай не намерен сидеть сложа руки в данной ситуации. Он продолжит усилия по организации мирных переговоров и достижению перемирия, которое необходимо достичь, чем раньше, тем лучше. Правительство КНР также решило направить своего специального представителя по делам Евразии для контакта и взаимодействия со всеми заинтересованными сторонами данного конфликта.

Со своей стороны президент Украины В. Зеленский в телефонном разговоре подчеркнул, что Китай, который традиционно уважает цели и принципы устава ООН, является весьма влиятельным государством в современном мире. Он выразил признательность Китаю за предоставление гуманитарной помощи Украине и приветствовал его желание участвовать в разрешении российско-украинского конфликта [15].

Представитель Китая по делам Евразии – им является китайский дипломат Ли Хуэй, в прошлом в течение 2009–2019 гг. занимавший пост посла КНР в России – в мае 2023 года приступил к своей миссии по российско-украинской «теме». Он посетил с консультациями Украину, Польшу, Францию, Германию и Россию.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В связи с данным развитием китайской позиции по украинскому конфликту можно сделать некоторые выводы.

1. Выдвинутый Китаем план, представленный даже в самом общем, не конкретизированном виде, представляет собой значительный дипломатический позитив для России. План и последовавший за ним приезд Си Цзиньпина в Москву – первый иностранный визит после цикла назначений Председателя КНР на высшие посты в партии и государстве – полностью сняли тему внешнеполитической изоляции Москвы. Си Цзиньпин подтвердил существенную поддержку России, подкреплённую конкретными двусторонними договорённостями в экономической, технологической и энергетической сфере.

2. Китайский план и визит Си Цзиньпина в какой-то мере продиктованы ситуацией определённых трудностей Москвы. Россия испытывает серьёзное противодействие ВСУ на фронте, поддержка Киева со стороны Запада растёт, Россия сталкивается с проблемами военного снабжения и нехватки живой силы. Возможность ослабления и дестабилизации России – не в интересах Китая, и этот фактор стал важным обстоятельством для изменений в китайской решениях.

3. Китайский мирный план во многом обусловлен ухудшающимися отношениями Китая с США. Несмотря на проукраинское лоббирование со стороны Байдена, внутренняя разногласия внутри Вашингтона обусловили усиление американской жёсткости в адрес КНР. Это контрпродуктивно сказалось на лоббировании Байденем Си Цзиньпина по украинскому вопросу. Естественной китайской реакцией стала демонстрация большей солидарности с Москвой в этих условиях.

4. Движение Китая на сближение с Москвой по украинскому кризису является дозированным и строго контролируемым шагом со стороны КНР. Китай на данный момент не хочет играть роль реального медиатора, посредника, какого-либо «брокера» между Киевом, Москвой и с Западом. Хотя такого рода посредничество Китая и благоприятствовала бы определённым российским интересом, и не может быть исключено в будущем, в настоящих условиях Пекин не готов играть эту роль. Серьёзная враждебность и низкий уровень доверия между Китаем и США исключают подобную роль в настоящих условиях.

5. Китайский мирный план не содержит какой-либо субстантивной политической формулы, каких-либо реальных компромиссных предложений для переговоров между Москвой, Киевом и НАТО. Обе «прямые» стороны нынешнего конфликта – Москва и Киев – слишком далеки от возможностей переговоров в настоящий момент. Каждая из сторон рассматривает любые уступки как исключительно важные и чувствительные для своей безопасности и тоже пока не позиционируют Китай в качестве действенного «брокера» в их конфликте.

ИСТОЧНИКИ

1. Foreign Ministry Spokesperson Wang Wenbin's Regular Press Conference on March 22, 2023. Available at: https://www.fmprc.gov.cn/eng/xwfw_665399/s2510_665401/2511_665403/202303/t20230322_11047208.html (accessed 15.04.2023).

2. The red line: Biden and Xi's secret Ukraine talks revealed. Spectator, 25 Nov 2022. Available at: <https://www.spectator.co.uk/article/the-red-line-biden-and-xis-secret-ukraine-talks-revealed/> (accessed 23.03.2023).

3. США по настоянию Китая убедили Польшу не давать Украине МиГ-29, пишут СМИ. Available at: <https://ria.ru/20221124/istrebiteli-1834090703.html> (accessed 2.04.2023).

4. U.S. Direct Financial Support for Ukraine. IF12305 // Congressional Research Service Reports. Available at: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/IF/IF12305> (accessed 27.05.2023).

5. U.S. Security Assistance to Ukraine. Updated February 27, 2023. IF12040 // Congressional Research Service Reports. Available at: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/IF/IF12040>

6. В.В.Путин. Встреча с Председателем КНР Си Цзиньпином. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/69356> (accessed 27.05.2023).

7. Полный текст доклада 20-ому Всекитайскому съезду Коммунистической партии Китая. Available at: https://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/202210/t20221026_10792071.html (accessed 27.05.2023).

8. РБК: Си Цзиньпин поговоркой о рыбе оценил пути решения конфликта на Украине. Available at: <https://www.rbc.ru/politics/01/12/2022/63884cc49a7947dc2e82eac8> (accessed 27.05.2023).

9. Гамза Л. Дорожная карта движения к атомной цели AUKUS // ИМЭМО. Available at: <https://www.imemo.ru/publications/policy-briefs/text/aukus-atomic-target-roadmap> (accessed 27.05.2023).

10. China's Position on the Political Settlement of the Ukraine Crisis // 2023-02-24 Available at: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/202302/t20230224_11030713.html (accessed 27.05.2023).

11. Президент России и Председатель КНР сделали заявления для прессы. По итогам российско-китайских переговоров Владимир Путин и Председатель Китайской Народной Республики Си Цзиньпин сделали заявления для средств массовой информации. Available at: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/press_conferences/70750 (accessed 27.05.2023).

12. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики об углублении отношений всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху 21 марта 2023 года. Available at: <http://www.kremlin.ru/supplement/5920> (accessed 27.05.2023).

13. Белоруссия давно просит у России ядерное оружие. Available at: <https://www.vesti.ru/article/3268612> (accessed 27.05.2023).

14. China has 'major role' to play in Ukraine peace effort, Macron says in Beijing. Available at: <https://www.france24.com/en/asia-pacific/20230405-china-has-major-role-to-play-in-ukraine-peace-effort-says-macron-in-beijing> (accessed 27.05.2023).

15. President Xi Jinping Speaks with Ukrainian President Volodymyr Zelenskyy on the Phone. 2023-04-26. Available at: https://www.fmprc.gov.cn/eng/zxxx_662805/202304/t20230426_11066785.html (accessed 27.05.2023).

REFERENCES

Trush, S.M. Crisis between Russia and Ukraine: The China Factor. *Herald of Russian Academy of Sciences*. 2022 vol.92, Supplement 7, p.595-600. DOI: 10.1134/S1019331622130093

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ТРУШ Сергей Михайлович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института США и Канады им. академика Г.А. Арбатова Российской академии наук (ИСКРАН). Российская Федерация, 121069 Москва, Хлебный пер., 2/3.

Sergey M. TRUSH, Candidate of sciences (History), Leading Researcher, Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies Russian Academy of Sciences. 2/3, Khlebnyy pereulok, Moscow, 121069, Russian Federation

Статья поступила в редакцию 14.04.2023 / Received 14.04.2023.

Поступила после рецензирования 28.04.2023 / Revised 28.04.2023.

Статья принята к публикации 30.04.2023 / Accepted 30.04.2023.

УДК 327

DOI: 10.31857/S2686673023070064

EDN: GKRKCN

Sino-Russian Cooperation in the Context of Sino-US Strategic Rivalry

Xu Bo

Jilin University

2699 Qianjin Street, Changchun, 130012 People's Republic of China

ORCID: 0000-0002-0461-4611 e-mail: bxu2@jlu.edu.cn

Ding Huiwen

Jilin University

2699 Qianjin Street, Changchun, 130012 People's Republic of China

ORCID: 0009-0001-5488-9234 e-mail: dinghw21@mails.jlu.edu.cn

Abstract: With the strategic rivalry between China and the United States becoming a hot issue in current international relations, a probe into the causes of such rivalry is of realistic importance. Different from views that regard the escalation of the rivalry as resulting from the structural differences between the Chinese and American economy, the author argues that it is the changes in American politics that have intensified the ideological rivalry of the United States against China. Under the impact of this strategic shift in American politics, particularly with the narrowing of gaps between the national strengths of China and the United States, the United States is changing its views of China, regarding the latter as its would-be enemy. The improper handling of social problems brought about by economic globalization has worsened the relationship between the American government and society, bringing in its wake waves of populism, whose particular concern with economic issues in turn makes the American government pay particular attention to economic issues in its China agenda. The polarized appeals of interests of American voters have accelerated the polarization of American politics, which further lifts up the intensity of the strategic rivalry of the United States against China, causing its China policy to waiver from time to time. This is the direct cause of the downturn of the Sino-US relationship. Facing the escalating strategic competition between China and the United States, the 20th National Congress of the CPC made it clear that with the world entering into a period of turbulence following the transference of power from the West to the East, it is important to strengthen international governance to keep peace and stability of the world. In this context, China needs to coordinate its diplomatic relations with major countries and neighboring countries and strive for the building of a human community with a shared future in order to cope with the escalating strategic rivalry from the United States. At the same time, China needs to strengthen its cooperation with Russia to alleviate the security pressure from the Sino-US strategic competition. China and Russia have extensive common ground in promoting the multi-polarization of the world and maintaining peace in Eurasia as well as in cooperation with new emerging economies. Both countries should shoulder their responsibilities as great powers for promoting world peace and development while safeguarding their own national security.

Keywords: China, the United States, Russia, domestic politics, Great powers politics

For citation: Xu, B., Ding, H. Sino-Russian Cooperation in the Context of Sino-US Strategic Rivalry. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2023; 53 (7): 68-84.

DOI: 10.31857/S2686673023070064 EDN: GKRKCN

Китайско-российское сотрудничество в контексте китайско-американского стратегического соперничества

Сюй Бо

Цзилиньский университет

Китайская Народная Республика 130012, Чанчунь, ул. Цяньцзинь, 2699

ORCID: 0000-0002-0461-4611 e-mail: bxu2@jlu.edu.cn

Дин Хуэйвэнь

Цзилиньский университет

Китайская Народная Республика 130012, Чанчунь, ул. Цяньцзинь, 2699

ORCID: 0009-0001-5488-9234 e-mail: dinghw21@mails.jlu.edu.cn

Резюме: В условиях, когда стратегическое соперничество между Китаем и США становится острым вопросом в современных международных отношениях, исследование причин такого соперничества приобретает реальную важность. Не соглашаясь с мнением, что причины эскалации соперничества кроются в структурных различиях между китайской и американской экономикой, авторы утверждают, что причиной усиления идеологического соперничества США и Китая являются изменения в американской политике. Под влиянием стратегических изменений в американской политике, особенно в связи с сокращением разрыва между мощью Китая и США, Соединенные Штаты меняют свои взгляды на Китай, рассматривая его в качестве потенциального врага. Ненадлежащие меры по решению социальных проблем, вызванных экономической глобализацией, ухудшили отношения между американским государством и обществом, вызвав распространение популизма, чья особая озабоченность экономическими вопросами, в свою очередь, заставляет американское руководство уделять особое внимание экономическим аспектам в своей политике в отношении Китая. Поляризация интересов американских избирателей ускорила поляризацию американской политики, что еще больше повышает интенсивность стратегического соперничества между США и Китаем, заставляя США время от времени колебаться в вопросах политики в отношении Китая. Это является прямой причиной кризиса китайско-американских отношений. Перед лицом обострения стратегического соперничества между Китаем и США 20-й Всекитайский съезд КПК ясно дал понять, что в условиях, когда мир вступает в период турбулентности после перераспределения сил от Запада к Востоку, важно укреплять международное управление для поддержания мира и стабильности на планете. В этих условиях Китаю необходимо координировать свои дипломатические отношения с ведущими странами и соседними государствами и стремиться к построению сообщества людей с общим будущим, чтобы справиться с обостряющимся стратегическим соперничеством со стороны США. В то же время Китаю необходимо укреплять сотрудничество с Россией, чтобы ослабить негативное давление в области безопасности вследствие стратегического соперничества между Китаем и США. Китай и Россия имеют много точек соприкосновения в вопросах продвижения принципа многополярности мира и поддержания мира на территории Евразии, а также в сотрудничестве с новыми развивающимися экономиками. Обе страны как великие державы должны нести ответственность за поддержание мира и развития во всем мире, обеспечивая при этом собственную национальную безопасность.

Ключевые слова: Китай, Соединенные Штаты, Россия, внутренняя политика,

политика великих держав

Для цитирования: Сюй Б., Дин Х. Китайско-российское сотрудничество в контексте китайско-американского стратегического соперничества. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2023; 53 (7): 68-84. DOI: 10.31857/S2686673023070064 EDN: GKRKCN

INTRODUCTION

The strategic rivalry between the United States and China that has escalated in recent years is one that is asymmetric, for it is in fact dominated by the shift of American policy towards China. Starting from the Trump Administration, the United States has launched trade wars and technological blockades against China in the economic field, and reshaped its Indo-Pacific strategy to contain China in the security field. It has also conducted ideological rivalry against China so that the tension between the two countries spread from low political domains to high political domains, leading to sharp downturns in Sino-US relations.

As the two most influential countries in the global system, Sino-US relations have a direct bearing on the stability of the global system and world order. The present research takes the structure of the global system as its point of departure, and argues that a fundamental cause of the escalation of American rivalry against China is the impact that China's rising power has produced on the existing structure of the system, throwing China and the United States into the so-called "Thucydides Trap". However, the current American rivalry against China is not a simple replica of the Soviet-Union vs US contention in the Cold War, but has new features of its own: to begin with, the US vs China competition is imbalanced. Though economically the gap between the United States and China is narrowing, there are still huge gaps between the two countries in military and technological strengths. In fact, the American rivalry against China is more ideological than material. Secondly, the American strategic rivalry against China is not an all-round confrontation. In the context of economic globalization, there is still room for cooperation between the two countries.

According to neoclassic realism, the systematic stimulus is an independent variable that can be used to analyze a country's overseas behavior, as it determines the direction of the country's foreign policy, while the decisive factor that shapes the specific foreign policy of a country is the change in the country's domestic politics, which is an intermediary variable. The changes in the domestic politics of the United States have exerted a crucial influence on the formation and implementation of American policy towards China, and are a key factor that has escalated the American rivalry against China. As a most remarkable feature of the contemporary world, economic globalization has not only changed the subjects of international relations and the ways of communication between nations, but more importantly, it has profoundly reshaped American domestic politics. As a result, ideology starts to weigh more heavily than anything else in American politics, with populism becoming a more influential factor that prompts American politics to become more polarized. For this reason, the United States will continue its strategic rivalry against China, and the prospect of Sino-US relations will remain dim. In this context, it is significant to explore how Sino-Russian cooperation will influence the future orientation of the global system.

UNDERSTANDING SINO-US STRATEGIC RIVALRY

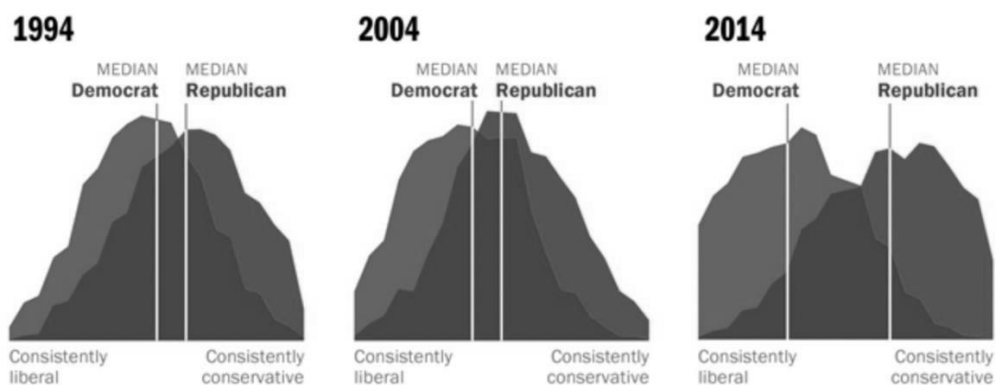
The end of the Cold War marked the acceleration of economic globalization, which has formed the most important background of our world today. Under the influence of globalization, changes have taken place in the domestic politics of the United States, where more importance is attached to ideology, coupled with an ascendance of populism and an increasing political polarization that has swayed the policy of the United States towards China and escalated the rivalry by way of a re-positioning of China's role, a re-setting of political agenda and decision-making procedures. All this has pushed up the American rivalry against China.

Strategically, the American political culture has altered the American policy towards China. Such political culture has two features. Firstly, it tries to fill up the vacuum of nationalism which the United States as an immigrant country lacks by creating an external "Leviathan" of some sort to give the Americans a national identity [Mearsheimer, 2014: 77-89]. Such strategy is well accepted by the American policy-makers as a doctrine, so in making foreign policies, they always give priority to American interests by linking together the domestic politics of the United States with international politics. Secondly, it is closely related to religion. Beliefs like "city on the hill" are so embedded into the American secular life that they give the American political culture and aggressiveness abroad and liberalism at home [Mearsheimer, 2018]. At the same time, they justify American aggressiveness. These two features of the American political culture have prompted the United States to constantly look for strategic opponents abroad in order to create a greater sense of togetherness at home and promote its own development. This has become a historical convention of the American strategic culture. This "hypothetical enemy" mentality has remained predominant in American political culture throughout American history: it viewed Germany as its strategic opponent in the Second World War. When the war ended, it started to view its wartime ally Soviet Union as its opponent. In the 1980s when the Japanese economy took off with great trade surplus over the United States, it started to view Japan as its opponent and tried all means to crack it down. Since the beginning of the 21st century, China's economy has kept growing rapidly. According to statistics from the World Bank, China's GDP in 2008 accounted for 31% of that of the United States, but in 2019, the figure increased to 67% [1]. At the same time, the fundamental ideological difference between China and the United States prompted the latter to change its way of looking at China. It started to view China as a systematic competitor. In fact, the Sino-US competition is asymmetrical and imbalanced. This is first of all evidenced by the fact that China does not have the intention nor capability to spread its ideology throughout the world. China has constantly emphasized in its foreign policy that there is no single pattern of development in the world, and each nation should be respected for choosing its own way of development. Meanwhile, the gap between China and the United States in their national strengths still remains very obvious. Although the Chinese economy is developing fast, mere economic scale is never a good index for measuring national strength. National strength can only come from an organic integration of wealth and productivity [Vuving, 2012:401-423]. Measured by per capita GDP, the American economy exceeds China by six times, and annual military expenditure of the United States also exceeds

China by three times. Such gaps decide that the Sino-US relationship is still very much dominated by American policy towards China. They also tell us that the American strategic competition with China is more ideological than material. That is, the change in American views of China, which are shaped by the American political culture, has led to the change in American policy towards China. But viewed historically, the foreign policy of the United States since the end of the Cold War that has been formulated on the basis of such political culture is often prone to error [Jervis, 2020: 434-456].

Chart 1

Democrats and Republicans More Ideologically Divided than in the Past



Source: Pew research center, Republicans shifts the Right, Democrats to the Left. Available at: <https://www.pewresearch.org/politics/2014/06/12/political-polarization-in-the-american-public/>.

Another factor that shapes American policy towards China is the American political structure. The bipartisan system, which makes rules for the number of representatives of each party in the house and their functions, is the foundation of the American political structure on which American party politics is established. As a result, relations between the two parties can exert a tremendous influence on the policy-making of the Congress. In recent years, political polarization has become a crucial phenomenon in the American political structure. A major manifestation of this is the increased convergence within each party and divergence between the two parties [Dalei Jie, 2016:61-74;6-7]. A core cause for such polarization is economic globalization, which has set off the maladies of the bipartisan system. For globalization has propelled the restructuring of American voters, making the discrepancies of interests of different racial and social groups even more outstanding, and splitting the American population into polar-opposite groups with different religious beliefs and identities. This in turn makes cooperation between them difficult, and handicaps their pursuits for common interests [2]. The voters become as divided and polarized as the political parties they support, paving the ground for greater polarization of the parties themselves. At the same time, the flaws of the bipartisan system further intensify the inter-party competition. To gain support from the polarized voters, both the Democrats and Republicans will adopt more extreme and ideological means in their election campaigns, which further intensifies the political polarization.

Such polarization mainly shows itself in the increased ideological convergence within

each party and divergence between the two parties. Ideologically, the Republicans and the Democrats stand for what is conservative and what is liberal respectively. The intensified political polarization has led to increased convergence within each party and divergence between the two of them. As Diagram 1 shows, between 1994 and 2014, the percentage of Republicans who are more conservative than the fence-sitting Democrats rose from 70% to 92%, while the percentage of Democrats who are more conservative than the fence-sitting Republicans rose from 68% to 94%. The number of fence-sitters in both parties decreased significantly, showing a greater ideological polarization for each party. The ideological polarization of the two parties has led to their polarized views on the same agenda, so that the Democrats and the Republicans have obvious differences in their views about such issues as gun control, racial discrimination, climate change and environment preservation. Such differences have made it difficult for them to coordinate policy-making, so deadlocks become frequent in the Congress. Though vast differences exist in details from administration to administration, both parties agree in their support of the alliance system, relatively open global economy, and values like freedom, human rights and democracy. Yet common ground like this is diminishing [Wright, 2020: 10-18]. In recent years, several “shut-down crises” have occurred with the American Congress. For instance, the Congress was shut down between December 22, 2018 and January 25, 2019, the longest of its kind in American history [3]. The political polarization has heightened the American rivalry against China, and expanded the areas of Sino-US competition, bringing great uncertainty to American policy towards China. This is a key factor that has caused strategic rivalry between China and the United States.

The ideological divergence of the two parties has caused the waiver of American policy towards China, and expanded the areas of competition with China. The two parties differ in foreign policy agendas and the ways of executing them. The Democrats are keener on low-political agendas like economy and environment, and gives more weight to multi-lateral cooperation, while the Republicans are more concerned with security issues and are more conservative in cooperation with other countries. Since Joe Biden took office as President of the United States, American policy towards China has become more fluctuating, and more variate in its means of competition with China. Different from the Trump Administration which competed with China by reducing cooperation and adopting unilateral means to protect the absolute interests of the United States, the Biden Administration adopted more multi-lateral approaches. Biden gives more weight to the function of allies. Washington tries to reshape the Indo-Pacific strategy to conduct competition with China in the security area by expanding the system of allies. This in fact has extended the rivalry into many areas, leading to escalation of the Sino-US competition in both high-political and low-political fields. Meanwhile, competition with China is used as an important means for the Democrats and the Republicans to overcome their differences for the exchange of benefits. This has pushed the Sino-US competition to a new height. The Biden Administration has launched a series of acts aiming to protect American interests in the fields of high technology, chips and investment. All of these acts are directed against China as a major strategic competitor. By so doing, he managed to gain support from the Republicans and highlighted his role in addressing domestic political issues. Such an act of using party politics to influence

foreign policy in fact has intensified the strategic competition with China, and lowered China's expectation for the United States to readjust its China policy.

In dealing with state-society relations, the Biden Administration has tried to reshape its China policy by creating agendas. By state-society relations, we mean the interactions between the nuclear state institutions and the various economic and social groups. A key question is how much the two can be compatible with each other [Ripsman, N., Taliaferro, J., Lobell, 2017]. Theoretically, society relegates its power to the state and accepts the rule by the state in a form of social contract, participates in state governance as interest groups, and interacts with the state through public opinions that indicate how much the society is content with the state. The level of governance of society by the state determines the compatibility between the state and society. As an important component of the domestic politics of the United States, such interaction between the state and society exerts a far-reaching influence on the American China policy. In recent years, state-society relations in the United States have increasingly deteriorated as the American government fails to effectively reduce the negative effects that economic globalization has brought to American society. Economic globalization has brought to the United States problems like lower employment rate, enlarged gap between the rich and the poor, intensified racial conflicts, and unbalanced development in different parts of the country. Globalization also weakens the sovereignty of the state and lowers the capacity of the state in social governance. The ill handling of social problems has caused discontent of American society with the state, resulting in the deterioration of the state-society relations and emergence of populism. Populism revolves around the word "people" [Wojczewski, 2020:292-311], and is essentially a way of expressing discontent to the society for the elite politics. It advocates for social governance through direct democracy and protects people's interests. Since the beginning of the new millennium, populism in the United States has bifurcated into a left-wing populism, which is caused by class and social conflicts that are brought about by uneven distribution of wealth, and right-wing populism, which is caused by national and racial tension that results from the loss of the traditional culture and values [Lin, 2017: 36-51; 5-6]. The "Occupy Wall Street" movement that broke out in 2011 is a typical left-wing populist movement, while the electoral victory of Donald Trump is an important milestone of right-wing populism. The main subjects of populism are white Americans at the bottom of society. They represent a trend of anti-globalism. The waves of populism, when employed by political elites, also produced a far-reaching influence on American policy towards China.

Under its influence, American political elites have shown particular concern with economic issues in their China agenda. More specifically, such concern finds expression in their effort to protect the domestic economic interests of the United States and to establish a new economic order by excluding China and conducting trade protectionism and technology control. First of all, the United States is trying to establish a new economic order that excludes China. The current economic order of the world is marked by economic globalization, with freedom of trade at its core. The anti-globalization trend of populism has prompted the United States to set up separate trade arrangements outside the global economic system that is favorable to its own economic growth. From the US-Canada and Mexico Agreement during the Trump

Administration to the Indian Ocean and Pacific Economic Framework under the Biden Administration, these new economic arrangements created by the United States have become more and more China-exclusive. In May 2022, Biden announced in Tokyo the launch of the Indian Ocean and Pacific Ocean Economic Framework, with the aim to promote "high-standard trade," control digital economy, enhance elasticity and security of the supply chain, increase transparency of trade, invest in high-standard infrastructure, and establish digital links [4]. Katherine Tai, the trade representative of the United States, announced openly that the framework is "an arrangement independent of China. The arrangement is obviously China-exclusive and smacks of trade protectionism. Trade friction has always been a core issue between China and the United States. The United States has frequently accused China of imposing trade barriers in its trade with the United States, though it is a beneficiary of global trade. Such accusations are meant to reduce China's trade surplus over the United States and protect American industries. Even as early as during the Trump Administration, the United States started the trade war against China, which undermined Sino-US relations. The Biden Administration has so far made no concessions on high taxes levied on Chinese goods during the Trump Administration. The Biden Administration is taking strategic measures to reduce reliance on Chinese goods, which will further deteriorate Sino-US relations [Maher, 2018: 497-525]. Furthermore, in its economic agendas with China, American government has tried to out-compete China with its advantage in monopoly of technology. In August 2022, the Biden Administration launched the 2022 Chips and Science Act. In October of the same year, it issued a package of new regulations [5] for containing China's semi-conductor industry. Trade relation is often referred to as ballast in Sino-US relations. However, under the sway of populism, the United States has attached increasing importance to economic issues in the China agenda, conducted trade protectionism, and amplified the conflicts between the two countries in the economic field, and upset the stable relations between the two countries that come from their economic mutual reliance, and intensified the competition.

Thus, it is clear that it is the changes in the domestic politics of the United States that have changed the direction of the American policy towards China, and increased the intensity of competition between the two countries. The escalation of the American rivalry against China is the result of the joint unction of political culture, state-society relations, and political structure, rather than the result of the changes in the national strengths between the two countries. The most important feature of international relations is the interaction between countries concerned. The escalation of the American rivalry against China has led to a sharp downturn in the bilateral relations, and made competition between China and the United States a keynote in the current global system.

THE CHINESE VIEWS AND RESPONSES

China has given its views and responses to the escalating rivalry with the United States. At the 20th National Congress of the CPC held in October 2022, China made an important judgement about current international relations, believing that China is finding itself in a world of unprecedented drastic change [6]. The strategic misreading of

the United States about Sino-US relations has intensified the strategic competition between the two countries, leading to drastic changes of the world order. The main task of Chinese diplomacy is to respond to these changes and turn them into opportunities for China to reshape its important position in the new world order. The judgement that President Xi Jinping made at the CPC's 20th National Congress about the change of the world order includes the following aspects:

First, the world is entering a period of unprecedented turbulence. Though Beijing still believes peace and development is an irresistible trend in the world, it no longer believes that peace and development is the only theme of international relations today. On the contrary, Xi Jinping emphasized in his report at the CPC's 20th National Congress that human society is facing unprecedented challenges, and the world is standing at a crossroad. Beijing summarizes the causes of the global turbulence as "deficits of peace, of development, of security, of governance" [7]. The world is facing changes unprecedented in a century, marked by intensified competition between major powers of the world and escalated the strategic rivalry between China and the United States, which further increases the instability of the global system and is an important cause of the turbulence of the world today marked by eruptions of regional conflicts. The Ukraine crisis that broke out in early 2022 has not come to an end. China and the United States as two major countries in the global system are locked in tense competition with each other, which will weaken both countries' willingness and capability to cooperate in resolving regional conflicts or disable them to mediate in regional conflicts. At the national level, the emergence of populism is a reflection of the contractions and conflicts within a country, which places a higher demand on better state governance and more reasonable wealth distribution system, the impact of which on international relations cannot be ignored. At the global level, problems like climate change, pandemics, and financial crises are becoming more outstanding, posing a greater challenge on global governance. In this context, major countries of the world should be more actively engaged in international cooperation, and China and United States should control their differences and shoulder their responsibilities as major players of global governance.

Second, the power transition in the world order will continue. China believes that a root cause for the current turbulence of the world is the acceleration of shift of power from the West to the East, which itself is a manifestation of the change in power structure of international relations. Viewed from a historical perspective, this process of power transference will continue. A most obvious case in point is the transference of power between the United States and China. China has claimed it will persist in its peaceful development strategy, control its differences with the United States, and actively seek cooperation with the United States in international affairs, but the United States has increasingly viewed China as a hypothetical adversary, and steadily intensified its strategic rivalry against China and expanded the areas of such rivalry under the impact of the rising waves of populism and political polarization at home. The hegemonic and power-politics approaches adopted by the United States have become a fundamental cause of the instability of the world. As the changes in United States' domestic politics are intertwined with the changes in the global system, such changes shall remain irreversible. So China will continue to protect its own national interests in the process of

power transference, and create more strategic opportunities for its continuous development through active diplomatic activities.

Third, China needs to increase its participation in international governance. Beijing believes that while turbulence of international relations worsens the environment for China's development, it also provides opportunities for China to become more engaged in international governance. International governance requires cooperation between major countries of the world, yet the steady escalation of the strategic rivalry of the United States against China has made the prospect of international governance very dim. The provision of global public products is one area where China and the United States can become engaged with each other. So, China's increased participation in international governance will help increase contact and promote communication between the two countries [Segal, Reynolds, Roberts. 2021]. China believes that it should shoulder its responsibilities to the international community as a responsible major power of the world by getting more actively involved in international governance. In this process, China needs to further promote multi-polarization of the world and establish new-type international relations. Some of the specific measures to achieve this end include the promotion of the influence of BRICS and Shanghai Cooperative Organization and more active participation in rule-making for global security, for this, will help China in its response to strategic rivalry from the United States and maintain the stability of the global system. In response to the escalation of strategic rivalry between China and the United States, And considering the current situation the in US vs China strategic competition, Beijing will give priority to the following areas in its diplomatic activities in the years to come.

First, Great power relations. Great power relations have a direct bearing on the stability of the world order, so it makes sense that China will give first priority to such relations in its diplomatic activities. The United States has regarded China as its only long-term and systematic peer competitor. The bilateral relationship can be categorized as one of continuous cooperation and competition [He, 2017: 133-151], but with the American attitude towards China becoming more and more conservative, China is facing rising economic and security pressure from the system. On this account, the main task of Chinese diplomacy is to seek more space for cooperation and control differences between China and the United States. Since the Biden Administration took office, Beijing in fact has tried its best to maintain the stability of its relations with the United States in order to create a favorable environment for China's development, though it has assumed a harder position in response to the strategic rivalry from the United States. For this reason, China has actively sought multi-lateral cooperation with the United States in low-political areas like climate change and cultural exchange. In November 2021, China and the United States jointly issued the U.S.-China Joint Glasgow Declaration on Enhancing Climate Action in the 2020s. The declaration states that the two countries will work in close collaboration with each other and with other countries to fulfill their commitments made in the Paris Agreement to take joint actions that are differentiated according to the liability and capability of each nation to effectively respond to the crisis of climate change.

At the same time, China regards Russia as a model of great power cooperation. Russia is also facing security pressure from the West. For a long time in the past, fierce mutual

accusations between the United States and Russia have become common [Lukyanov, 2016:30-37]. In early 2022, the eruption of the Ukraine crisis reduced the bilateral relations between Russia and the United States to a record low. Russia is facing escalating security pressure from the West. So strengthening strategic cooperation between China and Russia will help relieve both countries of the security pressure they each has to face. Over the years, China and Russia have conducted broad and pragmatic cooperation in diplomatic, security and energy areas. China and Russia have close political ties with each other, with frequent exchange of visits between the heads of state. In 2021, the heads of state of the two countries issued a joint declaration to extend the validity of the Sino-Russia Treaty of Friendly Neighbors. In March 2023, Chinese president Xi Jinping paid a state visit to Russia, in security areas, China has conducted cooperation with Russia in the form of joint military exercises and participation in joint security mechanism [8]. Using the Shanghai Cooperative Organization as a platform, China and Russia also conducted cooperation in security areas. The two countries have also conducted pragmatic cooperation in energy areas. By taking advantage of China's Belt and Road Initiative, the two countries have launched several energy cooperation projects which have provided guarantees for the energy security and economic security of both countries. Further development of bilateral relations between China and Russia is important for China to balance the systematic pressure on China's security from the United States.

Second, relations with neighboring countries. In the context where strategic competition between China and the United States has escalated, developing strategic relations with neighboring countries is of profound significance for China to ease its security pressure and balance military pressure from the United States. Compared with his predecessors, President Xi Jinping has attached more importance to diplomatic relations with the neighboring countries. Developing friendly relations with these neighbors has become a primary task for Chinese diplomats. The building of a human community with a shared future must start with our neighbors. China will deepen its ties with its neighbors on the principle of friendliness, sincerity, reciprocity and inclusiveness, treating our neighbors as good friends and partners [Ruan, 2018: 13-26; 139]. China's relations with countries in East Asia are of the greatest geopolitical importance, for it is where many hot issues of the world gather. The nuclear issue in the Korean Peninsula poses the greatest potential risk to China's diplomatic relations with the neighboring countries. The blockades and sanctions imposed by the United States on North Korea are where all the tension starts. The solution to the nuclear issue in North Korea depends on where the relations between North Korea and the United States will go. For this reason, China hopes to try all possible means to keep the relatively stable relations between North Korea, South Korea and the United States. Technically China mainly encourages relevant parties to negotiate for peace through multi-lateral mechanisms of the United Nations. China hopes to increase communication with the United States on regional hot issues like this. This in turn will ease the tension between China and the United States and minimize the chance for strategic misjudgment.

At the same time, China is committed to developing stable and predictable relations with major neighboring countries like Japan and India in a way to minimize the negative impact of the Indo-Pacific Strategy of the United States on China's national security.

The concept of Indo-Pacific Strategy was raised during the Trump Administration, when the four-country cooperation mechanism involving the United States, Japan, India and Australia was started. The Trump Administration took a unilateral approach in its diplomatic relations with other countries, which marginalized the role of the American allies. The strategy was renewed during the Biden Administration. Its formation has given China added security pressure. Economic globalization has made countries of the world more interdependent. China's increased trade relations with Japan and India will help offset some of the negative effects brought about by the diplomatic policies of these two countries and maintain the stable relations with them. This in turn will increase the predictability of bilateral relations with them.

Third, Human Community with a shared future. Economic globalization has brought with it some transnational problems like climate change, financial crisis and terrorism, making global governance a prominent agenda in international relations. Global governance must revolve around cooperation between major countries. As two most influential countries in the global system, China and the United States are obliged to take up the responsibility for global governance. The continuous escalation of competition between the two countries will produce shocks to international security and the structure of the global system, and hamper global governance. It was against such a background that the idea of human community with a shared future came into being. It is Xi Jinping's most outstanding contribution to China's diplomatic thinking. On the issue of global development, China is committed to continuing to push for economic globalization and multilateralism in economic activities, and will expand its cooperative partnership from regions to the whole world. On November 15, 2020, China signed the Regional Comprehensive Economic Partnership Agreement with Japan, South Korea, Australia, New Zealand and the ten ASEAN countries. The agreement covers countries from different regions and with different systems. It is purely economic and highly inclusive [Petri, P., Plummer, M. 2020]. China's efforts to promote the building of a human community with a shared future and integrated economic development will also help to weaken the will of the United States and its allies to contain China or heighten the cost of containment.

Xi Jinping also pays more attention to issues of green and low-carbon development. In his report at the 20th National Congress of the CPC, he stressed several times the importance of environment conservation. China takes active approaches to protect environment, and responds to climate change through multilateral cooperation and multilateral mechanisms. China has taken active measures to implement the Paris Agreement. In October 2021, China officially submitted to the United Nations Climate Change Framework Convention secretariat China's Achievements, New Goals and Measures for Making Independent Contributions to Reduction of Carbon Emissions and China's Long-term Strategy for Low Greenhouse Gas Emissions till Mid-21st Century, showing to the world China's resolve to promote green and low-carbon development and proactive response to climate change. Green cooperation not only provides a new space for China and the United States to cooperate, but also creates more opportunities for China to cooperate with the European Union. Increased cooperation and links with these allies of the United States in environmental protection, economic and other low-political fields will help eliminate the Cold War mentality and enhance international cooperation.

FUTURE OF SINO-RUSSIA COOPERATION IN THE AGE OF GREAT POWER COMPETITION

The eruption of the Ukraine crisis marked the acceleration of changes in international relations. The stability of China's domestic politics as envisioned by the CPC's 20th National Congress provides new opportunities for the development of Sino-Russia relations in the future. The convergence of opinions between China and Russia on a number of international issues is a guarantee for the steady development of the bilateral relations between the two countries. The two countries' cooperation in the following areas is particularly important in this changing world.

Firstly, joint promotion of multi-polarization of the world. Promoting multi-polarization is an important appeal of Chinese diplomacy, as well as an important area China and Russia can interact in policy-making. In the National Security Strategy Report of the Biden Administration, both Russia and China are listed as threats to American hegemony [9]. The United States also defines the next decade as a crucial decade for great power competition. Therefore, promoting multi-polarization and preventing the United States from turning the Indian Ocean and Pacific regions into a new NATO of some sort to further reduce the strategic space of China and Russia is an important area for China-Russia cooperation. The Ukraine crisis that broke out in 2022 not only greatly changed Russia's security environment, but also produced a huge impact on international relations in Asia and Pacific region. Japan and South Korea's involvement in the US-led sanctions against Russia have made the great power relations in the region even more outstanding. This will produce a great impact on the national security of both Russia and China. To cope with this situation, China and Russia may cooperate in the following two areas. Firstly, they can cooperate to prevent East Asia from turning into a NATO-like region. An exclusive NATO-like security organization will not be helpful to resolve the security problems of the region, and must be barred from the international governance of East Asia. This is important for ensuring the security of the region. Secondly, they can strengthen cooperation with other regional major countries like India and Indonesia by using Sino-Russia strategic partnership as a platform. Russia has kept a good bilateral relationship with major countries in the region like India and Indonesia. In the context where the United States is promoting its Indian Ocean and Pacific Ocean strategy, enhancing multi-lateral cooperation with these regional major countries can play an important role in preventing escalation of confrontation and stabilizing great power relationship.

Secondly, jointly maintaining the strategic stability of Eurasia. The rise of populism and hegemonism has posed a severe challenge to the strategic security of Eurasia. Beijing and Moscow are most important forces to keep the strategic stability of Eurasia. The two countries can work together within the framework of Shanghai Cooperative Organization and BRICS. A good triangular relationship between China, Russia and India will play a positive role in maintaining the stability of Eurasia. Russia has kept a good bilateral relationship with India since the end of the Cold War. Though there are some territorial disputes between China and The effective development of cooperation among the three countries will bring great geopolitical and geo-economic benefits to Eurasia. In Asia Pacific region, cooperation mechanisms like RCEP, CIPP and IPEF have been set up. These

highly diversified cooperation mechanisms are reshaping the chains of industry and value of East Asia and even the whole of Eurasia. China and Russia can maintain the stability of these chains by linking together these multilateral mechanisms. This includes linking Russia's Turn to East strategy with RCEP to make Russia a real important partner of economic development in Asia and Pacific Region. At the same time, China and Russia can work together to further promote the Belt and Road Initiative and build a free trade zone within the framework of Eurasia Economic Alliance for Cooperation. This will keep the geo-economic stability of the heartland of Eurasia. Apart from this, China and Russia pushing for global partnership on the basis of Shanghai Cooperative Organization and BRICS will contribute to the establishment of good and predictable international relations.

Thirdly, conducting cooperation in new areas. Beijing and Moscow both believe that the climate change agenda may exert an important influence on international politics in the future. So both countries shall work together to develop new energy and renewable energy apart from cooperation in traditional energy. The two countries can also work together in hi-tech areas in response to restrictions imposed by the United States. The comprehensive and high-intensity sanctions imposed by the United States and its Western allies may not threaten Russia's domestic stability in a short term, but they may handicap Russia's technological development in a long run. At the same time, the United States is pushing high its technological competition with China. So, China and Russia need to strengthen their cooperation in semi-conductor, AI and other hi-tech areas. In October 2019, Russian government launched its national strategy for the development of AI technology before 2030. China is also starting a new round of upgrades in its industries. That makes the cooperation between the two countries in hi-tech development a new area of cooperation in addition to their cooperation in the energy sector. Russia has enough experience and a high-level team of researchers to respond to technological blockades by the West, and China has enough funds and market to provide backup for their joint research. In the context where China and Russia become more and more aligned in economy and politics, further cooperation between the two countries in hi-tech development is significant in ensuring the steady development of their strategic partnership [Сюй, 2022].

In the context where climate change becomes a hot issue, cooperation between the two countries in energy transformation and green development should also be made a new area for their cooperation. Since 2019, both China and Russia have adopted a series of measures in response to climate change. China is firmly pushing its policy of green development and climate governance, and enhancing its capability in addressing environmental problems. Moscow has ratified the Paris Agreement and has launched a series of climate-related policies. Climate change is an important agenda in the building of a human community with a shared future as well as an important path for Russia to realize innovative development. Cooperation between the two countries in this field will not only help break new ground in their cooperation, but also give them a prominent place in the technological revolution in the future [Xu, Zhong, 2022: 36-48].

CONCLUSION

The escalation of strategic competition between China and the United States has increased the instability of the turbulent world. Different from views that regard the

competition as resulting from the systematic differences between the two countries, the present research proposes another dimension, the dimension of domestic politics for understanding the root causes of the competition, arguing that the strategic culture, populism and political polarization are important factors that have triggered the competitions. In the first place, the tradition of the American strategic culture that seeks to realize its goal of development by picturing a peer competitor has deteriorated the Sino-American relations against the background that the gap between the economic strength of the two countries is narrowing while their ideological differences are increasing. Political polarization lowers the quality of American party politics, to an extent that it starts to become important variables that influence the foreign policy of the United States. On the one hand, political polarization increases the uncertainty of American policy towards China. On the other hand, it also prompts both the Democrats and the Republicans to use the "China factor" to glue up their differences and advance their domestic political agenda. Populism turns the attention of the American public more to the economic issues, so that the trade imbalance between the United States and China becomes the fountainhead of the worsening of Sino-American relations, which in turn prompts the American government to adopt more aggressive trade policies against China. Trade relations between the two countries become a root cause of their strategic conflict.

The escalation of the strategic competition between the countries has prompted Beijing to make new judgment about the world. Firstly, it believes that the world is entering a period of unprecedented turbulence. Secondly, it believes that the process of power transference in the world order will continue. Thirdly, it believes that China must increase its participation in international governance. Generally speaking, China still believes that China and the United States do not have to step into the so-called "Thucydides trap", but the tremendous impact of domestic politics on Sino-US relations makes it difficult for Beijing to expect that the United States will change its China policy soon. So Beijing thinks that it should do what it can to keep the stability of Sino-American relations, but at the same time, strengthen its strategic cooperation with Russia. In response to Indo-Pacific Strategy of the United States in Indian Ocean and Pacific Ocean, China hopes to conduct more active diplomatic activities with its neighboring countries, and improve its strategic environment in the world by promoting the construction of a "human community with a shared future".

In this process, Sino-Russian relations have a special significance to China. The convergence of opinions of the two countries on a number of international issues ensures the continuing stability of their bilateral relations. At the same time, in the context where Sino-American strategic competition intensifies, China and Russia must join hands to promote multi-polarization of the world, and maintain the strategic stability of Eurasia through bilateral and multi-lateral cooperation, and prevent the security situation in East Asia from turning into a NATO-like structure. Following the eruption of the Ukraine crisis, Russia has launched a "turn to east" strategy, while China is actively carrying out its neighboring country diplomacy. That will give more space for cooperation between the two countries. The interactions between the two countries in Shanghai Cooperative Organization and BRICS will contribute to the establishment of more stable international relations. In addition, China and Russia must strengthen their cooperation in hi-tech, climate change and other new areas to achieve innovative development for both countries to strengthen their position in the global system in the future.

ИСТОЧНИКИ

1. World Bank. Available at: <https://data.worldbank.org/cn/>.
2. Explained: Political Polarization, University of Houston. Available at: <https://www.uh.edu/nsm/news-events/stories/2020/1214-political-polarization.php>.
3. January 2018 United States federal government shutdown. Wikipedia. Available at: https://en.wikipedia.org/wiki/January_2018_United_States_federal_government_shutdown.
4. U.S. Department of Commerce, Indo-Pacific Economic Framework. Available at: <https://www.commerce.gov/ipef>.
5. The White House, CHIPS and Science Act Will Lower Costs, Create Jobs, Strengthen Supply Chains, and Counter China. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/08/09/fact-sheet-chips-and-science-act-will-lower-costs-create-jobs-strengthen-supply-chains-and-counter-china/>.
6. Full text of Constitution of Communist Party of China, the State Council of the People's Republic of China. Available at: https://english.www.gov.cn/news/topnews/202210/26/content_WS635921cdc6d0a757729e1cd4.html.
7. How China contributes to fixing deficits in global development, governance. Available at: http://www.china.org.cn/world/2022-10/22/content_78480585.htm.
8. Xi, Putin announce extension of China-Russia friendly cooperation treaty. Xinhua Net. Available at: http://www.xinhuanet.com/english/2021-06/29/c_1310032860.htm.
9. National Security Strategy. The White House. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf>

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Сюй Б. 2022. Внешнеполитическая мысль Си Цзиньпина и китайско-российское сотрудничество. Международный дискуссионный клуб «Валдай». Available at: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/vneshnepoliticheskaya-mysl-si-tszipina/>

REFERENCES

- He, K. 2017. Explaining United States-China relations: neoclassical realism and the nexus of threat-interest perceptions. *The Pacific Review*, No.2, p. 133-151, DOI: 10.1080/09512748.2016.1201130
- Jervis, R. 2020. Liberalism, the Blob, and American Foreign Policy: Evidence and Methodology. *Security Studies*, No. 3, p. 434-456.
- Jie, D. 2016. Political Polarization in the United States and American Democracy. *The Chinese Journal of American Studies*, No. 2, p. 61-74; 6-7.
- Lin, H. 2017. The Polarization Trend of Contemporary Populism and Its Institutional Roots. *The Journal of International Studies*, No. 1, p. 36-51; 5-6.
- Lukyanov, F. 2016. Putin's Foreign Policy: The Quest to Restore Russia's Rightful Place. *Foreign Affairs*, No. 3, p. 30-37.
- Maher, R. 2018. Bipolarity and the Future of U.S.-China Relations. *Political Science Quarterly*, No.3, p. 497-525.

Mearsheimer, J. 2014. "Why the Ukraine Crisis Is the West's Fault." *Foreign Affairs* 93: 77-89.

Mearsheimer, J. *The Great Delusion*, Connecticut: Yale University Press. 2018.

Petri, P., Plummer, M. 2020. RCEP: A new trade agreement that will shape global economics and politics. Brookings Institution. Available at: <https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2020/11/16/rcep-a-new-trade-agreement-that-will-shape-global-economics-and-politics/>.

Ripsman, N., Taliaferro, J., Lobell, S. *Neoclassical Realist Theory of International Politics*. Translated by Feng Liu, Chen Zhang. Shanghai: Shanghai People's Publishing House, 2017.

Ruan, Z. 2018. Building A Human Community with A Shared Future to Support China in the Period of Strategic Opportunity. *International Studies*, No.1, p. 13-26+139.

Segal, S., Reynolds, M., Roberts, B. 2021. Degrees of Separation: A Targeted Approach to U.S.-China Decoupling-Interim Report. CSIS. Available at: <https://www.csis.org/analysis/degrees-separation-targeted-approach-us-china-decoupling-interim-report>.

Vuving, A. The Future of China's Rise: How China's Economic Growth Will Shift the Sino-U.S. Balance of Power, 2010–2040. *Asian Politics & Policy*, No. 2, p. 401-423.

Wojczewski, T. 2020. Trump, Populism, and American Foreign Policy. *Foreign Policy Analysis*, No. 3, p. 292-311.

Wright, T. 2020. The Folly of Retrenchment: Why America Can't Withdraw from the World. *Foreign Affairs*, No. 2, p. 10-18.

Xu, B. 2022. Xi Jinping's Foreign Policy Thought and Sino-Russian Cooperation. Valdai Discussion Club. Available at: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/vneshnepoliticheskaya-mysl-si-tszinpina/>

Xu, B., Zhong, R. 2022. An Analysis of Russia's Pragmatic Climate Policy. *Northeast Asia Forum*, No. 1, p. 36-48; 127. DOI:10.13654/j.cnki.naf.2022.01.003

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

СЮЙ Бо, профессор Центра изучения Северо-Восточной Азии и Департамента международной политики Института Северо-Восточной Азии, заместитель директора Института изучения России, Цзилиньский университет.

ДИНЬ Хуэйвэнь, докторант Института Северо-Восточной Азии, Цзилиньский университет.

Китайская Народная Республика 130012, Чанчунь, ул. Цяньцзинь, 2699

XU Bo, Professor of Northeast Asian Research Center and Department of International Politics of Northeast Asian Studies College, Deputy Director of Institute for Russian Studies, Jilin University.

DING Huiwen, doctoral candidate of Northeast Asian Studies College, Jilin University.

2699 Qianjin Street, Changchun, 130012 People's Republic of China

Статья поступила в редакцию 14.04.2023 / Received 14.04.2023.

Поступила после рецензирования 27.04.2023 / Revised 27.04.2023.

Статья принята к публикации 29.04.2023 / Accepted 29.04.2023.

УДК: 327.56

DOI: 10.31857/S2686673023070076

EDN: GLFYTS

Взаимоотношения КНР – США – РФ в условиях военного кризиса на Украине

Ю.В. Морозов

Институт Китая и современной Азии Российской академии наук (ИКСА РАН).

Российская Федерация, 117997, Москва, Нахимовский проспект, д. 32.

РИНЦ ID: 513322

ORCID: 0000-0003-2047-6420

E-mail: morozovyury51@yandex.ru

Резюме: Формирование системы мироустройства в условиях военного кризиса на Украине определяется, главным образом, взаимоотношениями ведущих мировых центров силы, к которым в первую очередь относятся Россия, Китай и США. На фоне событий на Украине их взаимоотношения выглядят как «стратегический треугольник», на одной из вершин которого находятся Россия и Китай вместе с государствами – сторонниками многополярности, на другой – США и их сателлиты, поддерживающие однополярную систему международных отношений под эгидой Вашингтона. Третью вершину занимают государства, придерживающиеся нейтралитета по отношению к этому кризису.

Ключевые слова: КНР, США, РФ, взаимоотношения, «стратегический треугольник», спецоперация

Для цитирования: Морозов Ю.В. Взаимоотношения КНР – США – РФ в условиях военного кризиса на Украине. *США & Канада: экономика, политика, культура.* 2023; 53 (7): 85–93. DOI: 10.31857/S2686673023070076 EDN: GLFYTS

China-USA-Russia Relations in Conditions of Military Crisis in Ukraine

Yuri V. Morozov

Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences.

32, Nakhimovsky Ave., 117997, Moscow, Russian Federation.

РИНЦ ID: 513322

ORCID: 0000-0003-2047-6420

E-mail: morozovyury51@yandex.ru

Abstract: The formation of a world order system in the conditions of the military crisis in Ukraine determined mainly by the relationship of the world's power leading centers, which primarily include Russia, China and the United States. Because of the events in Ukraine, its relationship looks like a "strategic triangle" on one of it peaks are Russia and China with the States that support multipolarity, on the other – the United States and its satellites, adhering to the unipolar system of international relations under the auspices of Washington. The third peak occupied by countries that adhere to neutrality to this crisis.

Keywords: China, USA, Russia, relations, "strategic triangle", special operation

For citation: Morozov Yu. V. China-USA-Russia Relations in Conditions of Military Crisis in Ukraine. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture.* 2023; 53(7): 85–93.

DOI: 10.31857/S2686673023070076

EDN: GLFYTS

ВВЕДЕНИЕ

Благодаря совокупной национальной мощи к сверхдержavam мира относятся США, на долю которых в 2022 г. приходилось 24,6% мирового ВВП, и Китай с контролем 18,3% глобального ВВП [1]. Россия с её 2,1% ВВП пока не может присоединиться к этому тандему. Вместе с тем, обладая гигантскими запасами полезных ископаемых и военной мощью, она наравне с США и КНР оказывает серьёзное влияние на глобальные процессы, происходящие в мире.

В современных условиях КНР стала всё более успешно конкурировать с Соединённым Штатам во многих сферах научно-технического и экономического развития, постепенно вытесняя США из регионов мира, где они до недавнего времени господствовали. Поэтому несмотря на то, что в официальных документах Китай декларирует, что он не стремится к гегемонии и расширению сфер влияния, его действия говорят об обратном. Об этом свидетельствует как рост его экономической и военной мощи, так и реализация им геостратегического проекта «Один пояс – один путь» в регионах мира. В период реализации этого проекта Пекин старается не антагонизировать по второстепенным проблемам ни с кем из его участников. Благодаря этому в орбиту его влияния вовлечены не только развивающиеся страны, но и многие экономически развитые государства, являющиеся союзниками США.

Вместе с тем в случаях, когда национальные интересы и военная безопасность Китая оказывается под угрозой, Пекин прибегает к жёстким экономическим и политическим мерам, а также к открытой демонстрации военной силы. Примером тому является создание в Южно-Китайском море искусственных участков суши и строительство на них военных объектов. Благодаря этому Китаю удалось создать ситуацию, позволяющую ему практически игнорировать любые притязания соседних государств на спорные участки в этой акватории.

Однако в ней продолжают нарастать противоречия между КНР и США относительно будущей судьбы Тайваня, куда Соединённые Штаты поставляют своё вооружение, чтобы сорвать мирное объединение материкового Китая с островом. В этих целях Госдепартамент США одобрил продажу Тайваню боеприпасов для F-16 на сумму 619 млн долл. [2]. Министерство обороны также планирует увеличить численность своих военнослужащих на Тайване более чем в 3 раза [3]. При этом в целях военного противостояния с Китаем США превратили японский остров Окинаву в «непотопляемый авианосец», на котором сосредоточено около 500 самолётов и 57 тыс. военных специалистов. Командующий этой группировкой генерал М. Минихан разослал своим подчинённым памятку, в которой сказано, что США вступят в войну с Китаем через два года, и к этому следует готовиться [Кошкин А.А., 2010: 79]. Но из-за того, что в ближайшей перспективе военные усилия США будут сосредоточены в Европе, Минобороны усиленно «накачивает» военной техникой своих союзников по альянсам «Четвёрка» (QUAD – Четырёхсторонний диалог по безопасности с участием Австралии, Индии, США и Японии) и АУКУС (AUKUS), включающий Австралию, Великобританию и Соединённые Штаты, чтобы попытаться «их руками» развязать военную авантюру против Китая.

Тем не менее, развязывание военного конфликта в борьбе за будущность судьбы Тайваня представляется маловероятным, поскольку прямое военное столкновение между НОАК и военными группировками «Четвёрка» и АУКУС

приведёт, прежде всего, к большим потерям вооружённых сил США в живой силе и технике, а также к опасности эскалации ядерного конфликта.

Другой конфликтной зоной взаимоотношений США и КНР является их отношение к специальной военной операции ВС РФ на Украине. В отличие от антироссийской коалиции во главе с США, вставшей на путь оказания военной помощи Киеву с целью ослабления военного и экономического потенциалов РФ, Пекин выступает за разрешение военного кризиса на Украине дипломатическими методами. Свидетельство тому – в годовщину начала спецоперации ВС РФ на Украине глава КНР Си Цзиньпин представил мировому сообществу 12 пунктов своих предложений по урегулированию этого кризиса, в которых говорится, что единственным выходом из украинского кризиса являются «диалог и переговоры» [4]. Пекин также выразил готовность стать площадкой для этих переговоров.

Однако эта инициатива была встречена «в штыхы» политиками США. 23 февраля 2023 г. в интервью журналу «Атлантик» (*The Atlantic*) госсекретарь США Э. Блинкен предположил, что Пекин может пересмотреть свой нейтралитет по украинскому вопросу и рассматривает возможности «содействия России» в предотвращении последствий западных санкций [5].

Помимо этого, президент США Дж. Байден неоднократно предупреждал лидера КНР Си Цзиньпина о серьёзных проблемах, которые возникнут в американо-китайских отношениях в случае, если Пекин проигнорирует предупреждение Вашингтона, однако эта угроза не возымела должного эффекта [6]. А глава ЦРУ У. Бёрнс заявил, что «китайское руководство рассматривает возможность предоставления военной техники России» [7].

Есть и другие факторы, способствующие увеличению конфликтности между Вашингтоном и Пекином, такие как разность в подходах к мироустройству в XXI веке, проблемы с демократией в США и КНР, которые несут в себе весьма серьёзные основания для роста соперничества между КНР и США. Однако это не означает, что их экономическое сотрудничество будет подвергнуто рестрикции в ближайшем будущем, ибо это не выгодно ни Пекину, ни Вашингтону. Об этом свидетельствуют результаты двусторонней торговли между Соединёнными Штатами и Китаем, которые в 2022 г. достигли объёма 690 млрд долл. [8], а с Россией гораздо меньше – 190 млрд долларов [9].

Таким образом, американо-китайские отношения на современном этапе их развития можно охарактеризовать как «напряжённое сотрудничество с периодами конфронтации», которые по мере обретения независимости Китая от высокотехнологичной продукции из Соединённых Штатов будут усиливаться.

ОЧЕРЕДНОЙ КРИЗИС РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Что касается российско-американских отношений, то их можно, без всякого сомнения, охарактеризовать как «холодную войну – 2», которая началась после присоединения Крыма к России и усилилась во время проведения спецоперации ВС РФ на Украине. После её начала в 2022 г. «коллективный Запад» во главе с США ввёл 10 128 санкций против России и продолжает «накачивать» Украину вооружениями с целью подрыва военного потенциала России силами ВСУ, невзирая на их громадные потери [10]. А чтобы снизить поступление в российскую казну иностранной валюты и привязать Европу к поставкам сжиженного газа из США, в июне 2022 г. водолазы ВМС, действовавшие под прикрытием учений

НАТО, установили взрывчатку с дистанционным управлением, которая три месяца спустя уничтожила три из четырёх трубопроводов «Северного потока» [11]. Также усиливается блокирование нарушений санкционного режима другими государствами и повышается уровень координации политики США с их военными союзниками.

Всё это свидетельствует о том, что в ближайшей перспективе Вашингтон не будет заинтересован в диалоге с Москвой по поводу прекращения военных действий на Украине. В других областях взаимоотношений с Россией от администрации Дж. Байдена также вряд ли можно ожидать встречных шагов из-за устойчивого антироссийского консенсуса, сложившегося в органах власти Соединённых Штатов. Этот факт был отмечен министром иностранных дел РФ С.В. Лавровым ещё в 2018 г. Исходя из этого он заявил, что «администрация США проводит тезис, который был присущ всем без исключения её предшественникам, а именно – Америка превыше всего, наиболее жёстко, если не сказать, агрессивно» [12]. А это исключает возможность выстраивания российско-американских отношений на реалистической основе.

В этой связи в европейских столицах стали опасаться, что нейтралитет Китая по отношению к СВО может закончиться и он начнёт оказывать помощь России. Лидер французской партии «Национальный фронт» М. Ле Пен заявил по этому поводу: «Если мы позволим России – самой крупной стране по добыче полезных ископаемых, вступить в союз с самым населённым государством, да ещё и самой крупной фабрикой мира, которой является Китай, – создастся очень опасная ситуация для Запада» [13]. В подтверждение сказанному С.В. Лавров во время встречи с выпускниками вузов, впервые принятыми на дипломатическую службу, заявил: «Не имеет смысла и желания сохранять прежнее присутствие в западных странах... Насильно мил не будешь» [14].

Это означает, что новая Концепция внешней политики Российской Федерации, которая вступила в силу 31 марта 2023 г., претерпела существенные изменения. Её анализ показывает, что в ней особое внимание уделено государствам, которые не желают следовать навязываемым Вашингтоном «правилам игры» на международной арене. Об этом, в частности, говорится в разделе V «Региональные направления внешней политики Российской Федерации», в котором отмечено, что сотрудничество с этими государствами будет развиваться по направлениям, принципиально совпадающим с российскими подходами к будущему мироустройству и решению ключевых проблем мировой политики. Приоритетом внешней политики РФ будет курс на дальнейшее упрочение отношений всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия с КНР в интересах обеспечения безопасности и устойчивого развития на глобальном и региональном уровнях как в Евразии, так и в других частях мира [15].

Для этого у Москвы и Пекина есть «точки опоры» в странах – членах таких организаций, как БРИКС, ШОС и РИК. Важной составной частью внешнеполитического курса России будет также её грамотная политика в отношениях с АТЭС и ОДКБ, где она играет ведущую роль. Поэтому Москве будет необходимо внимательно отслеживать попытки Вашингтона «вбить клин» в отношения России с членами этих организаций.

Следует добавить, что необходимость Вашингтона одновременно сдерживать Москву и Пекин вынуждает его распылять свои силы, не позволяя добиться решающего превосходства над Россией, чей военный потенциал подрывает претензии

США на статус единственной военной «сверхдержавы» в мире, ведь кроме России ни у одной страны мира нет гиперзвукового оружия большой дальности.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ КИТАЯ И РОССИИ НА ФОНЕ СОБЫТИЙ НА УКРАИНЕ

В 2022 г. на Генеральной Ассамблее ООН, посвящённой началу российской спецоперации на Украине, Китай воздержался при голосовании за резолюцию с её осуждением и не стал вводить санкции против России [16]. А провозглашённая Си Цзиньпином мирная инициатива, по мнению научного руководителя Института Китая и современной Азии РАН А.В. Лукина, позволила ему решить ряд важных геополитических задач: консолидировать усилия стран, не присоединившихся к западным санкциям против РФ и поддерживающих китайские предложения; повысить имидж Китая в глазах международного сообщества; и сохранить стратегические отношения с Россией [17].

В связи с этим при любом варианте дальнейшего развития событий на Украине в интересах РФ целесообразно продолжать сложившуюся линию на развитие российско-китайской стратегической связки. На этом пути Москве разумно опираться на те сферы, где имеет место не декларативное, а подлинное совпадение интересов России и Китая. Для этого нужна трезвая оценка этих интересов, так как в ряде случаев они не соответствуют действительности из-за преследования РФ и КНР своих интересов в различных областях их взаимоотношений. Поэтому они нуждаются в результативном наполнении, которое целесообразно проводить с учётом необходимости реализации общей концепции развития России и Китая.

Её важнейшими элементами являются: сотрудничество по линии СБ ООН и его укрепление в качестве гаранта глобальной и региональной безопасности; усиление кооперации в рамках ШОС, БРИКС и РИК по обоюдовыгодным направлениям; активизация сотрудничества в рамках АТЭС и форума АСЕАН в интересах укрепления стабильности в АТР; активизация сотрудничества в Евразии в рамках реализации российских и китайских проектов ЕАЭС и «Один пояс – один путь»; совместное противодействие региональным системам ПРО, направленным против России и Китая и недопущение милитаризации космоса.

Вашингтон будет препятствовать реализации этой концепции, способствующей укреплению российско-китайских отношений, используя для этого принцип «разделяй и властвуй», чтобы сначала «разобраться» Россией на Украине, а затем – с Китаем в АТР. Об этом свидетельствуют положения Стратегии национальной безопасности США, где сказано, что «американские власти намерены сдерживать Россию и одновременно уделять приоритетное внимание сохранению устойчивого преимущества перед КНР» [18].

В связи с этим власти Китая стали усиливать взаимодействие с Россией, так как они осознали, что когда США «руками украинцев» создадут в Европе новый «железный занавес» для изоляции России, то они начнут усиливать давление на КНР. И если цели СВО России на Украине не будут достигнуты, и она сильно ослабнет, Китай остается один на один с США, что ему крайне невыгодно. Поэтому в декабре 2022 г. Си Цзиньпин поручил правительству наладить более тесные отношения с РФ в сфере увеличения импорта её энергоресурсов и сельхозпродукции.

Однако в других сферах российско-китайских отношений продолжает существовать ряд «узких мест». Так, до недавнего времени уровень китайских инвестиций в российскую экономику был недостаточно высок по сравнению с вливаниями в экономику других стран. Существует некоторая неопределённость, связанная с изменением экономического «веса» России и Китая в рамках ШОС. Если учесть, сколько средств уже вложено Пекином в экономику членов этой организации, можно констатировать, что он отныне является главной движущей силой в ШОС, а не Москва. Кроме того, глобальная экономическая экспансия Китая привела к тому, что он становится конкурентом России в сфере её сотрудничества в экономической и военной областях с другими странами мира. К этому следует добавить, что если сотрудничество между РФ и КНР будет продолжаться по принципу «российское сырьё в обмен на китайские технологии», то Россия может стать зависимой не от Запада, как это было до 2022 г., а от Китая. Хотя это и отвечает краткосрочным потребностям Москвы, которые связаны с санкциями «коллективного Запада», однако они вступают в противоречие с её долгосрочными интересами. Ситуация изменилась в марте 2023 г., во время государственного визита в Россию председателя Китая Си Цзиньпина. Тем самым он проигнорировал призывы «коллективного Запада» присоединиться к антироссийской коалиции с целью изолировать Россию. Вместо этого Си Цзиньпин обсудил принципы мирного урегулирования украинского кризиса с президентом РФ В.В. Путиным, а не с представителями США и их сателлитом – В. Зеленским. В этой связи газета «Глобал таймс» (*Global Times*) отметила, что «причина проста: Америке не нужен мир, они используют Киев как пешку для ослабления Москвы. Поэтому они затягивают украинский конфликт для установления контроля над Европой и сохранения американской гегемонии в мире» [19].

Что касается оценок российского президента, то он отметил, что многие из предложений Си Цзиньпина по мирному урегулированию украинского кризиса являются созвучными с российскими подходами и могут быть взяты за основу. Однако он подчеркнул, что это будет возможно лишь тогда, когда к нему будут готовы в Киеве и на Западе, а пока такой готовности он не видит [20].

По другим проблемам глобальной безопасности позиции России и Китая во многом совпадают. Например, они решительно выступают против того, чтобы любые государства или блоки наносили ущерб законным интересам других. Эта точка зрения содержится в подписанном лидерами РФ и КНР совместном заявлении об углублении отношений всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия до 2030 г. В нём Москва и Пекин отмечают, что их отношения «являются зрелыми, стабильными, самодостаточными и не подвержены внешнему влиянию» [21]. Кроме того, Россия ещё раз подтвердила приверженность принципу «одного Китая», признавая, что Тайвань является неотъемлемой частью КНР [22]. В свою очередь, Китай призвал международное сообщество провести объективное расследование взрывов на газопроводе «Северный поток» [23].

В сфере экономического взаимодействия между РФ и КНР лидеры обоих государств подписали план развития восьми ключевых направлений экономического сотрудничества до 2030 г. и 79 проектов по инвестиционному сотрудничеству на сумму свыше 165 млрд долл. [24]. Она на порядок выше тех инвестиционных вливаний в развитие инфраструктуры российского Дальнего Востока, которые были до визита китайского лидера в Москву.

И хотя КНР совместно с РФ выступает против военной гегемонии США в мире, в ближайшей перспективе создание российско-китайского военно-политического союза в рамках военного сотрудничества между Москвой и Пекином не предусмотрено, поскольку это противоречит официальной политике Китая. В то же время нельзя исключать, что чем сильнее агрессивная политика Вашингтона будет угрожать безопасности Китая, тем больше вероятность создания такого союза [Морозов Ю.В., Батюк В.И., 2022: 524]. Если до этого времени военная агрессия против Китая из-за Тайваня всё же будет развязана, то, согласно действующему Договору о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР, Москва окажет содействие Пекину не только по тем направлениям, по каким он оказывает помощь РФ в условиях западных санкций, но и существенную военно-техническую поддержку.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги анализа взаимоотношений КНР – США – РФ на фоне событий на Украине, можно прийти к следующим выводам.

Во-первых, спецоперация ВС РФ на Украине расколола мировое сообщество на её сторонников, противников и на приверженцев нейтралитета, среди которых до недавнего времени был Китай. Ситуация изменилась, когда в Стратегии национальной безопасности США было определено, что Вашингтон намерен уделять приоритетное внимание сохранению преимущества перед КНР, одновременно сдерживая Россию. В связи с этим власти Китая осознали, что когда США «руками украинцев» создадут в Европе новый «железный занавес» для изоляции России, то они начнут усиливать давление на КНР.

Во-вторых, в отличие от антироссийской коалиции во главе с США, которые прилагают все усилия, чтобы российско-украинский конфликт продолжался до тех пор, пока Россия в нём не потерпит поражение, невзирая на массовую гибель военнослужащих ВСУ, Китай выступает с мирными инициативами, позиционируя себя как ответственного члена международного сообщества, выразив готовность стать площадкой для переговоров между Россией и Украиной для урегулирования военного конфликта между ними.

В-третьих, в условиях западных санкций в интересах России целесообразно продолжать сложившуюся линию на развитие российско-китайских стратегических отношений. Этому будет способствовать реализация общей концепции их развития, которая включает: укрепление позиций СБ ООН в качестве гаранта глобальной и региональной безопасности; усиление российско-китайской кооперации в рамках ШОС, БРИКС и РИК по обоюдновыгодным направлениям; активизацию сотрудничества РФ и КНР в рамках АТЭС и форума АСЕАН в интересах укрепления стабильности в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

ИСТОЧНИКИ

1. ВВП стран мира – 2022. Рейтинг и доля стран в мировом ВВП. *Финансовый гений*. 01.07.2023. Available at: <https://fingeniy.com/vvp-stran-mira-2022-rejting-i-dolya-stran-v-mirovom-vvp/> (accessed 03.03.2023).
2. Госдеп США одобрил возможную продажу Тайваню боеприпасов для самолётов F-16. *МИА «Россия сегодня»*. 02.03.2023. Available at: <https://ria.ru/20230302/f-16-1855256609.html> (accessed 03.03.2023).

3. США планируют в разы увеличить число военных на Тайване. *МИА «Россия сегодня»*. 23.02.2023. Available at: <https://ria.ru/20230223/tayvan-1854001025.html> (accessed 03.03.2023).
4. МИД КНР назвал единственный способ разрешения кризиса на Украине. *Смотрим. Ру*. 24.02.2023. Available at: <https://smotrim.ru/article/3219705> (accessed 05.03.2023).
5. Блинкен: США предупреждает КНР не оказывать содействия России. *Автоматизированный агрегатор новостей Украины, России, стран СНГ*. 23.02.2023. Available at: <https://mt.smi.today/blog/43398755103/Blinken-SSHA-preduprezhdayet-KNR-ne-okazyivat-sodeystviya-Rossii> (accessed 05.03.2023).
6. Пресса Китая после переговоров Байдена с Си Цзиньпином. *Военное обозрение*. 19.03.2023. Available at: <https://topwar.ru/193698-pressa-kitaja-posle-peregovorov-bajden-s-si-czinpinom-ssha-nikak-ne-mogut-osoznat-cto-ih-ugrozy-uzhe-ne-rabotajut.html> (accessed 06.03.2023).
7. Глава ЦРУ Бёрнс: США объявили войну мирному плану Китая по Украине. *Рамблер.ру*. 27.02.2023. Available at: <https://news.rambler.ru/conflicts/50278621-glavatsru-berns-ssha-obyavili-voynu-mirnomu-planu-kitaya-po-ukraine/> (accessed 06.03.2023).
8. Странные враги, торговля между которыми бурно растёт. *Фонд стратегической культуры*. 10.02.2023. Available at: <https://www.fondsk.ru/news/2023/02/10/strannye-vragi-torgovlja-mezhdu-kotorymi-burno-rastet-58459.html> (accessed 06.03.2023).
9. Торговля России с Китаем достигла рекорда. *РБК*. 13.01.2023. Available at: <https://www.rbc.ru/economics/13/01/2023/63c0ffb79a79474aaf45862d> (accessed 06.03.2023).
10. Все санкции против РФ – 2022: какие страны ввели, полный список, ответные меры. *Путешествуй.com*. 02.01.2023. Available at: <https://www.puteshestvuy.com/sankcii-protiv-rf> (accessed 04.02.2023).
11. How America Took Out the Nord Stream Pipeline. *Seymour Hersh: official cite*. 08.02.2023. Available at: <https://seymourhersh.substack.com/p/how-america-took-out-the-nord-stream> (accessed 07.03.2023).
12. Лавров не увидел смысла в прежнем дипломатическом присутствии на Западе. *РИА Новости*. 03.09.2018. Available at: <https://ria.ru/20180903/1527709599> (accessed 06.03.2023).
13. La Nouvelle Tribune. Марин Ле Пен предупреждает о «большой угрозе», которой является сближение России и Китая. *Иносми*. 13.03.2022. Available at: <https://inosmi.ru/20220419/ultrapravye--253868536.html> (accessed 06.03.2023).
14. Лавров заявил, что РФ нет смысла сохранять прежнее дипломатическое присутствие на Западе. *HEAD TOPICS Россия*. 18.10.2022. Available at: <https://headtopics.com/ru/10511072107410882629-30865880> (accessed 07.03.2023).
15. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.). *Министерство иностранных дел Российской Федерации*. 31.03.2023. Available at: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1860586/ (accessed 31.03.2023).
16. Li Yuan. Why the Chinese Internet Is Cheering Russia's Invasion. *The New York Times*. 27.02.2022. Available at: <https://www.nytimes.com/2022/02/27/business/china-russiaukraine-invasion.html> (accessed 08.03.2023).
17. Скосырев В. Дипломатическим орудием Пекина служит план мира в Украине. *Независимая газета*. 21.02.2023. Available at: https://www.ng.ru/world/2023-02-21/6_8666_china.html (accessed 05.03.2023).

18. В Белом доме опубликовали новую нацстратегию США: сдерживать Россию и конкурировать с Китаем. *Федерал пресс*. 12.10.2022. Available at: <https://fedpress.ru/news/america/policy/3116528> (accessed 08.03.2023).

19. Xi's visit to Russia conveys great significance, injects certainty and positive energy. *Global Times*. 19.03.2023. Available at: <https://www.global-times.cn/page/202303/1287576.shtml> (accessed 28.03.2023).

20. Путин заявил о возможности использования мирного плана КНР для решения украинского кризиса. *Международная жизнь*. 21.03.2023. Available at: <https://interafairs.ru/news/show/39529> (accessed 28.03.2023).

21. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики об углублении отношений всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху. *Официальный сайт Президента России*. 21.03.2023. Available at: <http://kremlin.ru/supplement/5920> (accessed 29.03.2023).

22. Россия считает Тайвань неотъемлемой частью КНР и выступает против его независимости. ТАСС. 21.03.2023. Available at: <https://tass.ru/politika/17331887> (accessed 29.03.2023).

23. МИД Китая призвал к объективному расследованию взрывов на Nord Stream. РБК. 20.02.2023. Available at: <https://www.rbc.ru/rbcfree-news/63f358719a7947ea645035e8> (accessed 29.03.2023).

24. Начата разработка плана развития экономического сотрудничества Китая и РФ до 2030 года. ТАСС. 28.03.2023. Available at: <https://tass.ru/ekonomika/17390399> (accessed 29.03.2023).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Кошкин А.А. Россия и Япония. Узлы противоречий. М.: Вече. 2010. 480 с.

Морозов Ю.В., Батюк В.И. Стратегический треугольник РФ – КНР – США: вызовы и перспективы безопасности России. М.: ИКСА РАН. 2022. 544 с.

REFERENCES

Koshkin, A.A. Rossiya i Yaponiya. Uzli protivorechii [Russia and Japan. Nodes of contradictions] (In Russ.). Moscow, Veche. 2010. 480 p.

Morozov, Yu.V., Batyuk, V.I. Strategicheskii treugolnik RF – KNR – SShA: vizovi i perspektivi bezopasnosti Rossii [The strategic triangle of the Russian Federation – China – USA: challenges and prospects for Russia's security] (In Russ.). Moscow, IKSA RAN. 2022. 544 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

МОРОЗОВ Юрий Васильевич, кандидат военных наук, ведущий научный сотрудник Института Китая и современной Азии Российской академии наук.
Российская Федерация, 117997, Москва, Нахимовский проспект, д. 32.

Yuri V. MOROZOV, Candidate of Sciences (Military), Leading Researcher, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences.
32, Nakhimovsky Ave., Moscow, 117997, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 06.04.2023 / Received 06.04.2023.

Поступила после рецензирования 20.04.2023 / Revised 20.04.2023.

Статья принята к публикации 22.04.2023 / Accepted 22.04.2023.

УДК 327

DOI: 10.31857/S2686673023070088

EDN: GLWARK

Четвёртый кризис безопасности в Тайваньском проливе: ответ КНР на визит Н. Пелоси

Ю.В. Кулинцев

Институт Китая и современной Азии РАН (ИКСАРАН)

Российская Федерация, 117997 Москва, Нахимовский проспект, 32

Scopus Author ID: 57214315908 Researcher ID: AAK-4804-2020

ORCID: 0000-0002-4906-6866 e-mail: kulintsev.y@iccaras.ru

Резюме: Статья посвящена анализу причин и возможных последствий четвёртого кризиса безопасности в Тайваньском проливе. Посещение Тайваня спикером Палаты представителей США Н. Пелоси в августе 2022 г. стало точкой невозврата в американо-китайских отношениях. Пекин не поддался на провокацию и сознательно не допустил перехода дипломатического кризиса в острую военно-политическую фазу, ясно понимая потенциальные риски военной, политической и экономической эскалации конфликта с Вашингтоном, в результате которого в него неизбежно втянулись бы внешние силы. При этом китайское руководство продемонстрировало готовность давать соразмерный ответ во всех сферах современных международных отношений.

Ключевые слова: Китай, Тайвань, США, кризис безопасности, Тайваньский пролив, визит Н. Пелоси

Для цитирования: Кулинцев Ю.В. Четвёртый кризис безопасности в Тайваньском проливе: ответ КНР на визит Н. Пелоси. *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2023; 53(7): 94-106. DOI: 10.31857/S2686673023070088 EDN: GLWARK

Fourth Taiwan Strait Security Crisis: China's Response to N. Pelosi's Visit to the Island

Yury V. Kulintsev

Institute of China and Contemporary Asia

Russian Academy of Sciences (ICCARAS)

32 Nakhimovsky prospect, Moscow 117418, Russian Federation

Scopus Author ID: 57214315908 Researcher ID: AAK-4804-2020

ORCID ID: 0000-0002-4906-6866 e-mail: kulintsev.y@iccaras.ru

Abstract: The article is devoted to the analysis of the causes and possible consequences of the fourth security crisis in the Taiwan Strait. U.S. House Speaker N. Pelosi's visit to Taiwan in August 2022 marked a point of no return in US - China relations. Beijing did not succumb to provocation and deliberately did not allow the diplomatic crisis to turn into a military-political phase. China clearly understands the potential risks of a military, political and economic escalation of the conflict with Washington, while external forces would inevitably be involved into it. At the same time, the Chinese leadership has demonstrated its readiness to give a commensurate response to the crises in all spheres of modern international relations.

Keywords: China, Taiwan, USA, security crisis, Taiwan Strait, visit of N. Pelosi

For citation: Yury V. Kulintsev. Fourth Taiwan Strait Security Crisis: China's Response to N. Pelosi's Visit to the Island. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2023; 53 (7): 94-106. DOI: 10.31857/S2686673023070088 EDN: GLWARK

ВВЕДЕНИЕ

На современной геополитической карте мира Тайваньский пролив остаётся одним из потенциальных очагов возникновения напряжённости, негативные последствия которой могут существенно повлиять на глобальные политические и экономические процессы. Вовлечённость двух крупнейших мировых игроков КНР и США в конкурентное противостояние вокруг стремящегося к независимости острова, как раз и обуславливает широкомасштабный характер конечного эффекта, который может проявиться при дальнейшей эскалации кризиса.

Для Китая вопрос о суверенитете над территорией о. Тайвань является неоспоримым, а признание «принципа одного Китая» - обязательное условие для любой из стран, с которой у КНР имеются дипломатические отношения. На законодательном уровне вопрос окончательно был закрыт ещё в 1978 г., когда в Преамбуле к Конституции КНР было закреплено упоминание о том, что «Тайвань является частью священной территории Китая» и там же была провозглашена цель «возвращения Тайваня в лоно Родины» [Лафитский В.И., Трощинский П.В. 2014:651]. Пекин неустанно отстаивает свою позицию по тайваньскому вопросу, которая заключается в том, что правительство КНР - единственный законный институт, представляющий весь Китай; что в мире есть только одно государство, имеющее право называться «Китай»; «тайваньский вопрос» внутреннее дело КНР, а Тайвань – неотъемлемая часть КНР, и что этот принцип поддерживает подавляющее большинство государств в мире.

Для США, которые установили дипломатические отношения с КНР в 1979 г. [1] и тем самым выразили своё согласие на признание «принципа одного Китая», правительство Тайваня оставалось одним из ключевых стратегических партнёров в регионе. Вашингтон продолжал развивать неофициальные связи с Тайбэем, сохранил свой экспорт вооружений на остров, хотя и пообещал Пекину постепенно сократить его объём [2]. На законодательном уровне уже в апреле 1979 г., то есть спустя всего четыре месяца после подписания Коммюнике об установлении дипломатических отношений с Пекином, американский Конгресс принял закон “Об отношениях с Тайванем” [3]. В документе были обозначены принципы и условия взаимодействия администрации США с правительством острова, в том числе по вопросам, касающимся обеспечения безопасности [Лексютина Я.В. 2017:104].

Это означает, что Соединённые Штаты практически с самого начала нормализации отношений с КНР обозначили для себя возможность разыгрывать «тайваньскую карту» в случае возникновения каких-либо противоречий с КНР.

ПРЕДПОСЫЛКИ КРИЗИСА В ТАЙВАНЬСКОМ ПРОЛИВЕ

Наращивание экономического потенциала Китая в 1990–2010 гг. не привело к возникновению заинтересованности Тайбэя в объединении с материковым Китаем. Более того, вопрос о независимости острова вошёл в обязательную риторiku политиков и представителей общественности Тайваня. При поддержке Вашингтона представители тайваньской стороны старились интернационализировать проблему и вывести её в плоскость международной дискуссии. Со своей стороны, официальный Пекин выступал с резкими дипломатическими протестами подобных действий и проводил военные учения в районе Тайваньского пролива. США видели в этом рост угрозы военного сценария присоединения острова к КНР.

В 1995–1996 гг. в ответ на масштабные маневры военно-морских сил КНР с учебными пусками боевых ракет в Тайваньском проливе администрация У. Клинтона приняла решение продемонстрировать поддержку Тайваню и направить в район острова две авианосные ударные группы во главе с авианосцами «Нимиц» и «Индепенденс» [Taiwan Strait. 1996], что в итоге привело к третьему кризису безопасности в Тайваньском проливе.

Если два кризиса, случившиеся в 1950-е годы, были связаны с прямыми военными столкновениями, с потерями с двух сторон в живой силе и технике, когда вёлся обстрел остров огнём на поражение и шли бои с участием авиации, то отличительной характеристикой третьего кризиса следует считать, что его удалось сохранить в плоскости демонстрации военной силы, но при этом отмечался значительно возросший риск прямого военного конфликта между КНР и США.

Несмотря на кажущуюся нормализацию американо-китайских отношений после третьего тайваньского кризиса, когда в 1997 г. председатель КНР Цзян Цзэминь и в 1998 г. президент США У. Клинтон нанесли друг другу взаимные визиты, предпосылки для нового кризиса безопасности в Тайваньском проливе стали лишь усиливаться.

После прихода к власти Дж. Буша-младшего статус Китая во внешнеполитической риторике США изменился на «стратегического соперника», кроме того, новая администрация Белого дома высказывалась за отказ от «политики неопределённости», предлагая вместо этого сделать акцент на увеличении поддержки тайваньского правительства [Тимофеев О.А. 2016:605-611].

В результате Вашингтон стал проводить политику, направленную на диверсификацию и углубление взаимодействия с властями Тайваня в военной сфере. Появились новые направления сотрудничества, был запущен американо-тайваньский стратегический диалог по вопросам обороны, кроме того, тайваньские чиновники оборонного ведомства получили возможность посещать с визитами США, были запущены новые программы по обучению тайваньских военнослужащих, представители США в качестве наблюдателей стали регулярно принимать участие в тайваньских военных учениях [Лексюткина Я.В. 2017:107].

Совокупность указанных факторов объясняет, что обострение американо-китайских отношений происходило не случайным образом. Предпосылки охла-

ждения двусторонних отношений начали проявляться ещё при президентстве Б.Обамы. США скорректировали свои ожидания от перспектив экономического сотрудничества после того, как стало понятно, что китайская экономика быстрыми темпами догоняет американскую, что демонстрировали цифры при сравнении ВВП по паритету покупательной способности. В период нахождения у власти Б. Обамы внешняя политика Вашингтона по отношению к Пекину стала выстраиваться в рамках региональной стратегии «Поворота к Восточной Азии» [Richard C. Bush. 2012], которая была разработана после несостоявшегося американо-китайского партнёрства в формате «Большой двойки» [Кузьмин В.А., Верисова А.Д. 2019:103-106].

Отличительной особенностью этого периода становится смещение фокуса взаимодействия с экономического сотрудничества в сторону военно-стратегической конкуренции. Со стороны Вашингтона начинают действовать новые механизмы давления на Пекин в финансовом секторе и на международной арене. В частности, активизируется дискуссия о недопустимости протекционистских мер со стороны китайского правительства, связанных с искусственным занижению курса национальной валюты, в экспертной среде появляются публикации о наращивании военной мощи и обусловленной этим растущей военной угрозе со стороны Китая.

Сформированная США международная повестка позволила администрации Б. Обамы в 2010 г. принять решение о поставке Тайбэю большой партии военной техники на сумму, превышающую 6 млрд долл. [4], кроме того Нобелевский комитет присудил премию мира китайскому оппозиционеру Лю Сяобо, что дало основания американским политикам выступать с призывами к китайской стороне выпустить его из тюрьмы. Именно в этот период объявленного «поворота США к Восточной Азии» было заявлено, что одним из важнейших приоритетов для Вашингтона в регионе является свобода судоходства, что привело к дополнительному росту напряжённости в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях.

Значительно более серьёзное ужесточение позиции США по Китаю отмечается после прихода в Белый дом администрации Д. Трампа, когда произошёл резкий рост антикитайской риторики. Для Республиканской партии США антикитайская позиция была ключевой во внешнеполитическом дискурсе. Это подчеркивается в и избирательных речах Д. Трампа, где одним из ключевых стал его лозунг "Сделаем Америку снова великой" (*Make America Great Again*), и в его заявлении во время пандемии *Covid-19*, в котором он прямо обвинял Китай в распространении инфекции.

Переход от конфронтационной риторики к делу начался со ввода санкций против китайских телекоммуникационных компаний, когда в так называемый "Список организаций" (*Entity List*) Министерства торговли США был внесён китайский "Хуавей" (*Huawei*) и другие компании. Прямыми указами президента Трампа были запрещены в США финансовые операции внутри китайских мобильных платежных приложений, включая *Alipay* и *WeChat* [5]. И хотя Дж.Байден после прихода к власти несколько смягчил антикитайскую риторику,

но все правовые механизмы, принятые при Д. Трампе, – санкции в отношении Китая и основные направления антикитайской политики сохранились. Принятые ранее законы продолжали функционировать, и не было никаких попыток их пересмотреть. Формально Дж. Байден отменил наиболее спорные исполнительные указы Д. Трампа, в частности, по *TikTok* и по *WeChat*. Но их до этого успешно оспорили сами компании в федеральных судах [6], поэтому США и так были вынуждены приостановить их исполнение.

Одновременно с этим отмечается рост антикитайских настроений во внутреполитическом дискурсе США. Если раньше «демократы» поддерживали выдвинутые «республиканцами» антикитайские инициативы, лишь когда это касалось вопросов прав человека, то с приходом администрации Дж. Байдена в США по отношению к Китаю начинается выстраиваться межпартийный консенсус в том виде, в котором он существует по России.

В данном контексте визит американского политика-демократа Н. Пелоси, демонстрирует, что она выполняет свою внутреннюю политическую задачу – набирает политические очки на международной арене, выступая в качестве образцового борца за свободу и демократию. При этом, с точки зрения стабильности регионального порядка, этот визит стал триггером для начала очередного (уже четвертого) кризиса безопасности в Тайваньском проливе.

ВИЗИТ Н. ПЕЛОСИ НА ТАЙВАНЬ

Посещение острова спикером Палаты представителей США Н. Пелоси было анонсировано в рамках азиатского турне группы американских конгрессменов, которые должны были посетить Сингапур, Малайзию, Южную Корею и Японию. Поездка американской делегации началась 31 июля, официально заявленной целью было обсуждение вопросов «мира и безопасности, экономического роста и торговли, пандемии *COVID-19*, климатического кризиса, прав человека и демократического управления». При этом Тайвань не назывался в качестве отдельного места назначения, а был заявлен как возможная точка остановки Н. Пелоси.

Здесь интересна позиция американской администрации, которая заявила, что, с одной стороны, она не согласовывала визит Н. Пелоси в Тайбэй, с другой – не может воспрепятствовать этому, поскольку должна обеспечивать любые визиты спикера нижней палаты Конгресса США как третьего лица в государстве.

Практически одновременно с этим в конце июля 2022 г. военное командование США направляет в район Южно-Китайского моря авианосец «Рональд Рейган», объясняя необходимость его нахождения в этой зоне плановыми учениями по патрулированию Индо-Тихоокеанского региона.

Китайская сторона сразу же выступила с жестким заявлением, что будет рассматриваться совокупность подобных действий как представляющих угрозу национальной безопасности и территориальной целостности КНР. Бывший в тот момент министром иностранных дел КНР Ван И заявил: «Это событие [возможный визит Н. Пелоси] посягает на суверенитет страны и является политиче-

ской провокацией, вызывает сильное возмущение среди китайского народа и общее противодействие со стороны международного сообщества» [7].

За несколько дней до объявленной даты визита, а именно 28 июля 2022 г. состоялся телефонный разговор между главами Китая и США. Ожидалось, что он позволит снизить градус напряжённости и в некоторой степени обострение ситуации в Тайваньском проливе [8]. В ходе беседы, которая длилась несколько часов, китайская сторона обратила особое внимание Вашингтона на принцип «одного Китая», который является краеугольным камнем дипломатических отношений Китая с любым государством. Си Цзиньпин отметил, что Пекин выступает категорически против вмешательства внешних сил во внутренние дела КНР.

Поскольку консенсус не был достигнут, 2 августа 2022 г. самолёт Военно-транспортной авиации ВВС США с Н. Пелоси на борту совершил посадку в Тайване, а Народно-освободительная армия Китая начала учения в трёх акваториях вокруг Тайваня. Таким образом, к августу 2022 г. эскалация напряжённости в отношениях между КНР и США вновь достигла пиковых значений.

Военно-воздушные силы НОАК значительно активизировали свою деятельность, увеличилось количество самолётов, пересекавших условную разграничительную линию и попадавших в воздушное пространство, которое представители острова считают зоной ответственности своей системы ПВО. Непосредственно в момент захода на посадку самолёта Н. Пелоси военные эксперты отмечали, что в районе Тайваня в воздухе находились китайские самолёты-перехватчики, американские самолёты, поднятые с японской военной базы США на Окинаве, и тайваньские истребители [9]. В тот момент весь мир наблюдал за тем, какое решение будет принято в Пекине и пойдёт ли Китай на прямую военную конфронтацию с США. Однако никаких данных о столкновениях в воздушном пространстве или силовых попытках КНР не допустить посадки самолета на остров не поступило. Н. Пелоси успешно приземлилась в тайваньском аэропорту.

С формальной точки зрения, глава американской делегации провела на острове меньше суток. За это время у Н. Пелоси состоялось несколько встреч с представителями администрации Тайваня, в частности, с главой МИД Джозеф Ву. Пелоси посетила Законодательный юань и провела встречу с главой Китайской республики Цай Инвэнь, из рук которой получила Орден Благожелательных облаков за вклад в развитие двусторонних отношений между Тайбэем и Вашингтоном [10]. Состоялась также встреча с руководителем Тайваньской компании по производству полупроводников (*Taiwan Semiconductor Company Limited*) – одним из крупнейших в мире производителей полупроводников, и представителями гражданского общества. Затем делегация США благополучно покинула остров.

За 25 лет, прошедших после 3-го тайваньского кризиса (1995 - 1996 гг.), Китай резко нарастил возможности своих Вооруженных сил. Но пока они недостаточны, чтобы противостоять США. Китай не обладает мощными авианосными группами, чтобы бороться за морские коммуникации, у Китая недостаточно

ядерных боеголовок, и он уступает по количеству стратегических бомбардировщиков.

В Вашингтоне понимали, что для США гораздо выгоднее именно сейчас попробовать спровоцировать Китай втянуться в военный конфликт, поскольку, например, через десять лет справиться с Китаем будет уже сложнее. Прогнозируется, что Китай уже в обозримой перспективе обретёт комплексную мощь, то есть к экономическим возможностям добавится и военная компонента: к 2030–2035 г. заканчиваются военные программы Китая, и китайские вооружённые силы достигнут уровня, когда они смогут на равных конкурировать с США. В настоящее время Китай в ядерной триаде и в других компонентах военной мощи существенно уступает США. Именно потенциал усиления военной составляющей Китая подтолкнул США пойти на провокацию с визитом Н. Пелоси.

У политических лидеров КНР хватило выдержки на то, чтобы не переводить случившийся в августе 2022 г. кризис в вооруженное противостояние. Китайское руководство ясно понимало потенциальные риски военной, политической и экономической эскалации конфликта между КНР, Тайванем и США. В него неизбежно начали бы втягиваться внешние силы, представляющие прозападные страны. При этом основное противостояние осуществлялось бы не на поле боя, а в экономической сфере. Прямая конфронтация между Пекином и Вашингтоном стала отличительной характеристикой четвертого кризиса безопасности в Тайваньском проливе.

ОТВЕТ «С КИТАЙСКОЙ СПЕЦИФИКОЙ»

Пекин не поддался на провокацию со стороны Вашингтона и не пошёл на открытый военно-политический конфликт с США. Не было предпринято никаких радикальных шагов, Пекин не стал обстреливать остров или самолёт Н. Пелоси. Китайская модель политического ответа была направлена на формирование позитивного общественного мнения вокруг того, что происходило с Тайванем. Китай попытался объяснить международному сообществу, что это провокация, и что она началась не со стороны КНР.

Китай оказался в непростой ситуации. Если бы он начал отвечать резкими действиями, например, проведением десантной операции с высадкой на Тайвань или атаками на американские корабли, то это привело бы не только к усугублению ситуации, но и к обвинению Китая в агрессии.

Если же Китай промолчал или просто ограничился учениями, то его обвинили бы в слабости своей позиции, в неспособности защищать собственные рубежи. Руководство КНР принимало во внимание подобные варианты и попыталось выработать разумный многосторонний подход к решению проблемы.

Пекин до последнего момента держал окно возможностей открытым. Было много призывов (достаточно вспомнить упомянутый выше телефонный разговор Си и Байдена), чтобы разрешить назревающую ситуацию без эскалации

конфликта. Этого не удалось. Таким образом, Китай был вынужден предлагать более жесткие варианты ответа, которые должны были бы затронуть не только политическую сферу, где и так были напряжённые отношения, но и экономический сектор, которому до настоящего момента удавалось избегать масштабных потрясений.

На дипломатическом уровне Китай разъяснил свою позицию, опубликовав Белую книгу «Тайваньский вопрос и дело воссоединения Китая в новую эпоху». Документ был подготовлен Канцелярией Госсовета КНР по делам Тайваня и опубликован пресс-канцелярией Госсовета КНР 10 августа 2022 г. [11]. Основной посыл, который был заложен в данный документ, заключается в том, чтобы в очередной раз сообщить международному сообществу, что Тайвань – это неотъемлемая часть Китая. Далее в документе раскрывается содержание этого понятия, а именно, несмотря на то что мирное воссоединение с Тайванем является приоритетным сценарием, Пекин готов будет пойти на силовой вариант возврата острова. Кроме того, Китай предупредил о своём праве отвечать на провокации со стороны сторонников независимости острова и со стороны третьих стран.

Сразу же после окончания визита Н. Пелоси на Тайвань политическое руководство КНР заявило о разрыве прямой телефонной связи между командующими войсками, о приостановке механизма рабочих встреч между оборонными ведомствами Китая и США, о замораживании переговоров, связанных с противодействием международному наркотрафику, о выходе Пекина из переговоров с Вашингтоном по вопросам изменения климата и о прекращении диалога о безопасности на море [12].

Кроме того, КНР объявила о проведения военных манёвров в шести зонах в непосредственной близости от Тайваня с 4 по 7 августа. Подобные действия в дипломатических кругах расцениваются как одна из форм ответа Пекина на визит Н. Пелоси на остров.

Помимо ответных мер, в распоряжении Пекина есть также финансовые и торгово-экономические меры оказания давления на тайваньские и на американские компании, работающие на территории Китая. На введение прямых экономических санкций против тайваньских компаний Пекин не пошёл. Но среди возможных вариантов эксперты рассматривали введение военной блокады острова. Подобные действия парализовали бы логистические маршруты и морскую коммуникацию острова. А поскольку Китай является для Тайваня основным торговым партнёром, то у Пекина появлялся очень серьёзный экономический рычаг оказания давления на остров.

При введении подобных мер необходимо учитывать изменение качества отношений с США. У руководства Китая закрепилось понимание того факта, что США готовы идти до конца в противостоянии с КНР. Рассматриваемая провокация является одним из элементов, направленных на замедление развития Китая, в общей системе внешнеполитических усилий Вашингтона, нацеленных на разрушение модели развития Китая.

На международном уровне ответ Китай задействовал возможности международных структур, таких как ШОС, БРИКС для усиления своей позиции. Мы

это уже увидели на примере итоговой декларации, подписанной, в частности, на саммите ШОС в Самарканде в сентябре 2022 года. Благодаря усилиям представителей китайской стороны, которые активно продвигали взаимодействие в строительстве международных отношений нового типа, члены организации в итоговом документе заявили о стремлении избавиться от зависимости доллара в финансово-экономических отношениях и приняли Дорожную карту по постепенному увеличению доли национальных валют во взаимных расчётах [13].

Правительство Китая задействовало также и инструмент персональных ограничений в отношении Н. Пелоси. Уже 5 августа на сайте МИД КНР было опубликовано официальное извещение о введении санкций против спикера Палаты представителей США и её ближайших родственников [14]. Конкретное содержание санкций не раскрывалось, однако не исключено, что они касались коммерческих интересов её супруга и сына, а также аффилированных с ними компаний. На это указывает опубликованная в тот же день редакторская статья «Глобал таймс», официальной англоязычной газеты Коммунистической партии Китая [15]. Таким образом, Пекин чётко дал понять, что все бизнес-проекты семьи Н. Пелоси с Китаем остановлены, то есть любые американские или европейские компании, рассчитывающие сотрудничать с Китаем, должны избегать любых ассоциаций с семьей Н. Пелоси.

Пекин рассчитывал, что подобные санкции могут оказать существенное влияние на благосостояние членов семьи Н. Пелоси и связанных с ними компаний. Известно, что муж Пелоси является клиентом инвестиционного фонда «Мэтьюз интернешнл кэпитал менеджмент» (*Matthews International Capital Management*), который одним из первых присутствовал на китайском инвестиционном рынке. Управляет фондом Вильям Хамбречт, который в свою очередь является другом семьи Н. Пелоси и одним из крупнейших частных спонсоров Демократической партии США [15]. Несколько миллионов долларов из активов семьи Пелоси были инвестированы через этот фонд в Китай.

Кроме того, сын Н. Пелоси занимает должность советника в американской компании «Элтер интернешнл» (*Altair International*), специализирующейся на разработках технологий для литий-ионных элементов питания, и должность советника в канадской компании «Сент-Джордж эко-майнинг» (*St-Georges Eco-Mining*), которая утилизирует литий-ионные элементы питания [16]. В обеих компаниях он отвечает за установление и развитие отношений со стратегическими партнёрами. При этом, основные интересы компаний сосредоточены в Китае, крупнейшем поставщике и крупнейшем рынке в мире для производства и утилизации литий-ионных батарей. До 2021 г. сын Н.Пелоси был вторым акционером китайской компании «Боркс технолоджиз» (*Borqs Technologies*), которая работает в сфере телекоммуникационных технологий и среди партнёров которой значатся такие гиганты, как «Гугл», «Квалком» (*Qualcomm*) и китайская «Чайна мобайл» (*China Mobile*).

Не исключено, что личные активы Н. Пелоси и членов её семьи значительно диверсифицированы как по странам размещения, так и по секторам экономики, однако приведённые данные показывают, что их китайская часть может состав-

лять существенную долю от совокупных средств. Таким образом, введение персональных санкций китайского правительства против Н. Пелоси можно считать одним из конкретных ответных действий на её визит на остров.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В современных реалиях невозможно рассматривать противоречия между Пекином и Тайбэем в отрыве от китайско-американского противостояния. Происходящие локальные геополитические обострения - это часть глобальных изменений структуры международных отношений.

Очередной кризис в Тайваньском проливе, который имел все предпосылки, чтобы перерасти в масштабный военно-политический конфликт, был обусловлен проводимой в регионе политикой США, которая основана на принципе стратегической амбивалентности. С одной стороны, Вашингтон официально заявляет, что придерживаются политики «одного Китая», имея с ним дипломатические отношения. Но в то же время развивает тесные партнёрские отношения, в том числе в оборонной сфере, с Тайванем.

Визит американского чиновника столь высокого ранга, характер его проведения и информационного освещения, стал точкой невозврата в американо-китайских отношениях, что ведёт лишь к ускорению присоединения Тайваня. Китай не поддался на провокацию и сознательно не допустил перехода дипломатического кризиса в острую военно-политическую фазу. При этом Пекин продемонстрировал готовность давать соразмерный ответ во всех сферах современных международных отношений, а именно: на дипломатическом уровне Китай выпустил Белую книгу с разъяснением своей позиции; с точки зрения демонстрации своих военных возможностей, провёл учения в непосредственной близости от Тайваня; на политическом уровне заявил о ответных шагах, приостанавливающих сотрудничество с США; кроме того, использовал инструментарий Вашингтона, введя персональные санкции против Н. Пелоси.

Российская сторона еще накануне визита Н. Пелоси на Тайвань отметила, что поездка носит провокационный характер и ведёт к нарастанию напряжённости в регионе, подчеркнув, что разделяет озабоченность Пекина. В Москве понимают, что силовой сценарий возвращения Тайваня – это крайний вариант для Пекина, так как после этого поменяется экономическая и, самое главное, политическая модель развития Китая, изменится геополитический и дипломатический имидж Китая как миролюбивого государства, которой он выстраивает на протяжении нескольких последних десятилетий. В ходе четвертого кризиса безопасности в Тайваньском проливе Китай продемонстрировал свою мощь, но ни одна ракета не полетела в сторону Тайваня, что подтверждает тезис о том, что Китай не хочет идти на реализацию силового варианта возвращения острова.

В августе 2022 г. мы стали свидетелями одного из проявлений глобальной конфронтации между двумя ведущими политическими и экономическими державами. В среднесрочной перспективе следует ожидать, что геополитическая конкуренция между КНР и США будет продолжаться, её характеристикой ста-

нут попытки каждой из сторон получить поддержку третьих стран. Процесс будет сопровождаться широким применением средств экономической войны, при этом развиваться он будет на фоне ставших открыто конфронтационными американо-китайских отношений, что делает его последствия особенно опасными для всего международного сообщества.

ИСТОЧНИКИ

1. Joint Communiqué on the Establishment of Diplomatic Relations between the People's Republic of China and the United States of America. Sino-U.S. relations: facts and figures, 11.07.2021. Available at: http://www.china.org.cn/world/china_us_facts_2011/2011-07/11/content_22966893.htm (accessed: 01.05.2023).
2. Joint Communiqué on Arms Sales to Taiwan. Joint Communiqué of the USA and the PRC, 1982. Available at: <http://www.taiwandocuments.org/communique03.htm> (Accessed: 11.02.2023).
3. H.R. 2479 (96th): Taiwan Relations Act. GovTrack. United States Congress, 10.04.1979. Available at: <https://www.govtrack.us/congress/bills/96/hr2479/text> (accessed: 01.05.2023).
4. Cooper H. U.S. Approval of Taiwan Arms Sales Angers China. *The New York Times*, 29.01.2010. Available at: <https://www.nytimes.com/2010/01/30/world/asia/30arms.html> (accessed: 01.05.2023).
5. Трамп запретил сделки с платёжными сервисами КНР, включая *Alipay* и *WeChat*. *РБК*, 06.01.2021. Available at: <https://quote.rbc.ru/news/article/5ff5658d9a79470266c89d5c?ysclid=I9baxg8hz4890678830> (accessed: 01.05.2023).
6. Byte Dance оспорила в суде решение о запрете TikTok в США. *РИА Новости*, 20.09.2020. Available at: <https://ria.ru/20200919/tiktok-1577476129.html?ysclid=I9bccw1k4u519243865> (accessed: 01.05.2023).
7. Визит Н. Пелоси на Тайвань. Главное. *РБК*, 03.08.2022. Available at: <https://www.rbc.ru/politics/03/08/2022/62e91a819a794747582ae47b?ysclid=I8u72ahz9I789207436> (accessed: 01.05.2023).
8. Кулинцев Ю.В. Остров преткновения: реальна ли угроза военного конфликта между США и КНР? МДК «Валдай», 03.08.2022. Available at: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/ostrov-pretknoveniya/> (accessed: 01.05.2023).
9. На фоне прилета Пелоси в Тайвань с американской базы на Окинаве подняты в воздух истребители. *Российская газета*, 02.08.2022. Available at: <https://rg.ru/2022/08/02/na-fone-prileta-pelosi-v-tajvan-s-amerikanskoj-bazy-na-okinave-podniaty-v-vozduh-istrebiteli.html?ysclid=Ia0skuufgj186894077> (accessed: 01.05.2023).
10. Beazley, Jordyn. Nancy Pelosi's Taiwan award: What is the Order of Propitious Clouds? *The Guardian*, 03.08.2022. Available at: <https://www.theguardian.com/us-news/2022/aug/03/nancy-pelosis-taiwan-award-what-is-the-order-of-propitious-clouds> (accessed: 01.05.2023).

11. Белая книга о тайваньском вопросе и деле воссоединения Китая в новую эпоху. *Синьхуа* Новости, 10.08.2022. Available at: <https://russian.news.cn/20220810/32c0fe0c6c064ea3b883f20508fdf34d/c.html> (accessed: 01.05.2023).

12. Rhoda Kwan. China halts military, climate ties with U.S. and sanctions Pelosi in fury over Taiwan visit. *CNBC*, 05.08.2022. Available at: <https://www.cnbc.com/2022/08/05/china-halts-climate-military-ties-over-pelosi-taiwan-visit.html> (accessed: 01.05.2023).

13. Самаркандская декларация ШОС. Секретариат ШОС, 16.09.2022. Available at: rus.sectscs.org/load/913203/ (accessed: 01.05.2023).

14. Официальный представитель МИД заявил о санкциях Китая в отношении спикера Палаты представителей США Нэнси Pelosi [Wàijiāo bù fāyán rén xuānbù zhōngfāng duì měiguó guóhuì zhòng yìzhǎng pèi luò xī shíshì zhìcái]. MOFA China, 05.08.2022. Available at: https://www.mfa.gov.cn/fyrbt_673021/202208/t20220805_10735491.shtml (accessed: 01.05.2023) (in Chinese).

15. Sanction Pelosi and her like, make them feel real and lasting pain. *Global Times*, 05.08.2022. Available at: <https://www.globaltimes.cn/page/202208/1272324.shtml> (accessed: 01.05.2023).

16. Nancy Pelosi's son - is a top investor in Chinese telecoms company. *Daily Mail*, 11.08.2022. Available at: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-11102491/Nancy-Pelosis-son-investor-Chinese-telecoms-company.html> (accessed: 01.05.2023).

ЛИТЕРАТУРА

Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. 2019 - 2021: монография. – М.: ИДВ РАН, 2022. – 354 с.

Кузьмин В.А., Верисова А.Д. Китайская политика президента США Б.Обамы: несостоявшееся партнерство в рамках «Большой двойки». *История и современное мировоззрение*. Т. 1, № 3, 2019. Сс. 103-106.

Лафитский В.И., Трощинский П.В. Конституционный путь Китая: К шестидесятилетию Конституции КНР 1954 г. *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения / Journal of foreign legislation and comparative law*. - 2014. - № 4. - С. 646-657.

Лексютина Я.В. США и политика «одного Китая». *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2017;10(5):99-115 (с.104). <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2017-10-5-99-115>

Лузянин С.Г. Китайско-американские отношения после Д. Трампа: оценки, подходы, перспективы. *США & Канада: экономика – политика – культура*. 2021. № 8 С. 75-80. Available at: <https://usacanada.jes.su/s268667300016028-0-1/>. DOI: 10.31857/S268667300016027-9

Рогов С. М. Неравнобедренный треугольник: Россия – США – Китай в новой геополитической обстановке. *США & Канада: экономика – политика – культура*. – 2022. № 8 С. 6-24. Available at: <https://usacanada.jes.su/s268667300021886-4-1/>. DOI: 10.31857/S2686673022080016

Тимофеев О.А. Китайско-американские отношения. История Китая с древнейших времен до начала XXI в. Москва: Наука. 2016. С. 605–611.

REFERENCES

Kuzmin V.A., Verisova A.D. US President Barack Obama's China Policy: Failed Partnership within the G2. *History and Modern Perspectives*. Vol. 1, № 3, 2019. Pp. 103-106.

Lafitsky V.I., Troshchinsky P.V. China's Constitutional Path: On the Sixtieth Anniversary of the 1954 PRC Constitution. *Journal of foreign legislation and comparative law*. - 2014. - № 4. - Pp. 646-657).

Leksyutina Ya.V. The United States and the One China Policy. *Outlines of global transformations: politics, economics, law*. 2017; 10(5):99-115 (с.104). <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2017-10-5-99-115>

Luzyanin S. (2021). Sino-American Relations after D. Trump: Assessments, Approaches, Prospects. *USA & Canada: Economics – Politics – Culture*. no. 8, pp.75-80 DOI: 10.31857/S268667300016027-9

People's Republic of China: politics, economy, culture. 2019 - 2021: monograph. – Moscow.: IFES RAS, 2022. – 354 p.

Richard C. Bush. The Response of China's Neighbors to the U.S. "Pivot" to Asia. The Brookings Institution, 31.01.2012. Available at: <https://www.brookings.edu/on-the-record/the-response-of-chinas-neighbors-to-the-u-s-pivot-to-asia/> (accessed: 01.05.2023).

Rogov S. (2022). Inequilateral Triangle: Russia-USA-China in the new geopolitical environment. *USA & Canada: Economics – Politics – Culture*. no. 8, pp.6-24 DOI: 10.31857/S2686673022080016

Taiwan Strait: 21 July 1995 to 23 March 1996. *Global Security*, 22.203.1996. Available at: https://www.globalsecurity.org/military/ops/taiwan_strait.htm (accessed: 01.05.2023).

Timofeev O.A. Sino-American relations. History of China from ancient times to the beginning of the XXI century. Moscow: Science. 2016. Pp. 605–611.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

КУЛИНЦЕВ Юрий Викторович, кандидат политических наук, заместитель директора по молодёжной политике Института Китая и современной Азии РАН, руководитель Центра мировой политики и стратегического анализа Института Китая и современной Азии РАН (117997, Москва, Нахимовский проспект, 32

KULINTSEV Yury V., Candidate of Sciences (Political), Deputy Director for Youth Policy of the Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences, Head of the World Politics and Strategic Analysis Center of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences. 32 Nahimovsky prosp., Moscow, 117218, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 05.05.2023 / Received 05.05.2023.

Поступила после рецензирования 14.05.2023 / Revised 14.05.2023.

Статья принята к публикации 16.05.2023 / Accepted 16.05.2023.

JEL: F53

УДК: 327; 339.5

DOI: 10.31857/S268667302307009X

EDN: GLXUII

США, Китай и Россия в новой глобальной политической среде

А.Ф. Клименко

Институт Китая и современной Азии Российской академии наук (ИКА РАН).

Российская Федерация, 117997, Москва, Нахимовский пр-т, д. 32.

РИНЦ ID: 250693

ORCID: 0000-0003-4925-6229

e-mail: klimenko46@mail.ru

Резюме: Гибридная война, развязанная США и коллективным Западом на фоне проводимой Россией специальной военной операции против неонацистского режима Украины, резко осложнила международную обстановку в Большой Евразии.

На европейском направлении Украина с 2014 г. на территории Донецкой и Луганской областей ведёт войну на уничтожение собственного народа, выступившего против политики, проводимой захватившими власть в результате вооружённого путча неонацистами. Одновременно под патронажем и при всесторонней помощи США в течение 8-ми лет она вела подготовку к войне с Россией за возврат Крыма и с другими далеко идущими (как выяснилось позже) целями.

В данной обстановке в России было принято решение по проведению упреждающей специальной военной операции с целью защиты соотечественников с последующей демилитаризацией и денацификацией Украины. Всё это вылилось в гибридную войну коллективного Запада против России.

Особенность нынешнего этапа этой войны состоит в том, что Россия в противостоянии пятидесяти государствам объединённого Запада оказалась не в одиночестве.

Даже ряд ближайших союзников США по НАТО саботируют призывы Вашингтона к оказанию помощи неонацистскому режиму Украины. Игнорирует антироссийские санкции Венгрия, отказались от поставок тяжелого вооружения Украине Австрия, Хорватия и ряд других участников альянса. И даже азиатский союзник США – Южная Корея присоединилась к ним: президент Юн Сок Ёль заявил, что это законодательно запрещено в отношении стран, находящихся в состоянии войны.

На другом направлении, в Азиатско-Тихоокеанском регионе, США с союзниками наращивают усилия по совершенствованию имеющихся и созданию новых форматов с целью стратегического сдерживания Китая, оказывающего поддержку России в её борьбе.

Эти действия США и их союзников придали новый импульс российско-китайскому сотрудничеству в деле построения нового мирового порядка, основанного на международном праве.

Ключевые слова: Россия, Китай, США, специальная военная операция, Тайвань, Индо-Тихоокеанский регион, безопасность

Для цитирования: Клименко А.Ф. США, Китай и Россия в новой глобальной политической среде. *США & Канада: экономика, политика, культура.* 2023; 53 (7): 107-116. DOI: 10.31857/S268667302307009X EDN: GLXUII

USA, China and Russia in the New Global Political Environment

Anatoly F. Klimenko

Institute of China and Modern Asia of the Russian Academy of Sciences (ICSA RAS).

32 Nakhimovsky Ave., Moscow, 117997, Russian Federation.

PIИЦ ID: 250693 ORCID: 0000-0003-4925-6229 e-mail: klimenko46@mail.ru

Abstract: The hybrid war unleashed by the United States and the collective West against the background of Russia's special military operation against the neo-Nazi regime of Ukraine has sharply complicated the international situation in Greater Eurasia.

In the European direction, Ukraine has been waging a war on the territory of Donetsk and Luhansk regions since 2014 to destroy its own people, who opposed the policy pursued by neo-fascists who seized power as a result of an armed coup. At the same time, under the patronage and with the comprehensive assistance of the United States, for 8 years she was preparing for a war with Russia for the return of the Crimea, and with other far-reaching (as it turned out later) goals.

In this situation, a decision was made in Russia to conduct a preemptive Special military operation to protect compatriots with the subsequent demilitarization and denazification of Ukraine. All this resulted in a "hybrid war" of the collective West against Russia.

The peculiarity of the current stage of this war is that Russia was not alone in the confrontation with the fifty states of the united West.

Even a number of the closest US allies in NATO are sabotaging Washington's calls for assistance to the neo-fascist regime of Ukraine. Hungary ignores anti-Russian sanctions, Austria, Croatia and a number of other alliance members refused to supply heavy weapons to Ukraine. And even the Asian ally of the United States, South Korea, joined them: President Yoon Seok Yel said that this is legally prohibited in relation to countries at war.

In the other direction, in the Asia-Pacific region, the United States and its allies are stepping up efforts to improve existing and create new formats in order to strategically deter China, which supports Russia in its struggle.

These actions by the United States and its allies have given a new impetus to Russian-Chinese cooperation in building a new world order based on international law.

Keywords: Russia, China, USA, special military operation, Taiwan, Indo-Pacific region, security.

For citation: Klimenko A.F. The USA, China and Russia in the new global political environment. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2023; 53 (7): 107-116.

DOI: 10.31857/S268667302307009X EDN: GLXUII

ВВЕДЕНИЕ

Специальная военная операция, которую проводит Российская Федерация с целью освобождения Донбасса, демилитаризации и денацификации Украины, привела к трансформации всей системы международных отношений, сформировавшихся после Второй мировой войны. Россия бросила Вашингтону, который использует Украину в целях нанесения «стратегического поражения» РФ,

серьёзнейший военно-политический вызов. А Китай, её стратегический партнёр, переиграл американцев на их же поле – экономическом.

В создавшихся условиях главные противники России сосредоточены на Евро-Атлантическом направлении. Для Китая же резко обострилась обстановка вокруг Тайваня и, в целом, на Индо-Тихоокеанском театре. Здесь под эгидой США активизировано формирование пояса сдерживания КНР, одной из задач которого является ослабление возможностей Китая по оказанию содействия своему стратегическому партнёру – России в её борьбе с коллективным Западом.

США, чтобы не допустить ослабления своего глобального, по их мнению, доминирования, в противодействии России и Китаю готовы, с опорой на коллективный Запад и его ударную силу, – НАТО, идти до победного конца.

Всё это актуализировало тему российско-китайского взаимодействия по вопросам безопасности как на двусторонней, так и на многосторонней основе в различных форматах международного сотрудничества, участниками которых являются оба наших государства.

Целью настоящего исследования является системный анализ стратегии Вашингтона и его союзников по сдерживанию КНР, влияния их действий на российско-китайское сотрудничество и разработка некоторых предложений по решению проблем безопасности, общих для наших государств, а также по обеспечению региональной стабильности.

США – БЕНИФИЦИАР АНТИРОССИЙСКОЙ ГИБРИДНОЙ ВОЙНЫ

Сейчас уже ни для кого не является секретом, что так называемая гибридная война коллективного Запада, развязанная под руководством и при непосредственном участии США против России, готовилась давно и тщательно. А начатая в феврале 2023 г. российская специальная военная операция (СВО) на Украине – не более чем предлог для перевода в практическую плоскость планов Запада по устранению России с мировой арены как независимого и влиятельного игрока. Цель Вашингтона в этой гибридной войне – нанести «стратегическое поражение» России [1]. В этом же русле «работает» и параллельная реализация идеи Зб. Бжезинского, что «без Украины Россия не будет евразийской империей» [2].

На фоне российско-украинского конфликта США прилагают все усилия, чтобы «поставить в строй» своих сателлитов. И не только в Европе, но и в Восточной Азии, где Вашингтон в качестве основной и долгосрочной угрозы своему доминированию обозначил Китайскую Народную Республику, ведущую со дня своего образования борьбу за воссоединение с Тайванем.

Председатель КНР Си Цзиньпин назвал тайваньский вопрос «сердцевиной коренных интересов Китая» и «красной линией», которую нельзя пересекать в американо-китайских отношениях. По словам лидера КНР, «китайский народ никогда не допустит, чтобы Тайвань был независимым от Китая» [3]. Он также предостерег США от того, чтобы вопрос Тайваня использовался как инструмент сдерживания КНР.

Поэтому в ответ на августовский 2022 г. визит спикера Палаты представителей США Нэнси Пелоси в Тайбэй, состоявшийся вопреки протестам Пе-

кина, Китай провёл серию крупномасштабных военно-морских учений, фактически взяв остров в кольцо. А на церемонии открытия XX съезда Компартии КНР в октябре 2022 г. Си Цзиньпин заявил, что выполнение плана по модернизации Народно-освободительной армии Китая (НОАК) и превращению её в армию «мирового класса» к 2027 г. - «стратегическая задача для строительства современного социалистического государства» [4].

По итогам работы первой сессии Всекитайского собрания народных представителей военный бюджет Китая в 2023 году был увеличен на 7,2%, до 1,553 трлн юаней (около 224,85 млрд долл.). В своём председателе КНР ещё раз призвал «всесторонне продвигать модернизацию национальной обороны и вооружённых сил, превратить НОАК в стальную стену для эффективной защиты национального суверенитета, безопасности и интересов развития» [5]. Он отметил, что Китай будет неуклонно продвигать процесс воссоединения с Тайванем и подчеркнул, что КНР выступит решительно против вмешательства внешних сил в вопрос Тайваня и сепаратистских действий, нацеленных на независимость острова.

Очевидно, с учётом этого генерал ВВС США М. Минихан в своей служебной записке заявил, что Соединённые Штаты должны быть готовы вступить в войну с Китаем к 2025 г. По его мнению, власти Китая «могут воспользоваться президентскими выборами в США в 2024 г., чтобы провести операцию по установлению контроля над Тайванем» [6]. Опасения генерала подтвердил бывший глава Тихоокеанского командования ВС США адмирал ВМС в отставке Ф. Дэвидсон, который считает, что «Китай может попытаться напасть на Тайвань до 2027 года» [7].

Конечно, нет конкретных данных о том, что в Пекине определены сроки воссоединения с Тайванем и маловероятно, что конфликт между США и КНР произойдет в 2025 году. Но нельзя не замечать наращивания Вашингтоном военных усилий в регионе и подключения к этому процессу европейских союзников по НАТО. *Очевидная цель коллективного Запада во главе с США – нейтрализовать результаты деятельности Китая по модернизации НОАК и упредить её превращение в армию «мирового класса».*

В опубликованной в феврале 2022 г. в Белом доме Стратегии США в Индо-Тихоокеанском регионе (ИТР) подчёркивалось, что «усиливающееся внимание (к региону. – Прим. автора) со стороны Америки объясняется тем фактом, что перед ИТР стоят всё большие вызовы, в особенности со стороны КНР [8].

В этом документе, который стал окончательной версией обнародованных в мае 2021 г. «Контуров стратегии США для Индо-Тихоокеанского региона» (*U.S. Strategic Framework for the Indo-Pacific*), по замечанию главного научного сотрудника Института Китая и современной Азии РАН В.Е. Петровского, «демонстрируется преимущество внешнеполитической линии Вашингтона по стратегическому сдерживанию Китая» [Петровский В.Е., 2022: 116].

ФОРМИРОВАНИЕ «ПОЯСА СДЕРЖИВАНИЯ» КНР В ИНДО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ

В плане нейтрализации «китайских вызовов», для стратегического сдерживания Китая, особого внимания заслуживает ряд подготовительных мер адми-

нистрации Дж. Байдена по развёртыванию в регионе нового образования, которое можно определить, как «Индо-Тихоокеанский филиал НАТО». Системный анализ этих мер ещё раз подтверждает преемственность антикитайской политики Вашингтона, которую условно можно разделить на несколько этапов.

Напомним, что *на первом этапе* для усиления своих позиций в противостоянии Пекину в АТР Вашингтон делает ставку на альянсы АУКУС (AUKUS) – США, Великобритания и Австралия [9] и «Четвёрка» (QUAD) – США, Индия, Япония, Австралия [Уянаев С.В., 2022: 11], которые, очевидно, должны были стать костяком будущего индо-тихоокеанского союза и которые Пекин вполне справедливо счёл элементом сдерживания своего государства.

Создание двух альянсов Вашингтону потребовалось для разведения задач военного (АУКУС) и экономического («Четвёрка») сдерживания КНР по разным партнёрствам. Понятно, что чисто англосаксонский АУКУС больше подходит для решения первой из названных задач. А вокруг второго формата предполагается собирать не столь «надёжные» в этом плане региональные страны, прежде всего из состава Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), для экономического противодействия КНР. Но следует иметь в виду, что образование (АУКУС затрагивает и Россию, учитывая, что недружественная ей Австралия будет через некоторое время обладать атомным подводным флотом, что неизбежно вызовет очередной виток гонки вооружений в регионе [10].

В качестве второго подготовительного этапа можно отметить июньскую 2022 г. инициативу США, Великобритании, Японии, Австралии и Новой Зеландии по созданию следующего «тихоокеанского регионального партнёрства» под названием «Партнёры в голубом Тихом океане» (*Partners in the Blue Pacific, RBP*). Его основная цель – усиление поддержки приоритетов региона в политике, экономике, безопасности и экологии. А если конкретнее, то «укрепление связей с малыми островными государствами в южной части Тихого океана». Негласно предполагалось, что прозападный РВР станет альтернативой китайскому проекту «Один пояс – один путь» и, таким образом, «уменьшит влияние Китая в Южно-Тихоокеанском регионе» [11]. Японское агентство *Kyodo* со ссылкой на правительственные источники подтвердило, что «Канада предложила США, Южной Корее и Японии сотрудничество с целью противодействия России и Китаю» [12]. Но отличие РВР от «Четвёрки» состоит в отсутствии в последнем из названных «колеблющейся» Индии, что, очевидно, по замыслу авторов повысит надёжность этого формата.

Таким образом, в ИТР возникает *принципиально новая сетевая структура*, в которую входят не только классические военно-политические альянсы, но и более гибкие соглашения, включающие и военное сотрудничество.

Кстати, Индии действительно пока удаётся избежать принятия жёстких обязательств в рамках «Четвёрки». Хотя её присоединение в 2020 г. к соглашению о тыловой поддержке между Вашингтоном и его союзниками Японией и Австралией было шагом в этом направлении.

С января 2023 г. начинается, по-видимому, *завершающий этап экспансии НАТО* в Азиатско-Тихоокеанский регион. В этом месяце генеральный секретарь альянса Йенс Столтенберг посетил Японию и Южную Корею. По сообщению

китайской газеты «Глобал таймс» (*Global Times*), целью его визита является глобализация зоны ответственности НАТО и создание в Азии ядерного плацдарма против Китая, России и КНДР. В статье прямо заявлено: «Его цель ясна – привлечь Южную Корею к сотрудничеству в рамках НАТО. Совместное использование ядерного оружия – это также предлог, с помощью которого власть НАТО может быть распространена на Северо-Восточную Азию» [13].

Следует заметить, что всем этим событиям предшествовал саммит НАТО, прошедший 29–30 июня 2022 г. в Мадриде. Особенность саммита состояла в том, что впервые на этом форуме участвовали главы Японии и Республики Корея. И впервые в документах организации в качестве общей угрозы был обозначен Китай. На мадридском саммите премьер-министр Японии Фумио Кисида предложил рассмотреть *постоянное размещение* представителей японских Сил самообороны в штаб-квартире НАТО, а также участие Японии, Австралии, Новой Зеландии и Республики Корея в работе альянса, поскольку «безопасность Европы и Индо-Тихоокеанского региона неотделимы друг от друга, и попытки изменить статус-кво силой в любом из регионов должны пресекаться совместными действиями» [14].

Президент Республики Корея Юн Сок Ёль поддержал японского лидера. Но, в отличие от него, корейский президент считает, что «взаимодействие РК с НАТО не должно быть направлено против какой-либо конкретной страны» [15]. Таким образом, руководство страны не готово противопоставлять себя Пекину и полностью подключаться к американским инициативам по сдерживанию Китая. Следует отметить и неоднозначное отношение в каждом из двух государств к перспективам налаживания практического взаимодействия по вопросам безопасности вследствие нерешенных проблем, в том числе по вопросам компенсаций жертвам японской оккупации, а также категоричной позицией РК в отношении территориальных проблем (острова Токто/Такэсима) и ряда других противоречий.

В итоге, очевидно с учётом особого мнения глав Южной Кореи и Японии, в принятой на саммите Стратегической концепции НАТО было относительно мягко сказано, что «амбиции и наступательная политика Пекина представляют вызов интересам, безопасности и ценностям участников Североатлантического альянса». Но вместе с тем упомянута и обеспокоенность «углублением стратегического партнёрства между Москвой и Пекином» [16].

Параллельно всем приведённым выше политическим манипуляциям Соединённые Штаты в рамках геополитического противостояния с Китаем приступили к практическому наполнению принятых решений, значительно расширив военное присутствие в Индо-Тихоокеанском регионе. Так, Министерство обороны, совершенствуя возможности военной логистики «в преддверие потенциального конфликта с КНР из-за Тайваня», развернуло на территории Филиппин ещё четыре базы в дополнение к семи имеющимся: на острове Лусон, обращённом на север, в сторону Тайваня, и на острове Палаван – недалеко от спорных островов Спратли в Южно-Китайском море.

Одновременно в Вашингтоне объявлено о размещении подразделения морской пехоты на принадлежащей Японии Окинаве для «разведки и наблюдения, а также с возможностью стрельбы противокорабельными ракетами». Это значительная кор-

ректировка дислокации вооружённых сил США: Окинава расположена примерно в 200 милях от северной части Тайваня, примерно на таком же расстоянии, как Филиппины от южной оконечности острова, на который претендует Пекин.

А в феврале 2023 г. развёрнута новая база на стратегически важном о. Гуам, расположенном к востоку от Филиппин. На этой базе планируется разместить до бригады морской пехоты (около 5000 военнослужащих). По мнению коменданта Корпуса морской пехоты, генерал Д. Бергера, наращивание военного присутствия «служит ключом к региональной безопасности и стабильности в Индо-Тихоокеанском регионе» [17]. Но, анализируя это наращивание, с другой стороны, нужно отметить, что оно «направлено на постепенное возрождение, а вернее – совершенствование давно известной американской “стратегии анаконды”, предназначенной для “удушения” Китая, а вместе с ним и России» [Клименко А.Ф., 2022: 17].

Таким образом, Индо-Тихоокеанская стратегия США и развивающая её содержание Стратегическая концепция НАТО, впервые дополненная установками относительно намерений альянса по ИТР, а также практическая реализация этих документов подрывают основы безопасности, заложенные партнёрами АСЕАН. Вместо открытой и равноправной структуры безопасности и сотрудничества, нацеленной на обеспечение равной безопасности для всех заинтересованных стран, эти документы предполагают милитаризацию АТР и направлены на сдерживание Китая и российских интересов в этом регионе.

Очевидно, что коллективным Западом под эгидой США одновременно решается и другая задача – разобщить усилия России и Китая, перенацелив их, соответственно, на Восточно-Европейское и Индо-Тихоокеанское направления. В этом плане показательны слова генерал-лейтенанта американской армии Кита Келлога: «Позволив украинцам смести с нашей помощью стратегического противника (Россию. – *Прим. автора*) со стола, мы поможем себе сосредоточиться на том, на чем мы и должны, на основном противнике – Китае... Конфликт, в который мы ввязались на Украине, идёт не только против России, но и против её нового союзника в лице Китайской Народной Республики» [18].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение следует заметить, что создание филиала НАТО под эгидой Соединённых Штатов в АТР подрывают основы безопасности, заложенные партнёрами АСЕАН в регионе. Вместо открытой и равноправной структуры безопасности и сотрудничества, нацеленной на обеспечение равной безопасности для всех заинтересованных стран, эти документы предполагают его милитаризацию и направлены на сдерживание Китая и российских интересов в этом регионе.

Поэтому альтернативы объединению усилий наших двух стран, России и Китая, в их общей борьбе против коллективного Запада нет. Но этого недостаточно. Нашими стратегическими партнёрами могут и реально должны стать также другие государства-участники СНГ, ЕАЭС, ШОС и ОДКБ. В последующем к ним может быть подключена и БРИКС.

Но для этого нужно вести целенаправленную работу по консолидации усилий названных форматов политического, экономического и военного сотрудничества для решения общих задач по обеспечению стабильности и безопасности, первоначально на пространстве Восточной Евразии. А в последующем, с подключением государств-участников БРИКС - расширения этого пространства и построения своеобразной *сетевой структуры* в целях обеспечения региональной стабильности *и комплексной (экономической, финансовой, продовольственной, военной и др.) и равной безопасности для всех государств-участников вышеуказанных форматов*.

Собственно говоря, на это нацеливает и принятое по итогам мартовского 2023 г. визита в Россию китайского лидера Си Цзиньпина «Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики об углублении отношений всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху». В заявлении подчёркивается:

во-первых, Россия и Китай, «выражая большую озабоченность усилением связей НАТО со странами Азиатско-Тихоокеанского региона по военным вопросам и вопросам безопасности, подрывом Организацией регионального мира и стабильности <...> выступают против формирования в Азиатско-Тихоокеанском регионе закрытых эксклюзивных блоковых структур, блоковой политики и противоборствующих лагерей». Обе наши страны «полны решимости продолжать тесное взаимодействие по вопросам региональной и глобальной безопасности <...> координировать позиции по значимым вопросам глобального и регионального масштаба, прилагать усилия для защиты мира и безопасности»;

во-вторых, стороны «продолжат тесное взаимодействие в укреплении роли и влияния ШОС в обеспечении мира, безопасности и стабильности на её пространстве. Совместно с другими государствами – членами ШОС они намерены прилагать усилия по совершенствованию деятельности Организации в интересах эффективного противостояния новым вызовам и угрозам». А учитывая позитивный вклад ОДКБ в обеспечение региональной безопасности, «стороны отмечают потенциал для развития сотрудничества между ОДКБ и КНР в целях обеспечения мира и стабильности региона» [19].

Дело за претворением в жизнь этих важных деклараций для обеспечения мира и стабильности на всём пространстве Большой Евразии.

ИСТОЧНИКИ

1. Послание Президента Федеральному Собранию. *Сайт президента РФ*. 21.02.2023. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/70565> (accessed 24.03.2023).
2. Brzezinski Z. (1997). The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives, Basic Books. 223 p.
3. МИД Китая ещё раз указал на тайваньский вопрос как красную линию в отношениях с США. Available at: <https://club-tm.ru/news/1848884-mid-kitaya-esche-raz-ukazal-na-tajvanskij-vopros-kak-krasnuyu-liniyu-v-otnosheniyah-s-ssha.html> (accessed 14.03.2023).
4. Ворopaева Е. Си Цзиньпин призвал создать армию «мирового класса» к 2027 году. Available at: <https://www.rbc.ru/politics/16/10/2022/634b88e09a79474d0c84a509> (accessed 14.03.2023).

5. Обзор российских и иностранных СМИ 28 февраля - 13 марта 2023 года № 96. Available at: <https://rbc.ru/wp-content/uploads/2023/03/№96-28.02.2023-13.03.2023-rcbc.pdf> (accessed 14.03.2023).

6. Генерал ВВС США призвал подчиненных готовиться к войне с Китаем в 2025 году. Available at: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/16908103> (accessed 10.03.2023).

7. Экс-глава Тихоокеанского командования ВС США считает, что Китай может напасть на Тайвань. Available at: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/16860661> (accessed 24.03.2023).

8. "Indo-Pacific Strategy of the United States. February 2022. The White House, Washington", 5 p. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/02/U.S.-Indo-Pacific-Strategy.pdf> (accessed 25.02.2023).

9. Иванов В. AUKUS – индо-тихоокеанский рубеж глобального НАТО. Available at: https://pvo.ng.ru/gpolit/2021-09-30/1_1160_aucus.html (accessed 30.03.2023).

10. Пироженов В. США плетут сеть антикитайских союзов. *Фонд стратегической культуры. Электронное издание.* 27.09.2021. Available at: <https://www.fondsk.ru/news/2021/09/27/ssha-pletut-set-antikitajskih-sojuzov-54568.html> (accessed 12.03.2023).

11. Пале С. «Партнёры в Голубом Тихоокеанском регионе (РВР)»: кто они и каковы их цели? *Онлайн-журнал «Новое восточное обозрение».* 07.03.2023. Available at: <https://journal-neo.org/2023/03/07/partners-in-the-blue-pacific-pbp-who-are-they-and-what-their-goals-are/> (accessed 23.03.2023).

12. Канада за новый альянс против России и Китая. Available at: <https://haqqin.az/news/278092> (accessed 23.03.2023).

13. Визит генсека НАТО в Южную Корею назвали «ядерной приманкой». Available at: <https://sevastopol.su/news/vizit-genseka-nato-v-yuzhnuyu-koreyu-nazvali-yadernoy-primankoy> (accessed 25.03.2023).

14. Губин А. Расширение Востока в НАТО: новые подходы Японии и Республики Корея к обеспечению безопасности. *Российский совет по международным делам.* Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rasshirenie-vostoka-v-nato-novye-podkhody-yaponii-i-respubliki-koreya-k-obespecheniyu-bezopasnosti/> (accessed 25.03.2023).

15. Асмолов К. Юн Сок Ёль на саммите НАТО. *Сетевое издание «Новое восточное обозрение».* 05.07.2022. Available at: <https://ru.journal-neo.org/2022/07/05/yun-sok-yol-na-sammite-nato/> (accessed 26.03.2023).

16. Столетов М. НАТО в АТР: реальность и перспективы. Зачем США создают глобальный военно-политический альянс. *Интернет-газета Столетие.* 09.09.2022. Available at: https://www.stoletie.ru/tekuschiy_moment/nato_v_atr_realnost_i_perspektivy_147.htm (accessed 24.03.2023).

17. США решили окружить Китай своими военными базами. Available at: <https://krasprezident.ru/politika/ssha-reshili-okryit-kitai-svoimi-voennymi-bazami.html> (accessed 29.03.2023).

18. Пентагон не скрывает, что украинская кампания – лишь разминка. Available at: <https://dzen.ru/a/ZAc-BO9yJQTJOSZu> (accessed 24.03.2023).

19. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики об углублении отношений всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху. Available at: <http://kremlin.ru/supplement/5920> (accessed 24.03.2023).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Клименко А.Ф. Современные проблемы обеспечения военной безопасности в АТР. *Безопасность в Индо-Тихоокеанском регионе в контексте Индо-Тихоокеанской стратегии США* / отв. ред. Т. М. Мамахаев. М.: ИКСА РАН, 2022. С. 11-24. DOI: 10.48647/IFES.2022.99.83.002

Петровский В.Е. Концепции и реальности «Индо-Тихоокеанского партнёрства»: взгляды из Китая. *Китай в мировой и региональной политике. История и современность*. Выпуск XXVII: ежегодное издание / сост. отв. ред. Е.И. Сафронова. – М.: ИКСА РАН, 2022. С. 112-123. DOI: 10.48647/IFES.2022.62.35.024

Уянаев С.В. Подходы Китая к концепции Индо-Тихоокеанского региона и её влияние на трёхстороннее взаимодействие России Индии и Китая. *Безопасность в Индо-Тихоокеанском регионе в контексте Индо-Тихоокеанской стратегии США* / отв. ред. Т. М. Мамахаев. М.: ИКСА РАН, 2022. С. 154-167. DOI: 10.48647/IFES.2022.73.35.011

REFERENCES

Klimenko, A.F. (2022). Sovremennyye problemy obespecheniya voyennoy bezopasnosti v ATR [Modern problems of ensuring military security in the Asia-Pacific region] / Bezopasnost' v Indo-Tikhookeanskom regione v kontekste Indo-Tikhookeanskoy strategii SShA [Security in the Indo-Pacific region in the context of the US Indo-Pacific Strategy] / T.M. Mamachatov (ed.). - Moscow: Institute of China and Modern Asia of the Russian Academy of Sciences: 11-24. (In Russ.). DOI: 10.48647/IFES. 2022.99.83.002

Petrovskiy, V.E. (2022). Kontseptsii i real'nosti «Indo-Tikhookeanskogo partnerstva»: vzglyady iz Kitaya [Concepts and realities of the "Indo-Pacific Partnership": Views from China] / Kitay v mirovoy i regional'noy politike. Istoriya i sovremennost'. Vypusk XXVII: ezhegodnoye izdaniye [China in World and regional politics. History and modernity. Iss. 27]/ E.I. Safronova (ed.). - Moscow: Institute of China and Modern Asia of the Russian Academy of Sciences:112-123. (In Russ.). DOI: 10.48647/IFES.2022.62.35.024

Uyanayev, S.V. (2022). Podkhody Kitaya k kontseptsii Indo-Tikhookeanskogo regiona i eye vliyaniye na trekhstoronneye vzaimodeystviye Rossii Indii i Kitaya [China's Approaches to the concept of the Indo-Pacific region and its Impact on the Trilateral Cooperation between Russia, India and China] / Bezopasnost' v Indo-Tikhookeanskom regione v kontekste Indo-Tikhookeanskoy strategii SShA [Security in the Indo-Pacific region in the context of the US Indo-Pacific Strategy] / T.M. Mamachatov (ed.). - Moscow: Institute of China and Modern Asia of the Russian Academy of Sciences:154-167. (In Russ.). DOI: 10.48647/IFES. 2022.73.35.011

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

КЛИМЕНКО Анатолий Филиппович, кандидат военных наук, ведущий научный сотрудник Центра Россия, Китай и мир Института Китая и современной Азии Российской академии наук.

Anatoly F. KLIMENKO, Candidate of Military Sciences, Leading Researcher at the Center Russia, China and the World of the Institute of China and Modern Asia of the Russian Academy of Sciences.

Российская Федерация, 117997, Москва, Нахимовский проспект, д. 32.

32, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117997, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 12.04.2023 / Received 12.04.2023.

Поступила после рецензирования 21.04.2023 / Revised 21.04.2023.

Статья принята к публикации 22.04.2023 / Accepted 22.04.2023.

УДК: 94

DOI: 10.31857/S2686673023070106

EDN: GMHUUS

Проблемы восприятия внешней политики КНР как фактор китайско-американского противостояния

И.Ю. Зуенко

Институт Китая и современной Азии Российской академии наук (ИКА РАН).

Российская Федерация, 117997, Москва, Нахимовский проспект, д. 32.

Researcher ID: AAB-5070-2020 Scopus Author ID: 57211944845

РИНЦ ID: 802840

ORCID ID: 0000-0002-9853-9703 E-mail: ivanzuwei@gmail.com

Резюме: Статья посвящена проблеме восприятия внешнеполитической стратегии и идеологии КНР в западных странах, прежде всего – США. Несмотря на то, что внешняя политика Пекина представляет собой сложный комплекс различных противоречивых установок, западные наблюдатели фокусируются на тех из них, которые позволяют трактовать действия Китая как движение по пути к мировой гегемонии. Подобное понимание является основой для антикитайской политики Запада, которая, в свою очередь, вынуждает Пекин ей противостоять. При этом стремление к мировой гегемонии не постулируется в китайских доктринальных документах и не подтверждается реальными действиями.

Ключевые слова: Китай, США, внешняя политика, декаплинг, гегемония

Для цитирования: Зуенко И.Ю. Проблемы восприятия внешней политики КНР как фактор китайско-американского противостояния. *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2023; 53(7): 117–126.

DOI: 10.31857/S2686673023070106 EDN: GMHUUS

Misperception of Chinese Foreign Policy as a Factor of US-China Decoupling

Ivan Yu. Zuenko

Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences.

32, Nakhimovsky Ave., Moscow, 117997, Russian Federation.

Researcher ID: AAB-5070-2020 Scopus Author ID: 57211944845

РИНЦ ID: 802840

ORCID ID: 0000-0002-9853-9703 E-mail: ivanzuwei@gmail.com

Abstract: The article is dedicated to the problem of misperception of foreign policy strategy and ideology of People's Republic of China. Nowadays Chinese foreign policy is a complex, situational set of attitudes, reflecting the contradictory nature of the modern Chinese state. Western countries focus only on ambitions of current Chinese leadership while Beijing has to counteract U.S. anti-Chinese efforts based on American idea that China is striving for world domination and will fight for this domination with America. Although neither Beijing's doctrine documents nor its actions testify to this.

Keywords: China, USA, foreign policy, Sino-American decoupling, hegemony

For citation: Zuenko, I.Yu. Misperception of Chinese Foreign Policy as a Factor of US-China Decoupling. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2023; 53 (7): 117-126. DOI: 10.31857/S2686673023070106 EDN: GMHUUS

ВВЕДЕНИЕ

История китайско-американских отношений, несмотря на заявления отдельных экзальтированных американских политиков о якобы «тысячелетней борьбе Китая и США» [8], длительное время развивалась вне парадигмы их экзистенциальной борьбы друг с другом. В Китае помнят о том, что США являлись одним из субъектов империалистской колониальной политики западных держав по отношению к ослабевшей азиатской державе во второй половине XIX – первой половине XX века, но в то же время признают, что непосредственно с США китайцы не воевали столь же полномасштабно, как, например, с Великобританией, Францией и Японией*, а так называемая «политика открытых дверей», которую из своих конъюнктурных интересов продвигал Вашингтон в 1920–1930-х годах, действительно способствовала ослаблению внешнего давления на Китай.

В ещё большей степени о планомерном позитивном развитии отношений двух стран, несмотря на различие идеологии правящей элиты, можно говорить применительно к отношениям КНР и США. Сначала, в 1970-е годы, США в интересах борьбы против СССР пошли на сближение с Пекином (ценой формального разрыва с Тайбэем), а затем, хотя в политическом сотрудничестве и появились трещины, по мере того как власти КНР проявляли стремление к подлинно суверенному поведению и не спешили повторять «восточноевропейский вариант» демократизации режима, обоюдовыгодные торгово-экономические связи продолжали укрепляться.

Между тем, в настоящий момент в устах американского политического истеблишмента тезис о необходимости противостояния Китаю приобрёл черты идефикс, идеи экзистенциального значения. Воплощением этого стало заявление государственного секретаря США Энтони Блинкена: «С нашей точки зрения, это соревнование за форму того, что будет в следующем за холодной войной периоде, чьи ценности будут отражены. У нас простой выбор, и это стало очевидно после Второй мировой войны, что мир сам себя не организует. Для США выбор такой: если мы не участвуем в организации, если не занимаем лидерскую роль, это означает, <что> её занимает кто-то другой, возможно, Китай, и не в том ключе, который совпадает с нашими интересами и ценностями» [5].

Не будет преувеличением сказать, что сейчас именно такое восприятие Китая на Западе является магистральным, причём не только в Соединённых Штатах, но и в большинстве европейских стран, а также среди азиатских союзников США. В его основе лежит доведённое до абсурда реалистское понимание сути международных отношений, которое можно представить в виде детской игры в «царя

* Исключения составляют отдельные эпизоды Второй опиумной войны (битва за «барьерные форты» на реке Чжуцзян) и участие американцев в экспедиции «Альянса восьми держав» по подавлению Боксёрского восстания.

горы». Американцы исходят из того, что любая великая держава должна бороться за позицию мирового гегемона, поскольку обратная линия поведения будет означать, что место «царя горы» займёт кто-то другой, с непредсказуемыми и вряд ли позитивными последствиями (см., например: [Mearsheimer, J., 2014]).

Однако мыслит ли в подобной парадигме сам Китай? И не является ли де-факто объявленная Вашингтоном борьба за мировое лидерство против Китая войной с воображаемым *casus belli*? На эти вопросы призвана ответить данная статья.

Учитывая объёмность темы и ограниченность возможностей, доступных в формате журнальной статьи, автор не ставит перед собой задачи дать расклад того, как именно восприятие «мирного подъёма Китая» сменилось устойчивым представлением о Китае как о «системной угрозе интересам, ценностям и безопасности» [4], и насколько аргументация на эту тему убедительна (количество работ западных авторов на эту тему насчитывает сотни и, возможно, даже тысячи). То же касается и подробного анализа китайских внешнеполитических документов – это отдельная задача, которая в значительной степени уже раскрыта в работах ведущих российских китаеведов (см., например: [Денисов И.Е., 2017; Денисов И.Е., Адамова Д.Л., 2017; Портяков В.Я., 2015; Лукин А.В., 2019]). Вместо этого в рамках данной статьи предлагается более пристально взглянуть на характер внешнеполитической идеологии и стратегии Китая на текущем этапе в контексте того, способен ли Китай в принципе выдвигать задачу стать мировым гегемоном, и почему формируется деформированное восприятие китайских внешнеполитических установок.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА КНР: БОЛЕЗНИ РОСТА

Политическая традиция Китайской Народной Республики фактически представляет собой сложную композицию из трёх базовых компонентов: тысячелетнего наследия китайской цивилизации, советских установок, а также собственного опыта китайских коммунистов, полученного ими в годы борьбы за власть. При этом на современную внешнюю политику Китая влияет ещё больше факторов, причём некоторые из них противоречат друг другу.

Во-первых, это внутреннее представление о Китае как о великой цивилизации, которая должна быть региональным лидером и одним из центров мирового устройства – причём не благодаря силе, а благодаря более высоким цивилизационным достижениям. Во-вторых, историческая память о традициях этноцентризма, вассально-даннических отношений с соседями и возможности мирного соразвития большого числа стран в китаецентричной экономической и культурной системе, как это было ещё совсем недавно, в Средневековье и на заре Нового времени.

Не менее важен ещё один фактор, связанный с настроениями реваншизма, которые восходят к представлению о цивилизационном кризисе XIX–XX веков как о периоде внешнего давления на Китай. Восстановление цивилизационного могущества, «великое возрождение китайской нации», которое является краеугольным камнем политической философии Си Цзиньпина, на этом фоне представляется как единственно справедливый исход. При этом ряд нерешённых проблем с соседями (территориальных, связанных с исторической памятью и др.) подогревает эти

настроения реваншизма, что объективно пугает внешних наблюдателей. Достаточно вспомнить антияпонские протесты в Китае по поводу принадлежности островов Сенкаку или посещения японскими политиками храма Ясукуни в Токио, похожие акции в отношении Южной Кореи, Вьетнама, Филиппин и т.д.

Кроме того, важным фактором является партократическая сущность современного китайского государства. У власти в нём находится партия, заявляющая о верности идеалам коммунистической идеологии, включая идеи интернационализма. Велика и инерция внутренних представлений о Китае как «развивающемся» государстве, которому было уютно и безопасно в рамках предложенной Дэн Сяопином концепции «Держаться в тени, стараясь ничем не проявлять себя, но при этом заниматься реальными делами» [3: 473].

Наконец, с одной стороны, Китай – «государство китайской нации», для которого краеугольным вопросом является объединение всех китайцев в рамках одной страны (отсюда концепция «одна страна, две системы» и столь болезненное отношение к «тайваньскому вопросу»). При этом, с другой стороны, де-факто и де-юре КНР – полиэтническое государство, в котором проживают народы, в культурном и языковом плане близкие к другим центрам мировой политики. Речь прежде всего о мусульманских народах Синьцзяна, существование которых во многом определяет отношения Пекина с исламскими странами.

Всё это делает китайскую внешнеполитическую «идеологию» сложным ситуативным набором установок, отражающим противоречивый характер самого современного китайского государства. С одной стороны, это идеология амбициозной великой державы с ярко выраженным националистическим подтекстом, замешанным на настроениях реваншизма и комплексах перед «европейскими колонизаторами»; с другой стороны, это идеология «лидера третьего мира», заявляющего о своём желании облагодетельствовать если не всю планету, то ближайших «постколониальных братьев». В конечном счёте, это политика современного капиталистического государства, исходящего прежде всего из заботы об извлечении прибыли для национального капитала.

Противоречивость факторов, влияющих на внешнюю политику, приводит к непоследовательности внешнеполитического курса. Например, инициатива «Пояса и пути», объявленная ровно десять лет назад, была изначально воспринята большинством зарубежных партнёров как возможность за китайский счёт решить свои инфраструктурные проблемы. При этом китайские эксперты с самого начала твердили, что проект «Пояс и путь» предполагает взаиморазвитие, а ресурсов в одиночку облагодетельствовать весь мир у Китая попросту нет [9; 10]. Размытые рамки инициативы, громкие заявления китайских политиков, которые обычно концентрируются только на позитиве, равно как и активность, с которой Пекин продвигал эту инициативу в 2013–2015 гг., как представляется, привели к обратному результату.

Во-первых, ожидания от совместных проектов с Китаем оказались больше, чем реальные результаты, что привело к определённом разочаровании – особенно в странах Южной и Юго-Восточной Азии. Во-вторых, многих такая напористость Китая напугала, что особенно хорошо заметно на примере Европы, где после короткого периода эйфории 2013–2015 гг. наблюдается резкий переход к негативному восприятию Китая.

Другой пример противоречивости китайской внешней политики, вызывающей непонимание у внешних наблюдателей – Тайвань. Официальная позиция на этот счёт вполне миролюбива: «Тайваньский вопрос является собственным делом китайцев, которое должно быть решено самими китайцами. <...> Мирное воссоединение является наилучшим способом для объединения двух берегов Тайваньского пролива, а также наиболее выгодным вариантом для соотечественников с обоих берегов и китайской нации в целом» [1]. Однако заигрывания с националистическими настроениями и отдельные высказывания о том, что «решение тайваньского вопроса не может ждать вечно» [6] невольно воспринимаются как готовность Пекина вернуть Тайвань силой, что, в свою очередь, используется антикитайскими силами как «доказательство» агрессивной природы китайского возвышения [5].

ВООБРАЖАЕМАЯ БОРЬБА ЗА МИРОВУЮ ГЕГЕМОНИЮ

Анализируя предпосылки китайско-американского противостояния, следует учитывать, что обе страны исходят из принципиально разного понимания характера международных отношений и своего места в них.

Как справедливо отмечает А.В. Лукин, «США борются за лидерство в Азии, так же, как и во всем мире, по идеологическим соображениям; в Вашингтоне считают, что лидерство США в мире является гарантией его нормального развития; в случае же, если такое лидерство захватит другая страна, всё в мире пойдёт не так» [Lukin, A., 2023]. Президент США Дж. Байден во введении к Стратегии национальной безопасности США (2022 г.) заявил: «Во всём мире потребность в американском лидерстве столь же высока, как и всегда. Мы находимся в ситуации стратегической конкуренции за формирование будущего миропорядка... Отвечая на этот вызов, США будут лидировать, опираясь на наши ценности, работать рука об руку с нашими союзниками и партнёрами и со всеми, кто разделяет наши интересы. Мы не оставим будущее уязвимым для прихотей тех, кто не разделяет наше видение мира как свободного, открытого, процветающего и безопасного» [7; Лукин А.В., 2019]. В этом контексте угроза интересам Соединённых Штатов в любом регионе может масштабироваться на уровень экзистенциальной глобальной угрозы, причём, как отмечает А.В. Лукин, «мораль и безопасность здесь неразрывно переплетены; потеря геополитического лидерства ведёт к угрозе безопасности США и одновременно подрывает высшие “ценности”, которые США несут миру» [Lukin, A., 2023]. А «подрыв ценностей», соответственно, интерпретируется как вызов Вашингтону в качестве мирового лидера, что угрожает национальной безопасности. Таким образом, любой голос, оспаривающий доминирование Соединённых Штатов, в такой парадигме должен быть заглушён.

С точки зрения гегемона, на его место всегда есть конкурент, логика взаимодействия с которым, в конечном счёте, характеризуется как «кто кого». Долгое время таким конкурентом был Советский Союз. Победа в холодной войне знаменовала наступление «золотой эпохи» для США и американского культурного и экономического доминирования во всём мире. Китай 1990-х годов, несмотря на ухудшение отношений с США, связанное с введением санкций после событий на площади

Тяньаньмэнь 1989 г. (подробнее см.: [Зуенко И.Ю., 2022]), в целом находился под тем же влиянием «победителя в холодной войне», о чём свидетельствует не только мода на американскую поп-культуру и образ жизни, но и, например, заимствование американских подходов к «мягкой силе» [Денисов И.Е., Зуенко И.Ю., 2022: 8]. Первыми сигналами завершения «золотого десятилетия Америки» стали война в Югославии 1999 г. и события 11 сентября 2001 г. Примечательно, что именно после попадания американской бомбы в китайское посольство в Белграде по Китаю прошли антиамериканские митинги, и многие эксперты в КНР отсчитывают нынешнюю волну американизма именно от этого времени [11]. Однако на тот момент Китай не являлся для Америки экзистенциальным соперником – в ещё меньшей степени США были таковым для Китая, быстрый экономический рост которого во многом жаждался на взаимодействии с американским рынком.

Объявленный Вашингтоном «крестовый поход» против терроризма в ещё большей степени убедил США в своей миссии лидера «всего свободного мира», однако разрозненные и неспособные мобилизовать значительные ресурсы террористические группы и организации не могли восприниматься как претенденты на место «царя горы». В этом контексте могла восприниматься только крупная держава – и ещё с 1990-х годов большая часть аналитиков сходилась на том, что такой державой будет Китай. Даже несмотря на то, что Пекин, верный заветам Дэн Сяопина, в тот момент проводил подчёркнуто пассивную внешнюю политику.

Подобная пассивность, диссонирующая с явным экономическим возвышением, привела к тому, что в действиях КНР начали видеть неискренность, желание скрыть свои истинные возможности (и намерения). Си Цзиньпин, провозгласивший переход к более активной внешней политике – прежде всего, из желания стабилизировать обстановку внутри страны путём консолидации общества и эксплуатации реваншистских и националистических настроений, – своими действиями и риторикой неосознанно спровоцировал на Западе панические ожидания того, что Китай наконец-то заявит свои права на мировое лидерство. Тем более, в ценностном отношении Китай, как и другие страны-лидеры «глобального Юга», отходили от американских образцов, виной чему был, прежде всего, кризис привлекательности западной идеологической повестки, так называемой «новой этики» (расширение прав расовых, сексуальных и иных меньшинств путём осознанного ущемления прав большинства). В результате мировой гегемон уверился, что теперь его главный конкурент – это Китай.

Между тем, Китай, в силу ограниченности собственных ресурсов и восприятия себя как страны «глобального Юга», не видит себя борцом за мировую гегемонию. Это, впрочем, не означает, что Китай не рассматривает себя в качестве борца *против* мирового гегемона. Дело в том, что антикитайская политика Вашингтона, очевидная с 2018 г., когда Д. Трамп начал против КНР «торговую войну», воспринимается в Китае как препятствие на пути своего социально-экономического развития. Магистральной целью нынешнего китайского руководства является превращение страны к 2049 г. – году столетия КНР – «в ведущую модернизированную социалистическую державу по совокупной национальной мощи и международному влиянию» [2]. Эта стратегия не является антиамериканской по своей сути, но любые

действия, препятствующие достижению «столетней цели» (а политика США сейчас характеризуется именно так!), провоцируют Китай на ответные действия. Пекин *вынужден* противодействовать антикитайскому курсу Вашингтона.

Иными словами, процесс усиления экономического влияния КНР, который был запущен во многом силами самих США и от которого американский капитал десятилетиями получал сверхприбыли, после того как стало очевидно, что КНР сохранит независимую политику и намерена занять подобающее экономическому росту международное положение, стал восприниматься в США как экзистенциальный вызов своей гегемонии. В результате этого Китай испытал на себе всю мощь американского инструментария по сдерживанию развития других стран (санкции, информационная война и т.д.), однако после некоторого периода замешательства (2018–2020 гг.) решил ответить. Эта ситуация и привела к разрыву («декаплингу») двух ведущих экономик мира, связанных между собой теснейшими торговыми связями, несмотря на то что в краткосрочной перспективе такой разрыв невыгоден как Китаю, так и стране-инициатору разрыва – США.

Последние действия Вашингтона (прежде всего, курс на технологическую изоляцию Пекина в плане разработки и производства полупроводников) фактически не оставляют для Китая пространства для манёвра в плане восстановления того статуса, который был столь выгоден КНР в 1980–2010-х годах: проведение суверенной протекционистской политики внутри страны и использование выгод открытости высокоразвитых европейских и американских рынков. Теперь Китай вынужден защищаться и действительно склонен создавать альтернативный миропорядок, основанный на взаимодействии со странами БРИКС и странами «третьего мира». При этом, исходя из доктринальных документов Пекина (см., например: [1]), этот миропорядок видится им как мультилатеральный, основанный на идее о взаимосвязанности и взаимозависимости различных стран мира и отрицающий «блоковое мышление», то есть условное деление мира на «китайский» и «американский» лагерь. Исходя из этого, можно сделать вывод, что Китай заинтересован в сломе американской гегемонии, но не с тем, чтобы занять место США в качестве мирового гегемона.

Так, надуманная и во многом вообразжаемая борьба за мировую гегемонию, основанная на неверном понимании сути и возможностей китайской внешней политики, ведёт мир к деглобализации и состоянию, в котором эскалация напряжённости и переход к вооружённому конфликту вполне вероятны. Инициатором этих процессов и основным их «драйвером» по совокупности признаков видится не Пекин, а именно Вашингтон.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Экономический подъём Китая, совершенно закономерный в тех условиях, в которых оказалась страна в 1980-х годах (сочетание огромного рынка дешёвой рабочей силы и открытости внешних рынков, ставшей следствием международной разрядки), привёл к подъёму Китая и как субъекта международных отношений. При этом, как представляется, социально-экономическая модель «китайского экономического чуда» себя исчерпала, а новая пока не найдена, что позволяет сделать вывод о том, что мир является свидетелем наивысшего усиления Китая. Для ещё большего

роста Китаю не хватает ресурсов и гибкости в трансформации своей социально-экономической модели (см., например: [Карпов М.В., 2014; Пу С. и др., 2022]). Внешняя политика Пекина в настоящий момент направлена не на ещё большую внешнюю экспансию, а на утверждение места Китая в мировой политике, которое должно соответствовать его экономическим успехам и историческим достижениям. Это место, безусловно, предполагает региональное лидерство, но в глобальном масштабе это позиция не гегемона, а одного из мировых лидеров.

При этом в силу того, что «возвышение Китая» произошло столь стремительно, наблюдаются определённые «болезни роста»: противоречивость и непоследовательность как идеологии, так и внешнеполитической стратегии в целом. Для внешнего наблюдателя эти свойства китайской внешней политики накладываются на двойственное восприятие современного Китая (тот самый диапазон от архаики до модерна, упомянутый в начале статьи). В результате это сплющивает и рядом затрудняет или и вовсе деформирует оценку действий КНР на мировой арене. Так, нынешняя синофобия западной политической элиты, с одной стороны, базируется на стремлении США сохранить своё положение мирового гегемона, а с другой – подпитывается отдельными громкими заявлениями и действиями самого Китая, который всё ещё недостаточно опытен и решителен, чтобы на равных сражаться с Западом, но уже и не та бедная развивающаяся страна, которая могла «держаться в тени и скрывать свои возможности».

ИСТОЧНИКИ

1. Полный текст доклада XX Всекитайскому съезду Коммунистической партии Китая. МИД КНР. Available at: https://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/202210/t20221026_10792071.html (accessed 17.04.2023).
2. Полный текст доклада, с которым выступил Си Цзиньпин на XIX съезде КПК. *Синьхуа*. Available at: http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm (accessed 17.04.2023).
3. Цзян Цзэминь. О социализме с китайской спецификой. М.: Памятники исторической мысли. 2004. Т. II–III. 811 с.
4. “Madrid Summit Declaration: Issued by NATO Heads of State and Government Participating in the Meeting of the North Atlantic Council in Madrid 29 June 2022”, June 29, 2022. *National Security Archive*. Available at: <https://nsarchive.gwu.edu/document/29294-29-madrid-summit-declaration-issued-nato-heads-state-and-government-participating2> (accessed 17.04.2023).
5. A Conversation on the Evolution and Importance of Technology, Diplomacy, and National Security with 66th Secretary of State Condoleezza Rice. *U.S. Department of State*. Available at: <https://www.state.gov/secretary-antony-j-blinken-at-a-conversation-on-the-evolution-and-importance-of-technology-diplomacy-and-national-security-with-66th-secretary-of-state-condoleezza-rice/> (accessed 17.04.2023).
6. China's Xi Says Political Solution for Taiwan Can't Wait Forever. *Reuters*. Available at: <https://www.reuters.com/article/us-asia-apec-china-taiwan-idUSBRE99503Q20131006> (accessed: 17.04.2023).
7. National Security Strategy. *The White House*. October 2022. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf>. P. 2 (accessed 17.04.2023).

8. Sen. Ted Cruz blasts Mayorkas for feeble testimony on border crisis: He is 'deliberately defying' federal law. *Fox Business*, 30.03.2023. Available at: <https://video.foxb.com/v/6323655451112#sp=show-clips> (accessed 17.04.2023).

9. 罗来军. 中国以“一带一路”国际合作践行经济全球化 (Ло Лайцзюнь. Чжунго и Идай илу гоцзи хэцзо цзяньсин цзинцзи цюаньцохуа = Китай осуществляет экономическую глобализацию с помощью международного сотрудничества в рамках «Пояса и Пути»). *Жэньминь жибао*. Available at: <http://csrc.people.com.cn/xuexi/n1/2017/0510/c385474-29264959.html> (accessed 17.04.2023).

10. 赵会荣. “一带一路”学术研究的现状、问题与展望 (Чжао Хуйжун. Идай илу сюэшу яньцзю дэ чжуанчжи, вэньти юй чжаньван = Современное положение, проблемы и перспективы научных исследований «Пояса и Пути»). *Элосы, Дунъюу, Чжунъя яньцзю*. 2017. № 2. С. 74–82. Available at: <http://www.ooyj-oys.org/Upload-File/Issue/j5g5dcjh.pdf> (accessed 17.04.2023).

11. 陆晖. 1999 反美游行 民族主义新浪潮 (Лу Цзюнь. 1999 Фаньмэй люсин миньцзучжуи синь ланчао = Антиамериканское движение 1999 года, новая волна национализма). *Sina*. Available at: <http://news.sina.com.cn/c/2008-07-18/175415958373.shtml> (accessed 17.04.2023).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Денисов И.Е. Внешняя политика Китая при Си Цзиньпине: преемственность и новаторство. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2017. № 5. С. 83–98.

Денисов И.Е., Адамова Д.Л. Формулы внешней политики Си Цзиньпина: основные особенности и проблемы интерпретации. *Китай в мировой и региональной политике. История и современность*. 2017. № 1. С. 76–90.

Денисов И.Е., Зуенко И.Ю. От мягкой силы к дискурсивной силе: новые идеологии внешней политики КНР. М.: МГИМО-Университет, 2022. 24 с. Available at: <https://mgimo.ru/library/publications/china-foreign-policy-new-ideologemes/> (accessed 17.04.2023).

Зуенко И.Ю. Американские санкции в отношении Китая: опыт 1990–2010-х годов. *Россия и Америка в XXI веке*. 2022. № 6. Available at: <https://rusus.jes.su/s207054760023470-4-1/> DOI: 10.18254/S207054760023470-4 (accessed 17.04.2023).

Карпов М.В. Замкнутый круг «китайского чуда». Рыночные преобразования и проблема реформируемости партийного государства ленинского типа в Китайской Народной Республике. М., СПб.: Издательство Нестор-История, 2014. 292 с.

Лукин А.В. Дискуссия о развитии Китая и перспективы его внешней политики. *Полис. Политические исследования*. 2019. Том 28. № 1. С. 71–89. DOI: 10.17976/jpps/2019.01.06

Портяков В.Я. Внешняя политика Китайской Народной Республики в XXI столетии / Отв. ред. В.Е. Петровский. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2015. 280 с.

Пу С., Гилл Б., Зуенко И.Ю., Ломанов А.В., Ви С.Л. «Любая страна, если загнать её в угол, будет сражаться». *Россия в глобальной политике*. 2022. Т. 20. № 5. С. 208–229.

REFERENCES

Denisov, I.E. Vneshniaia politika Kitaia pri Si Tszin'pine: preemstvennost' i novatorstvo [China's Foreign Policy under Xi Jinping: Legacy and Innovation] (In Russ.). *Outlines of global transformations: politics, economics, law*. 2017. № 5. P. 83–98.

Denisov, I.E., Adamova, D.L. Formuly vneshnei politiki Si Tszin'pina: osnovnye osobennosti i problemy interpretatsii [Xi Jinping's Foreign Policy Formulas: General

Features and Interpretation Problems] (In Russ.). *China in World and Regional Politics. History and Modernity*. 2017. № 1. P. 76–90.

Denisov, I.E., Zuenko, I.Yu. Ot miagkoi sily k diskursivnoi sile: novye ideologemy vneshnei politiki KNR [From Soft Power to Discourse Power: New Ideologemes of China's Foreign Policy] (In Russ.). Moscow, MGIMO-University, 2022. 24 p. Available at: <https://mgimo.ru/library/publications/china-foreign-policy-new-ideologemes/> (accessed 17.04.2023).

Karpov, M.V. Zamknutyi krug "kitaiskogo chuda". Rynochnye preobrazovaniia i problema reformiruемости partiinogo gosudarstva leninskogo tipa v Kitaiskoi Narodnoi Respublike [Chinese Miracle's Endless Circle: Market Reforms and the Problem of Reforming Leninist-type Partocracy State in People's Republic of China] (In Russ.). Moscow, Saint Petersburg, Izdatel'stvo Nestor-Istoriia, 2014. 292 p.

Lukin, A. Sino-U.S. Rivalry in the Asia-Pacific: Declarations and Actual Policies // *Russia in Global Affairs*. 2023: 21(1). P. 153-173. Available at: <https://eng.globalaffairs.ru/articles/sino-us-rivalry-in-asia-pacific/> (accessed 17.04.2023). DOI: 10.31278/1810-6374-2023-21-1-153-173.

Lukin, A.V. Diskussii o razvitii Kitaia i perspektivy ego vneshnei politiki [Discussion on the Development of China and Prospects for Its Foreign Policy]. *Polis. Political Studies*. 2019. No. 1. P. 71-89. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.01.06>

Mearsheimer, J. Can China Rise Peacefully? *The National Interest*. Available at: <https://nationalinterest.org/commentary/can-china-rise-peacefully-10204> (accessed 17.04.2023).

Portjakov, V.Ya. Vneshniaia politika Kitaiskoi Narodnoi Respubliki v XXI stoletii [Foreign Policy of People's Republic of China at XXI century] (In Russ.) / Edited by V.E. Petrovskii. Moscow, Institute of Far Eastern Studies, 2015. 280 p.

Pu, S., Gill, B., Zuenko, I.Ju., Lomanov, A.V., Vi, S.L. "Ljubaia strana, esli zagnat' ee v ugol, budet srazhat'sia" [Any Country in a Tight Corner Would Fight] (In Russ.) *Russia in Global Affairs*. 2022. T. 20. № 5. P. 208–229.

Zuenko, I. Amerikanskii sanktsii v otnoshenii Kitaia: opyt 1990–2010-kh godov [American Sanctions towards China: 1990-2010s] (In Russ.). *Russia and America in the 21st Century*. 2022. No. 6. Available at: <https://rusus.jes.su/s207054760023470-4-1/>. DOI: 10.18254/S207054760023470-4 2022 (accessed 17.04.2023).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЗУЕНКО Иван Юрьевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра мировой политики и стратегического анализа, Институт Китая и современной Азии Российской академии наук. Российская Федерация, 117997, Москва, Нахимовский проспект, д. 32.

Ivan Yu. ZUENKO, Candidate of Sciences (History), Leading Researcher, Center for World Politics Research and Strategic Analysis, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences. 32, Nakhimovsky Ave., Moscow, 117997, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 26.04.2023 / Received 26.04.2023.

Поступила после рецензирования 10.05.2023 / Revised 10.05.2023.

Статья принята к публикации 12.05.2023 / Accepted 12.05.2023.

Информация для авторов

Редакция принимает материалы, соответствующие тематическому профилю журнала, отвечающие международным стандартам научных публикаций и оформленные в соответствии с установленными правилами. Рукопись должна представлять результаты оригинального авторского исследования, изложенные в научном стиле. Объём принимаемых к рассмотрению статей до 45 тыс. знаков, рецензий – до 15 тыс. знаков.

К статье должны прилагаться: информативная аннотация (200–250 слов), ключевые слова и подробные данные об авторе (полностью фамилия, имя, отчество, степень, учёное звание, должность и полное название места работы, адрес организации с индексом, e-mail). При этом аннотация представляет собой резюме, подробный пересказ содержания и выводов статьи. В аннотации следует избегать использования словосочетаний вроде «в статье рассматривается», «автор считает» и пр. Под ключевыми словами подразумеваются наиболее часто упоминающиеся в работе понятия и термины.

Вся прилагаемая информация должна быть продублирована на академическом английском языке. *Бумажная версия* печатается на одной стороне листа (шрифт *Arial*, кегль 12, интервал полуторный, поля слева и справа по 3 см). Автор индексирует свою статью по Универсальной десятичной классификации (УДК). Обязательно наличие у автора цифрового идентификатора ORCID. Его можно оформить на сайте <http://orcid.org/>.

Электронная версия представляется в форматах *doc*, *docx* или *rtf*. Текст статьи и вся сопровождающая информация представляется в одном файле в следующем порядке: название статьи (русс., англ.), аннотация (русс., англ.), ключевые слова (русс., англ.), полная информация об авторе (русс., англ.), текст статьи, библиографический список.

Отсутствие библиографического списка может стать причиной отказа в регистрации статьи. Материалы для рубрик "Размышляя над прочитанным" и "Книжная полка" могут не содержать библиографический список. На каждый источник из списка обязательна ссылка в тексте.

Полные библиографические описания даются в списке литературы, размещённом после текста статьи. В список включаются ссылки на статьи из научных периодических изданий и монографии. Этот список состоит из двух частей: на русском и английском языках ("Список литературы" и "References" соответственно). Англоязычная часть содержит перевод и транслитерацию названий русскоязычных источников на английский язык (см. сайт: <http://translit.net/>). Транслитерация производится по системе Библиотеки Конгресса США (ALA-LC).

Отсылки в тексте заключаются в квадратные скобки и содержат фамилию автора (авторов), год издания, номера цитируемых страниц; допускается частичная замена длинных заглавий многоточием.

1. При описании книг указываются в следующем порядке: фамилия и инициалы автора, год издания, название (*курсивом*), город издания, издательство, количество страниц.

2. Если книга написана коллективом авторов, на первое место выносится её название, после года издания в круглых скобках указывается редактор, редактор-составитель и т.п.

3. При описании переводной книги следует указать сначала ссылку на оригинальное издание, а затем – на издание русского перевода (если русское издание не является оригинальным составным сборником трудов иностранного автора).

4. Ссылки на информационные, официальные и прочие источники, в том числе на интернет-ресурсы, не являющиеся научно-аналитическими материалами (законы, материалы слушаний, выступления и обращения официальных лиц, статистические источники, материалы прессы), следует приводить в разделе "Источники", который размещается после текста статьи перед списком литературы. Ссылки в этом разделе нумеруются, отсылки к ним в тексте имеют вид номера публикации в квадратных скобках.

5. Публикации в разделах "Источники" и "Список литературы/References" приводятся в алфавитном порядке.

Примеры отсылок в тексте статьи: [1] – на публикацию в разделе "Источники", [Иванов И.И. 2001: 25] – на публикацию в разделе "Список литературы".

Все таблицы и рисунки должны быть пронумерованы, иметь заголовки и ссылки в тексте. Данные, заимствованные из другого источника, сопровождаются библиографической ссылкой. Весь графический материал принимается только в редактируемом виде (не картинками!).

Все присланные в Редакцию материалы отдаются на рецензирование.

Плата за публикацию не взимается.

Дополнительные варианты оформления ссылок и библиографии авторы могут найти на страницах журнала и на сайте <http://www.iskran.ru/journal.php>.

За разрешением на перепечатку или перевод опубликованных в нашем журнале материалов обращаться в Редакцию.

Все статьи журнала размещаются в базе данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ). Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии (ВАК). С декабря 2015 г. журнал входит в базу *Russian Science Citation Index (RSCI)* на платформе *Web of Science*.